

Путь русского офицера

В.В. Карпов

Маршал БАГРАМЯН

В.В. Карпов
МАРШАЛ БАГРАМЯН

ПУТЬ РУССКОГО ОФИЦЕРА

В.В. КАРПОВ

МАРШАЛ БАГРАМЯН

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622.78
К26

Карпов, В.В.

К26 Маршал Баграмян / В.В. Карпов. — М. : Вече, 2014. — 320 с., ил. — (Путь русского офицера).

ISBN 978-5-4444-1669-3

Знак информационной продукции 16+

Книга известного военного писателя В.В. Карпова посвящена одному из выдающихся полководцев Великой Отечественной войны Ивану Христофоровичу Баграмян (1897—1982, с 1943 г. — генерал армии, с 1955 г. — Маршал Советского Союза). Однако тема данного произведения особенная: в нем речь идет о непростой послевоенной эпохе. Запад объявил крестовый поход против СССР, обозначилась угроза новой мировой войны, на этот раз атомной. На первый план выходило материальное обеспечение армии, способной вести сражения в условиях применения атомного оружия. В 1958 году руководство страны решило, что Тыл Вооруженных сил СССР должен возглавить не только хороший интендант, но и полководец, компетентный в вопросах стратегии и обеспечения боевых действий в новых условиях. На эту ответственную должность и был назначен маршал И.Х. Баграмян; он прослужил на данном посту целое десятилетие.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622.78

ISBN 978-5-4444-1669-3

© Карпов В.В., наследники, 2014
© ООО «Издательство «Вече», 2014

ВСЕГДА В СТРОЮ¹

Прочитал повести Владимира Карпова, и первое, что захотелось воскликнуть: как быстролетно время! Кажется, совсем недавно я, будучи командующим Первого Прибалтийского фронта, встречал в разведывательных сводках фамилию старшего лейтенанта Карпова, и вот он, такой же лихой, смелый разведчик, теперь известный писатель.

Нам всем очень повезло, что Владимир Карпов остался жив, пишет для нас и для нового поколения замечательные книги. Я говорю — повезло, потому что работа разведчика очень опасна, а Карпов много раз ходил за «языками» и на передний край, и в тыл врага. По книгам и кино многие имеют представление, что это за работа, и сам Карпов написал очень хороший роман «Взять живым», в котором он без прикрас, без «сюперменства» показал суровую, опасную и труднейшую службу войсковой разведки. Я считаю эту книгу одной из лучших книг о жизни и боевой деятельности самого трудного полкового звена — это воины переднего края, а разведчики еще и дальше переднего края, потому что их деятельность проходила в расположении врага. Достоверность, знание всех тончайших деталей боевой,

¹ Эту статью Баграмян написал в 1979 году, после прочтения моей книги «Не мечом единым». — *Примеч. авт.*

окопной жизни — одно из достоинств книги Карпова, а основано это на том, что почти во всех описанных заданиях принимал участие и сам автор. Владимир Карпов сражался не только на фронте, которым я командовал, он вел активные боевые действия на соседнем, 3-м Белорусском и, как мне известно, пользовался уважением командующего тем фронтом Ивана Даниловича Черняховского.

Да, летит время, и в этом движении в наших трудах, в наших достижениях послевоенных лет занимает большое место и труд советских писателей. Не скрою, мне очень приятно встречать на обложках книг, в журналах, на экране телевизора боевого друга суровых дней Великой Отечественной войны Владимира Карпова.

Многие фронтовики после боев пошли учиться, стали инженерами, учеными, работниками искусства, прославились трудовыми делами на заводах и колхозных полях. Например, командир 629-го полка, в котором служил В. Карпов, сначала майор, а в конце войны полковник Алексей Кириллович Кортунов, стал руководителем строительства крупных нефтеразработок, а позднее много лет был министром газовой промышленности СССР.

У Владимира Карпова жизнь и работа шли по двум направлениям, но не раздваивались! Как два рельса одного магистрального железнодорожного пути, они вели его к одной желанной цели. Он сочетал военную службу и литературное творчество. Конечно, это было нелегко, и то, и другое требует не только много времени, но и полной отдачи всего себя. Большая любовь к делу, талант, высокая трудоспособность помогали офицеру Карпову преодолеть все трудности. В 1947 году он окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе, а в 1948-м — Высшие Академические

курсы Генерального штаба и был назначен на работу в Генеральный штаб. Это очень высокая честь для военного, и, как видим, Владимир Васильевич был удостоен этой чести именно как военный, как признанный мастер ратного дела.

Продолжая все эти годы писать, Владимир Карпов ощущал недостаток специального литературного образования, как он мне говорил — чувствовал, что «кустарничает», не зная теории, истории, особенностей литературного труда. Поэтому решил поступить на вечернее отделение Литературного института им. Горького на отделение прозы. Шесть лет напряженного труда! Очень нелегко было офицеру Генерального штаба сочетать учебу с работой, бессонные ночи за книгами и очень ответственные командировки, порой не менее опасные, чем в годы войны! И еще надо было и очень хотелось писать. Творческим руководителем Владимира Карпова в институте был К.Г. Паустовский. Защищал он диплом перед комиссией, которую возглавлял Леонид Соболев. Защитил не только успешно, а еще, видно, запомнился каким-то своим писательским обликом.

Много предстает перед комиссией дипломников, не каждый из них запоминается надолго, а вот Карпов запомнился Соболеву; однажды Владимир Васильевич показал мне «Капитальный ремонт» Соболева с надписью:

«Гвардии полковнику Владимиру Васильевичу Карпову.

Приятно все же таки обнаружить своего дипломника на полезной военной работе. Я, видно, знал, кому вручаю диплом!

*Капитан I ранга Л. Соболев
1965.4.2».*

Больше десяти лет прошло после защиты диплома, все эти годы Карпов служил в войсках, а Соболев его помнил и вот прислал книгу в далекую Кушку!

Кстати, сразу же после защиты диплома в 1954 году подполковник Карпов подал рапорт с просьбой направить его в войска.

Он так поступил потому, что работа в Генеральном штабе связана с большой секретностью, не обо всем можно писать. А Карпову очень хотелось населить свои произведения образами современных офицеров, писать не только о войне, но и о сложной, интересной жизни армии в мирные дни.

В Министерстве обороны поняли стремление писателя, и Карпов был направлен в жаркие края Туркестанского военного округа. Больше пяти лет Владимир Карпов командовал полками в Каракумах, на Памире, был начальником штаба механизированной гвардейской дивизии и заместителем командира дивизии.

Все эти годы он не только командовал, но и всматривался в жизнь, накапливал огромный материал, который ложился в основу его литературных произведений.

Я не случайно так подробно останавливаюсь на описании жизненного пути Владимира Карпова, этот путь объясняет истоки и содержание повестей, помещенных в настоящей книге.

Литературные особенности произведений Владимира Карпова достаточно широко и высоко оценены критикой, мне же хочется отметить большую воспитательную силу его повестей. Написанные правдиво, со знанием дела, о том, что всегда волнует читателей военной среды — о становлении характеров, личностей в армейских условиях, — эти повести не только интересны как литературный материал, они еще поучительны в самом прямом, деловом, служебном отношении, потому что обобщают личный опыт ав-

тора. А опыт у него большой, глаз зоркий, ум пронзительный, склонный и к анализу, и к обобщениям. Командовать писателю больше пяти лет полком — это не съездить в творческую командировку! А сходить много раз в тыл врага со специальным заданием и писать об этом, опираясь на собственные наблюдения и переживания, — это, конечно же, более весомо, чем писать по вопросам или по рассказам других, выполнявших такие задания.

Я не хочу этим сказать, что писатель обязательно должен пережить, пройти через то, о чем он пишет; силой воображения и таланта литератор способен проникать и в человеческие сердца, и в космические дали. Говоря же о творчестве Карпова, я лишь подчеркиваю то, что усиливает проникающую силу его строк и порождает к нему доверие, не только к нему как автору, но еще и укрепляет веру в идеалы, которые он пропагандирует и утверждает как писатель. А проповедует он, причем тонко, не в лоб, а тепло, ненавязчиво, но убедительно, — любовь к Родине, любовь к армии, веру в социалистические идеалы, которые делают нашу армию непобедимой.

Владимир Карпов всегда с большим уважением и тактом пишет о работе офицеров. Приведу только один пример. В повести «Не мечом единым» описаны около десяти офицеров различных званий и служебных положений, но наряду с этим они еще и все разные по характерам. Они делают одно общее дело, но каждый в силу своих индивидуальных особенностей встает перед читателем еще и как человек.

Эта повесть одной из первых в нашей литературе освещает жизнь и деятельность одной из частей в условиях идеологической борьбы, происходящей сегодня в мире. В этой борьбе наши противники ищут пути влияния на советскую молодежь через радиопередачи

различных «голосов», через магнитофонные записи песенок «с подтекстом», через сплетни и анекдоты, т.е. берется врагами на вооружение все, что может поколебать веру, породить скепсис и инфантильность, лишить молодых людей бойцовских качеств, чтобы не было у нас Матросовых, Космодемьянских, людей, способных на подвиг, на твердое умение и желание защищать родину в бою.

Карпов в повести «Не мечом единым» ставит именно эту очень важную проблему борьбы за молодежь в условиях армии, потому что молодые люди, та часть из них, которая попадет под влияние буржуазной пропаганды, приходит в армию, когда настает положенный день, надевает военную форму, становится солдатом. Но это лишь внешне! Писатель как раз и заостряет внимание на том, что советским солдатом надо стать еще и по убеждениям, что это случается не просто, не вдруг, чаще с помощью командиров, воинского коллектива. Происходит это не всегда безболезненно, порой сопряжено с внутренней психологической борьбой людей и, конечно же, борьбой идей, в которые они верят.

Наша армия сегодня вооружена самым современным оружием, но сила ее не только в ракетах, атомоходах и самолетах новейших конструкций. Сила эта еще и в том, о чем постоянно заботится наша партия и о чем так умело и доходчиво пишет в своих произведениях писатель Карпов: в идейной прочности, безграничной вере в ленинские, коммунистические идеалы, преданности Родине и народу, — эта сила всегда была сильнее любого другого оружия и помогала нам одерживать победы над самыми сильными и коварными врагами.

Это оружие не стареет, поэтому, я думаю, и произведениям Владимира Карпова предстоит жить долго, чего я от души желаю. А самому Владимиру Васильевичу, как

моему соратнику по оружию в годы войны и доброму другу в дни мирные, я желаю дальнейших успехов на литературном и военном поприщах. На военном потому, что такой писатель, как он, не уходит в запас, он всегда в строю, всегда с воинами и офицерами, которые любят его и считают своим бессменным сослуживцем.

Маршал Советского Союза

И.Х. Баграмян

23.1.79

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга необычная, потому считаю необходимым ввести читателей в ее содержание и отметить особое место ее среди книг на военную тему, опубликованных после окончания войны.

Отгремели сражения Великой Отечественной. О грандиозных операциях и славных делах наших воинов, офицеров и генералов написаны сотни книг участниками боевых действий. Это бесценная память на века для многих поколений наших соотечественников.

Написали мемуары и воспоминания крупнейшие военачальники: Жуков, Василевский, Рокоссовский, Конев, Баграмян и другие. Все эти книги описывают события военной поры и обычно завершаются парадом Победы, всенародной радостью и личным счастьем авторов этих воспоминаний.

Но жизнь продолжалась. Страна залечивала раны, нанесенные жестокой и разрушительной войной. А как жили и трудились в эти послевоенные годы победители и армия? Как ни странно, об этом книги не написаны. Может быть, потому, что жизнь армии в мирные дни можно описать одной фразой: она занималась боевой подготовкой, изучала и осваивала ценный опыт минувшей войны. Это правильно, но только с одной стороны и в общих словах.

Я обратил на это внимание лет сорок тому назад, написал романы: «Вечный бой», «Маршальский жезл», несколько повестей и рассказов. Но это были литературные произведения: сочинения о послевоенной жизни солдат и офицеров.

А в те годы вооруженные силы переживали период не менее напряженный, чем в дни войны. Надо было огромные массы войск снять с полей сражений и перевезти к местам постоянной дислокации. Это тысячи эшелонов на необъятной территории нашей страны, все это необходимо спланировать, установить очередность, организовать снабжение в пути следования. А где находятся места «постоянной дислокации»? Военные городки, в которых располагались части в предвоенные годы, разрушены от западной границы до Волги и Каспия, а те, которые уцелели, не могли вместить огромную, многомиллионную армию военного времени. Да и городки эти обветшали, а некоторые (особенно в глубоком тылу) превратились в производственные помещения для переброшенных сюда с запада предприятий или в жильё для эвакуированных оттуда же людей.

Надо было строить новые, ремонтировать старые военные поселения со всем необходимым для житья и боевой учебы. А где взять средства для таких широкомасштабных мероприятий? Бюджет страны истощился до крайнего предела. Брать займы у иностранных банков, пускать в страну инвесторов в те годы не полагалось.

К тому же свалилась на страну новая беда. Только погасили огонь войны в Европе, как в 1946 году в Фултоне (США) Черчилль объявил о создании военного союза и крестовом походе против коммунистической системы во главе с Советским Союзом, якобы поглотившим Румынию, Чехословакию, Болгарию, Польшу, Венгрию, часть Германии. Объявляя начало нового во-

енного похода, Запад махал грозной атомной дубиной, как гарантом их будущей неотвратимой победы.

В этих условиях надо было разработать новую стратегию, новую доктрину и наладить обеспечение войск в условиях применения атомного оружия. А как выполнить эти сложнейшие государственные задачи? Ситуация создалась не менее напряженная, чем в годы войны. Надо было всю деятельность и руководство вооруженными силами перестроить на новый лад. Теперь на повестке дня вставало не только принятие решений о главном ударе, группировках войск, их сосредоточении и будущих активных боевых действиях. На первый план выходило материальное обеспечение армии, способной вести сражения в условиях применения атомного оружия. Теперь должен все это решать не только полководец, но и хороший организатор-хозяйственник.

Нет, его не надо было ни искать, ни назначать. Такой организатор в армии уже был — это начальник Тыла Советской Армии. Сразу по окончании боевых действий на Западе и на Дальнем Востоке до 1951 года службой тыла руководил опытнейший, прошедший в этой должности всю войну генерал армии Хрулев Андрей Васильевич. После него Тыл Вооруженных сил возглавлял генерал-полковник Виноградов В.И. (с января 1951 по июль 1958 года).

В 1958 году руководство страны решило, что службы тыла должен возглавить не только хороший интендант, но и полководец, компетентный в вопросах стратегии и обеспечения боевых действий в новых условиях.

Из всех, еще живых в те годы полководцев был назначен на эту ответственнейшую должность маршал Баграмян.

Вот о его работе в сложной политической ситуации в мире, при постоянной угрозе возникновения атомной войны я и намереваюсь рассказать.

Надо признать, что сложнейшая тема требует широких военных знаний, в том числе в вопросах стратегии. В этом отношении мне пригодилось полученное ранее образование: я окончил академию им. Фрунзе (в 1947 году) и ВАК Академии Генерального штаба (в 1948 году). Прослужил шесть лет в Генеральном штабе. Из них пять лет — при жизни Сталина, что очень важно! Отмечу еще одно ценное обстоятельство, которое помогало мне создать именно художественное произведение: многие годы после войны я был близко знаком с Иваном Христофоровичем, бывал у него дома. Баграмян помнил меня еще со времен войны, когда я был разведчиком на 1-м Прибалтийском фронте. Маршал называл меня другом, дарил мне свои книги с добрыми автографами. Об этом подробнее расскажу позднее.

Как сложилась служба Баграмяна после войны, читатели узнают из этой книги. Я уверен, вы узнаете много нового и неизвестного о жизни прославленного маршала и всей нашей армии. Об этих годах сам Иван Христофорович сказал:

«Много пережито в тиши после войны».

НЕОБХОДИМАЯ РЕТРОСПЕКЦИЯ

Считаю нужным коротко познакомить читателей, которые не читали книги воспоминаний Баграмяна о войне, с его жизнью и службой в молодости и годы войны. Это будет тоже своеобразным введением в его послевоенную деятельность.

Мне кажется, лучше других о себе расскажет сам Иван Христофорович, поэтому привожу написанную им автобиографию.

Автобиография Баграмяна Ивана Христофоровича

Родился 2 декабря 1897 г. в семье железнодорожного рабочего на ст. Елисаветполь (ныне Кировобад, Азербайджан). Отец, Хачатур Карпетович Баграмянц, в течение почти 50 лет работал на Закавказской железной дороге по службе и ремонту пути: вначале — ремонтным рабочим, а затем артельным старостой (бригадиром). Последние 23 года (1906—1929) он непрерывно жил и работал на ст. Кировобад, где и умер в 1929 г. Мать, Мариам Артемовна Баграмянц, — дочь кузнеца с. Чардахлы Шалихорского района (Азербайджанская ССР), до и после революции — домохозяйка. Сейчас инвалидка, после смерти отца получает пенсию. Живет в г. Баку, 1-я Нагорная, квартал 223, блок 9, кв. 54.

Старший брат, Абгар Христофорович Баграмов, рожд. 1895 г., член ВКП(б) с 1920 г. до революции — ротный фельдшер военного времени старой армии. Сейчас работает фельдшером в текстильном комбинате г. Кировобад. Адрес: Азербайджанская ССР, г. Кировобад, ул. Зевина, 26. Младший брат, Алексей Христофорович Баграмов, рождения 1904 г., до революции — учащийся 2-классного железнодорожного училища. Был с 1926 г. членом ВКП(б). 16 января 1937 г. арестован в г. Баку органами НКВД Азербайджанской ССР. До ареста был начальником 2-го Бакинского водопроводстроя. Подлинные причины ареста мне неизвестны. Кроме родственных связей, никакой другой связи с ним не имел. С 1917 г. и по день ареста я видел его всего шесть раз (в 1921, 1927, 1931, 1934, 1935 и 1936 гг.), каждый раз на протяжении нескольких дней. Переписывался с ним еще реже. Родственников, проживающих за границей, нет.

Женат, двое детей. Жена, Тамара Амаяковна Баграмян, рожд. 1902 г. До революции — учащаяся, сейчас — домохозяйка. Мать жены, Сатеник Фоминична Саркисян, рожд. 1875 г., до революции — домохозяйка. Умерла в 1937 году. За последние три года жизни состояла в колхозе. Отец жены, Амаяк Иванович Саркисян, до революции — счетовод небольшой шелкоткальной фабрики (село Чанамаб Нахичеванской ССР), попутно занимался сельским хозяйством. После революции работал счетоводом, продолжая одновременно заниматься своим хозяйством. С 1934 по 1937 г. состоял в колхозе. После смерти жены и полной потери трудоспособности (75 лет) переехал в г. Ереван и живет на иждивении старшей дочери и сына. Его адрес — г. Ереван, ул. Джапаридзе, № 13. Сестра жены, рожд. 1900 г., Такум Амаяковна Саркисян, до революции — учащаяся. С 1920 г. работала непрерывно машинисткой в штабах и частях РККА и в органах НКВД, сейчас работает на той же должности

в штабе ПВО г. Ереван. Адрес: г. Ереван, ул. Джапаридзе № 13. Брат жены, Шавархи Амаякович Саркисян, рожд. 1897 г., до революции — учащийся. С 1920 г. и до настоящего времени непрерывно работает на выборных должностях в профессиональных союзах. Сейчас работает инспектором ВЦСПС по технике безопасности в Грузинской ССР. Его адрес: Тбилиси, Школьная, 10. Полиции жены родственников за границей нет.

С 1907 по 1912 гг. учился в Елисаветпольском (ныне Кировобадском) 2-классном железнодорожном училище. С 1912 по май 1915 г. обучался в Тифлисском железнодорожном техническом училище. По окончании последнего до сентября 1915 г. в течение 3—4 месяцев проработал техником-практикантом на желдороге ст. Елисаветполь ЗКВ ж.д. За несколько месяцев до призыва меня в армию я, желая остаться на Кавказском фронте, в сентябре 1915 г. поступил добровольцем в царскую армию. В течение 1,5 лет служил рядовым в различных частях Кавказского фронта. В конце 1916 года мне удалось в г. Армавире сдать экзамен за 4 класса гимназии экстерном. За две недели до Февральской революции я поступил в 1-ю Тифлисскую школу прапорщиков. В июле 1917 г. окончил эту школу и был назначен младшим офицером в Елисаветпольский запасный пехотный полк. На третий день прибытия в полк на общем ротном собрании я был выбран солдатами командиром роты. Но через 2—3 дня меня включили в состав маршевой роты, состоящей исключительно из армян, и отправили в Персию (Урмия) на пополнение 3-го армянского стрелкового полка. Здесь я был выбран членом ротного, а затем и батальонного комитета. Октябрьская революция застала меня в рядах этого полка на Кавказском фронте — Персия. Непосредственного участия в Октябрьской революции не принимал.

После Октябрьской революции в Закавказье на фронте и в тылу под руководством Армянского национального военного совета шли усиленные формирования войсковых частей для обороны Армении от вторжения турецкой армии. Я продолжал оставаться в составе 3-го армянского стрелкового полка до конца 1917 г. В начале 1918 г. я был переведен на должность младшего офицера в 1-й армянский конный полк. В составе этого полка я участвовал в боях против турецкой армии. Летом 1918 г. после взятия турками гг. Карса, Александрополя (ныне Ленинакана) и Батума Закавказский сейм распался, и Армения выделилась в отдельную республику под руководством дашнакской партии. Будучи в это время на службе в 1-м армянском конном полку на территории Армении, я продолжал службу в дашнакской армии в этом же полку вплоть до советизации Армении — 29 ноября 1920 г. Со дня советизации Армении и до настоящего времени я непрерывно служу в Красной Армии.

Таким образом, до перехода на службу в РККА я служил: в старой армии, считая до конца 1917 г., 2 года и 3 месяца, из них 4 месяца офицером в чине прапорщика, в дашнакской армии — 2 года 11 месяцев, последний чин — поручик.

В боях против Красной Армии никогда и нигде участия не принимал.

Во время службы в дашнакской армии в мае месяце 1920 г. в г. Александрополе (ныне Ленинакане) большевики подняли восстание против дашнакского правительства. Я тогда командовал в 1-м армянском конном полку эскадрой. С первых же дней подготовки и самого восстания я перешел на сторону большевиков и принял активное участие в восстании. Моя заслуга в этом восстании заключается в следующем:

Во-первых — на общем собрании офицеров полка накануне восстания я в числе четырех офицеров заявил громогласно, что перехожу на сторону большевиков.

Во-вторых — по предложению Ревкома, переданного мне и т. Бахчиняну Гаику через писаря моего эскадрона Ашота Григоряна — представителя Ревкома, я и т. Бахчинян изолировали всех офицеров, в решительную минуту построили 1-й и 2-й армянские конные полки и вывели их в распоряжение Ревкома для выполнения боевого задания. Только после этого важнейшего акта Ревком получил уверенность в захвате власти в городе.

В-третьих — на протяжении периода подготовки и проведения восстания я всем, чем только мог, активно помогал борьбе большевиков против дашнаков.

После подавления восстания дашнаками я с эскадронами, т. Бахчинян с учебной командой и группа активных участников восстания бежали из Александрополя в направлении нейтральной зоны, установленной между дашнакской Арменией и меньшевистской Грузией. Мы решили до прихода в Армению Красной Армии отсиживаться в районе Мокрых гор, ведя партизанскую борьбу против дашнакских частей. Но когда приступили к осуществлению намеченного плана, то сперва учебная команда, а затем и эскадрон под воздействием агитации дашнакских агентов вернулись в Александрополь, оставив нас, 13 человек активных участников восстания, у самой границы. Опасаясь погони, мы перешли границу и поздно ночью вошли в с. Воронцовку. Мы были крайне утомлены 80-километровым маршем по гористой местности и предыдущими бессонными ночами. Как только достигли села, мы расположились на ночлег в первых же домах, не приняв никаких мер охранения. Утром в соседнем дворе шесть человек из наших товарищей были арестованы дашнакским комиссаром со всеми нашими лошадьми. Нас предупредили об этом, и мы бросились бежать из села в

разные стороны, спасаясь от ареста. Зная, что грузинские меньшевики борются против большевиков с большей беспощадностью, чем дашнаки, и не сомневаясь, что они нас выдадут дашнакам, мне в то время представлялось, что единственным правильным выходом из создавшегося положения является явка дашнакским властям, чтобы предстать перед их судом. Поэтому вместе с т. Газаряном Грикором мы явились в пограничную комендатуру. нас арестовали и через некоторое время под конвоем направили в г. Александрополь в распоряжение начальника гарнизона. Здесь т. Газаряна освободили из-под ареста, а дело обо мне передали в чрезвычайный дашнакский суд по борьбе с большевизмом. Только благодаря счастливому стечению обстоятельств мне удалось избежать приговора дашнакского суда. В период моего побега и ареста дашнаками оба конных полка в наказание были отправлены на братоубийственную войну в Загигбасар для нападения на мирное тюркское население, и следователю суда, штабс-капитану Овяну (кстати сказать, хорошо настроенному ко мне) не удалось собрать против меня серьезных улик для осуждения. Меня освободили и направили в полк. Я был смещен с должности командира эскадрона и направлен на цестровую работу, на сенозаготовки для полка. Вплоть до советизации Армении, т.е. в течение почти пяти месяцев, я жил в атмосфере недоверия, неприязненного отношения и прямого издеательства ко мне со стороны офицеров и проявления особой теплоты и симпатии со стороны солдат. Все перечисленные мною факты могут быть подтверждены участниками майского восстания — ветеранами Ленинанканского кавполка.

После советизации Армении 1-й армянский конный полк в полном своем составе был включен в состав молодой Армянской Красной Армии. Я сейчас же был назначен командиром эскадрона. Почти все офицеры были

изъяты из полка и сосланы в концентрационный лагерь в Рязань. Я же в числе трех человек бывших офицеров был оставлен в полку. В 1921 г. в составе полка участвовал в походах и боях против меньшевистской Грузии. В первые дни наступления был командиром эскадрона, а потом в ходе операции был назначен помощником командира полка по хозяйству. После захвата Тифлиса в течение нескольких месяцев был секретарем военного представительства Советской Армении в Советской Грузии. Затем я вновь был откомандирован в 1-й армянский конный полк, который в 1925 г. был переименован в Ленинанский кавполк Армянской стрелковой дивизии. В этом полку я прослужил до 1931 года. Последние 7,5 лет (1923—1931) был командиром полка. В мае 1931 г. поступил в Академию им. Фрунзе. По окончании академии в 1934 г. был назначен начальником штаба 5-й Ставропольской Краснознаменной им. Блинова кавдивизии. С этой должности в октябре 1936 г. был направлен в Академию Генерального штаба РККА. Ныне состою слушателем второго курса.

За время пребывания в Красной Армии окончил:

- 1. Кавалерийские курсы усовершенствования комсостава РККА в Ленинграде — 1924—1925 гг.*
- 2. Курсы Усовершенствования высшего командного состава РККА в Москве — 1930—1931 гг.*
- 3. Военную академию РККА им. М.В. Фрунзе в Москве — 1931—1934 гг.*

Перерыва в службе в РККА не имел.

Членом ВКП(б) не состоял. В оппозициях к генеральной линии партии не состоял и никаких колебаний не имел. К другим партиям никогда и нигде не принадлежал. Под судом в Красной Армии не был.

Был членом горсоветов Ереван, Эчмиадзин и Житомир и членом президиума Эчмиадзинского уездного и районного исполнительных комитетов. В бытность

в Ленинканском кавполку, в Академии им. Фрунзе и в 5-й кавдивизии вел общественную работу по Осоавиахиму. В академии Генерального штаба был агитатором по выборам в Верховный Совет СССР и РСФСР, вел кружок текущей политики и руководил пионерработой в общестии академии.

За участие в борьбе с дашнаками к десятилетию Армянской стр. дивизии был награжден в 1930 г. ценным подарком и грамотой ЦИК и СНК Армянской ССР.

За участие в Гражданской войне ко дню двадцатилетия Красной Армии награжден юбилейной медалью.

*Слушатель 2-го курса академии
Генерального штаба РККА
полковник Баграмян (И. Баграмян)*

21 мая 1938 г.

г. Москва.

Читатели, наверно, обратили внимание на то, что в автобиографии указаны на первый взгляд мельчайшие детали, касающиеся дальних родственников и очень несущественных эпизодов жизни.

Но это по нашим, современным понятиям. А в те годы все эти сведения надо было указывать обязательно. Давали даже вопросник, по которому полагалось писать.

Все написанное проверялось, и если обнаруживалось что-то не указанное, это становилось настоящим криминалом — почему скрыл? А раз скрыл, значит, в чем-то виноват. А раз виноват, значит, надо отвечать, и так далее.

Поэтому Баграмян добросовестно указывал даже то, что могло повредить его службе: служил некоторое время в армии дашнаков, младший брат Алексей был арестован 16.1.1937 года органами НКВД в Баку и другие сведения, не очень украшающие его биографию.

Но если бы он этого не написал сам, а было бы вскрыто «органами», получили бы эти сведения иную оценку — скрыл! Почему? И могли быть весьма неприятные последствия, вплоть до увольнения из армии и даже ареста.

Дальше добавлю от себя. Когда началась Великая Отечественная война, Иван Христофорович занимал должность начальника оперативного отдела штаба Киевского особого военного округа. Находясь на этой должности, Баграмян участвовал в разработке первого крупного контрудара советских войск в районе Дубно и Ровно. Этот удар задержал немецкие танковые «клинья», но судьба всего Юго-Западного фронта была уже фактически решена. Упорное нежелание Верховного главнокомандующего оставлять противнику Киев привело к тому, что целый фронт попал в окружение. Окруженным дивизиям командованием фронта был отдан последний приказ — группами прорываться в общем направлении на Ромны, где слабые подразделения пытались, как могли, удержать проход свободным. Штаб фронта тоже был разделен, его офицеры возглавили несколько групп. Командующий фронтом генерал Кирпонос так и не смог вырваться со своей группой из окружения и погиб. Ивану Христофоровичу (в августе ему было присвоено звание генерал-майора) повезло, он сумел выйти из окружения. Из оставшихся дивизий и новых пополнений был заново создан фронт, на должность командующего был назначен Тимошенко, а Баграмян стал начальником штаба.

К осени 1941 года немецкие войска продвинулись к Дону, а затем захватили Ростов-на-Дону. Сразу после этого была поставлена задача — освободить город. Одно из первых удачных наступлений Красной Армии заставило вермахт 29 ноября оставить город и отойти на рубеж реки Миус. В результате советского наступле-

ния потери вермахта в этой операции составили около 20 000 человек, 275 танков, 359 орудий, 400 пулеметов и около сотни минометов. Такие потери (и все ради того, чтобы всего неделю удерживать позиции) Гитлера привели в бешенство.

В марте 1942 года Баграмян был переведен на московское направление на штабную должность. Удачные контрудары подвижной группы привели к разгрому нескольких частей вермахта в районе Ельца. За отличную работу на штабной должности в удачно действовавших группах Баграмян в декабре был произведен в генерал-лейтенанты.

Летом 1942 года прошло неудачное наступление на Харьков. В разработке этого плана участвовал и Иван Христофорович. Однако уже после начала наступления стала сказываться неподготовленность наступления — слишком сильно командование надеялось на то, что немцы летом этого года снова будут наступать на Москву. Тимошенко, продолжая наступление, поздно обратил внимание на не принятые командующим Южным фронтом Малиновским меры по обеспечению стыка и фланга, а запоздалый приказ о прекращении наступления позволил немцам загнать советские дивизии в «мешок». Провал наступления привел к тому, что командующий фронтом и офицеры штаба были сняты с должностей. Но Баграмяну повезло, больших наказаний не последовало. Сначала он был в распоряжении Военного совета З.Ф., а затем командующим 16-й армией, которая действовала на центральном направлении. В июле 1943 года 16-я армия в составе Брянского фронта участвовала в Курской битве.

В ноябре 1943 года Иван Христофорович был повышен в звании — стал генерал-полковником. В ноябре 1943 года получил звание генерала армии, назначен на должность командующего 1-м Прибалтийским фрон-

том. На этой должности он пробыл до апреля 1945 года. Его фронт успешно проводил наступательные операции, что отмечалось руководителями Генштаба и Ставки.

В феврале Василевский был назначен командующим 3-м Белорусским фронтом, а на базе 1-го Прибалтийского фронта была создана Земландская группа войск, командиром которой стал Баграмян. Эта группа вошла в состав 3-го Белорусского фронта. Его группа при поддержке авиации фронта начала штурм «абсолютно неприступного бастиона немецкого духа» — Кёнигсберга, который и был удачно взят уже через несколько дней.

4 апреля 1945 года Баграмян был назначен на должность командующего 3-м Белорусским фронтом. На этой должности он и пробыл до конца войны.

Как началась жизнь в первый месяц после окончания боевых действий, рассказал сам Баграмян:

«Встала нелегкая задача — обеспечить наиболее удобное размещение войск фронта. Но не успели мы как следует развернуть эту работу, как меня вызвали в Москву.»

С аэродрома я поехал к начальнику Генерального штаба. Алексей Илюкенитьевич Антонов сказал:

— Товарищ Сталин решил обсудить с участием командующих войсками фронтов и начальников центральных управлений Наркомата обороны ряд проблем, связанных с переводом армии на мирное положение. Совещание начнется завтра в одиннадцать часов утра в Кремле. Руководить им будет сам Верховный, участие в работе примут члены Политбюро.

Прибыв к назначенному времени в приемную Сталина, я увидел там всех командующих фронтами и группу генералов Наркомата обороны.

Алексей Илюкенитьевич, взглянув на часы, пригласил всех собравшихся войти в зал, где должно было состо-

яться совещание. И.В. Сталин приветствовал вошедших жестом правой руки, дружески улыбаясь, а когда все сели, сказал нам об основной цели совещания и порядке его проведения.

— Прежде чем приступить к обсуждению вопросов, которые нам надлежит рассмотреть, заслушаем доклад начальника Генерального штаба, который доложит нам о теперешнем составе и численности нашей армии, а также предложения Генерального штаба о порядке демобилизации из армии военнослужащих старших возрастов и порядке ее перехода на мирное положение.

С исключительным интересом выслушали мы обстоятельный доклад А.И. Антонова, в котором он изложил предложения Генерального штаба и о численности армии на мирное время, и о создании ряда новых приграничных и внутренних военных округов, и о преобразовании некоторого количества наших фронтов в группы советских войск на территориях освобожденных от фашизма стран Европы.

После краткого обсуждения и одобрения этих предложений мы приступили к более детальному рассмотрению численного состава, организационной структуры, вооружения и технического оснащения основных боевых соединений каждого рода войск.

Из числа участников совещания было создано несколько комиссий, в задачу которых входила подготовка предложений по каждому роду войск.

Помнится, комиссии, которую возглавил маршал Ф.И. Толбухин, была поручена разработка боевого состава и организационной структуры стрелковой дивизии и стрелкового корпуса, а комиссии маршала С.М. Буденного — кавалерийской дивизии и кавалерийского корпуса. Мне и маршалу инженерных войск М.П. Воробьеву было предложено подготовить мнение по организационной структуре и техническому оснащению частей и соеди-

нений инженерных войск. Аналогичные комиссии были созданы и по всем остальным родам войск.

В течение нескольких дней мы с маршалом инженерных войск Воробьевым напряженно работали и уже завершили подготовку доклада и необходимых схем в обоснование разработанных нами рекомендаций, когда позвонил Антонов и сообщил, что в связи с внезапной болезнью Буденного докладывать по кавалерии Сталин поручает мне.

Пришлось спешно изучать все материалы, разработанные комиссией Буденного.

В двадцатых числах мая Сталин собрал все комиссии и заслушал доклады. Первым получил слово маршал Толбухин. В целом его предложения были одобрены. Лишь по средствам тяги артиллерии стрелковых дивизий возникли разногласия. Комиссия рекомендовала иметь как полковую, так и дивизионную артиллерию на конной тяге, мотивируя свое предложение надежностью лошади в любой обстановке. Она вытягивала, мол, орудие даже там, где автомашина намертво вставала, к тому же в этом случае не требуется горючего. Словом, тяжелые орудия на мехтяге, а легкие и средние — на конной.

Сталин вдруг спросил:

— Какой вы, товарищи, представляете себе будущую стрелковую дивизию?

— В каком смысле, товарищ Сталин? — уточнил Толбухин.

— В смысле ее мобильности, конечно.

После продолжительной заминки, насколько мне помнится, маршал Конев решительно ответил:

— Думаю, что она должна быть прежде всего максимально моторизованной...

— Верно понимаете, — удовлетворенно кивнул Сталин и, обращаясь ко всем участникам совещания, добавил: — В ходе военных действий на Западе вы все

убедились в преимуществе мехтяги. Будущее — за ней. И поэтому перевод артиллерийского парка стрелковой дивизии на мехтягу — это первоочередная задача.

Замечание Верховного главнокомандующего примирило всех участников дискуссии по этому вопросу.

Когда настала моя очередь, я кратко изложил доводы в пользу сохранения небольшого ядра конницы. Наша комиссия предлагала оставить пока один-два кавалерийских корпуса в составе двух кавалерийских дивизий и одной танковой бригады в каждом.

Как и следовало ожидать, это предложение было встречено в штыки большей частью военачальников. Существо их высказываний сводилось к следующему: конница отжила свое, в век всеобщей моторизации она — явный анахронизм. Не случайно, говорили противники кавалерии, она в ходе Великой Отечественной войны, на завершающем ее этапе, как правило, использовалась только в составе конно-механизированных групп.

Неожиданную поддержку я получил лишь от Сталина.

— В принципе вы, товарищи, правы, — заметил он, обращаясь к сторонникам расформирования кавалерийских соединений. — Однако вы не учитываете следующего факта: наша страна так велика и границы ее тянутся через столь разнообразные театры военных действий, что на некоторых из них нам просто трудно обойтись без конницы... — Помолчав, Сталин с едва заметной улыбкой спросил самого активного сторонника расформирования кавалерии: — Вы не согласны с этим, товарищ Жуков?

Жуков ответил не сразу. Несколько мгновений царил мертвая тишина, а Георгий Константинович стоял, нахмутив брови, в раздумье. Зная непреклонный характер маршала, я ожидал с его стороны возражений, но он вдруг с легкой усмешкой сказал:

— *Согласен, полностью согласен, товарищ Верховный Главнокомандующий!*

— *Вот и хорошо, — удовлетворенно резюмировал Сталин, — раз вы согласны, значит, согласны, надеюсь, и остальные?*

Одобрительный гул подтвердил его слова. Принятые на совещании предложения комиссии легли в основу дальнейших организационных мероприятий Генерального штаба по переводу Красной Армии на штаты мирного времени.

Все участники совещания были приглашены в Кремль на торжественный обед. Парадных мундиров у большинства не было, поэтому нам разрешили явиться на прием в повседневном обмундировании, но с орденами.

Около 20 часов 24 мая я, не спеша, поднимался по широкой мраморной лестнице, ведущей в знаменитый Георгиевский зал. Впереди, рядом и следом за мною шагали другие приглашенные: прославленные военачальники, ученые, выдающиеся деятели народного хозяйства, передовики производства. Даже среди гражданских лиц преобладали костюмы военного покроя. Каждому хотелось выглядеть по-военному подтянутым. Просторный Георгиевский зал был уже полон гостей.

Не успел я поздороваться со знакомыми, как вдруг на мгновение наступила тишина, взоры всех присутствующих обратились в сторону, где в окружении других руководителей партии и правительства появился Сталин. Разразилась буря оваций и восторженных возгласов. Сталин наклоном головы ответил на дружные приветствия и тоже начал аплодировать. Потом он жестом пригласил всех к столам.

Когда бокалы были наполнены, Молотов провозгласил тост за Советские Вооруженные силы, за здоровье красноармейцев, краснофлотцев, офицеров, генералов и

адмиралов. Следующий тост — за Коммунистическую партию и ее Центральный Комитет.

Тостов было много: за каждого командующего фронтом. Чаше забилось мое сердце, когда была произнесена моя фамилия. В моем лице отдавалась честь воинам 1-го Прибалтийского фронта, особо отличившимся при освобождении Белоруссии и Прибалтики...»

Иван Христофорович не раз вспоминал этот день как один из самых счастливых в его жизни. А я хочу добавить от себя, что этот день стал особенно памятным для всех советских людей, даже тех, кто не присутствовал на торжестве.

В этот вечер Сталин произнес своей исторической тост о русском народе. Обычно считается, что Иосиф Виссарионович сказал эти слова на приеме участников Парада Победы. И действительно, этот тост по своей значимости подходил бы больше ко Дню Победы или Параду Победы 24 июня 1945 года. Таким он представляется обычно в наших воспоминаниях. Но Баграмян еще раз подтверждает, что этот тост был провозглашен после того первого совещания. Вот что он сказал по этому поводу:

«...Когда пир подходил к концу, вдруг внезапно воцарилась тишина. С бокалом в руке поднялся Сталин. Своим глуховатым ровным голосом он произнес свой знаменитый тост.

— Товарищи, — сказал он, — разрешите мне поднять еще один, последний тост. Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа, и прежде всего за здоровье русского народа...

Взрыв единодушного одобрения, возгласы «ура» заполнили зал. Спокойно выждав, когда снова наступила абсолютная тишина, Сталин продолжал:

— Я пью прежде всего за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза. Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание как руководящая сила Советского Союза среди всех народов нашей страны. Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеются ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941—1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!

За здоровье русского народа!

Под высокими сводами Георгиевского зала долго не смолкал гром оваций и заздравных возгласов...»

Я привожу полный текст тоста, потому что в перестроечные годы его забывают, да и Верховного главнокомандующего Сталина, даже в День Победы, пытаются замолчать.

На следующий день после приема всем командующим войсками фронтов объявили приказ Верховного главнокомандующего о подготовке к Параду Победы. Он был намечен на 24 июня. Каждый из десяти существовавших к концу войны фронтов должен был сформировать один сводный полк пятибатальонного состава. Три батальона состояли из шести стрелковых рот, в другие два входили четыре роты: танкистов, артиллеристов, летчиков и сводная, в которую включались кавалеристы, саперы и связисты. Словом, представлялись все рода войск Советской Армии.

В состав подразделений надлежало отобрать самых заслуженных бойцов и командиров фронта, а во главе каждого отделения поставить офицера. Стрелки на парад должны были выйти с автоматами; артиллеристы, кавалеристы, саперы и связисты — с карабинами; танкисты и летчики — с пистолетами; а кавалеристы, кроме того, и с шапками. Во главе каждого сводного полка по Красной площади должны были пройти командующий войсками фронта и командующие всеми армиями, входившими в состав фронта. Одиннадцатый по счету сводный полк формировал Военно-морской флот. Каждый сводный полк должен был вынести на парад 36 боевых знамен наиболее отличившихся соединений и отдельных частей фронта.

Баграмян так вспоминает свою подготовительную работу:

«Я выехал в штаб 3-го Белорусского фронта. Надо было спешить: мне предстояло готовить два полка — от 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского. Сводный полк 1-го Прибалтийского фронта надлежало вести мне, а 3-го Белорусского — Маршалу Советского Союза А.М. Василевскому. Александр Михайлович, с головой

ушедший в подготовку наступления против Квайтунской армии, поручил мне также формирование и подготовку сводного полка его фронта. С согласия маршала командиром полка этого фронта был назначен дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант П.К. Кошевой, а во главе полка 1-го Прибалтийского фронта мы поставили одного из самых заслуженных ветеранов войны, генерал-лейтенанта А.И. Лопатина, начавшего свой боевой путь почти от самой границы.

И началась кропотливая работа по отбору солдат и офицеров: каждая кандидатура рассматривалась индивидуально, высокой чести представлять в Москве свой фронт удостоивались лучшие из лучших. Надо было спешить, поскольку к 10 июня полки должны прибыть в Москву. Еще до отъезда парадные части начали строевую подготовку к торжественному маршу, а 8 и 9 июня убыли из Восточной Пруссии в Москву.

Разместившись в московских казармах, участники парада получали и подгоняли парадное обмундирование и продолжали строевую подготовку.

Занялись экипировкой и мы с командармами. Парадное обмундирование шилось для всех нас по индивидуальным заказам. Требовались шашки и шпоры. Со шпорами я по кавалерийской привычке не расставался и на фронте, так как нередко приходилось садиться на коня: иногда из-за того, что на машине на некоторые участки фронта невозможно было добраться, а чаще — ради поддержания спортивной формы. Сабель тоже хватало: боевая шашка всегда была при мне, а во время войны я получил в подарок от армянского народа дорогую дамасскую саблю. Ею-то я и решил блеснуть на параде. Однако для достижения единообразия всем нам выдали хотя и одинаковые, но великолепные златоустовские боевые клинки...»

23 июня в «Правде» был опубликован приказ Верховного главнокомандующего:

«В ознаменование победы над Германией в Великой Отечественной войне назначаю 24 июня 1945 года в Москве на Красной площади парад войск Действующей армии, Военно-Морского Флота и Московского гарнизона — Парад Победы.

На Парад вывести: сводные полки фронтов, сводный полк Наркомата Обороны, сводный полк Военно-морского Флота, военные академии, военные училища и войска Московского гарнизона.

Парад Победы принять моему заместителю Маршалу Советского Союза Жукову.

Командовать Парадом Победы Маршалу Советского Союза Рокоссовскому...»

Накануне исторического дня бюро погоды не предвещало ничего хорошего. И действительно, утро 24 июня было по-осеннему хмурым, небо заволкло низкими свинцовыми тучами, накрапывал мелкий дождь. Но даже капризная природа не могла испортить нам праздничное настроение...

Я, участник Парада Победы, опишу свое восприятие этого великого события. Тогда я не мог понять, почему Парад Победы не был проведен 22 июня, в день нападения Германии. Было бы очень символично: в этот день они напали, а мы в этот же день отмечаем Победу! Объясняют тем, что шла сессия Верховного Совета и не хотели ее прерывать. Прошло 60 лет после нашей Победы, и я по сей день не понимаю, почему не воспользовались символикой. Победа и сессия — события не равноценные!

Дождя я не замечал, будто его не было. Душа ликovala, в ней сияло солнце.

Без четверти 10 часов на трибуну Мавзолея поднялись члены Политбюро ЦК ВКП(б) и советского правительства во главе со Сталиным. Легкий гул, будто ветер, пронесся по трибуне, где собрались гости.

И вот куранты Спасской башни начали мелодичным звоном отбивать часы. Не успел пролететь над площадью звук десятого удара, как вслед за ним раздалось протяжное: «Смир-но-о-о-о!..» И командующий парадом Рокоссовский на вороном коне устремляется навстречу Жукову, выехавшему из Спасских ворот на коне белой масти. Красная площадь замерла. Отчетливо слышен цокот копыт, а затем четкий рапорт командующего парадом. Последние слова Рокоссовского тонут в торжественных звуках сводного оркестра.

Жуков в сопровождении Рокоссовского объезжает построившиеся для парада войска и поздравляет солдат, офицеров и генералов с Победой. Мощное, раскатистое «ура!» сопровождает маршалов от полка до полка. Оно все дальше и дальше уплывает от Красной площади, а затем, как тысячеголосое эхо, сопровождает Жукова и Рокоссовского.

Сводный оркестр под командованием инспектора военных оркестров РККА, главного дирижера Красной Армии генерал-майора С.А. Чернецкого выходит на середину площади и исполняет «Славься, русский народ!».

Спешившись, маршал Жуков быстро поднимается по ступеням Мавзолея, подходит к микрофонам. От имени и по поручению ЦК ВКП(б) и советского правительства он поздравляет советских воинов, трудящихся города и деревни, работников науки и техники, деятелей социалистической культуры — весь советский народ с Великой Победой над фашистской Германией.

Жуков закончил выступление пламенной здравицей в честь великой социалистической Родины, советского народа, его героической Красной Армии и Коммунистической партии — вдохновителя и организатора победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Громогласное «ура!» трижды всплескивается над Красной площадью, прокатывается над рядами выстроившихся полков и где-то в районе улицы Горького постепенно замирает. И вот уже стены древнего Кремля сотрясают величавые звуки гимна Советского Союза. И мне казалось, что его слушает сейчас весь мир!

Наступил самый ответственный для нас момент — Рокоссовский подает команду: «К торжественному маршу!»

И двинулись красавцы полки победителей, сияя наградами, украшающими их груди, сплошной блеск золота, серебра, металла, как рыцарские доспехи.

Полыхают впереди колонн знамена, и на них тоже сияют ордена и красочные ленты.

Здесь я опять передаю слово Баграмяну:

«Поворачивая у здания Исторического музея, я с гордостью оглядывал идущие за мной стройные шеренги воинов, которым выпала честь представлять на параде 1-й Прибалтийский фронт, довелось освободить Белоруссию, Литву, Латвию, перерезать путь отступления войск группы армий "Север" из Прибалтики в Восточную Пруссию, участвовать в героическом штурме Кёнигсберга.

С чувством честно исполненного долга перед Родиной чеканили мы шаг по звонкой брусчатке Красной площади, приветствуя взмахом клика и поворотом головы стоявших на центральной трибуне руководителей партии и правительства.

Я прошагал мимо Мавзолея и, повернув направо, остановился в положении “смирно” у его подножия, пока не прошел торжественным маршем возглавляемый мною полк.

Далее следовали стройные шеренги сводного полка 3-го Белорусского фронта, которые возглавлял Маршал Советского Союза А.М. Василевский. Он тоже повернул направо, к Мавзолею, пропустил шеренги своего сводного полка, и мы вместе поднялись на трибуну, куда были приглашены все командующие войсками фронтов. И уже с высоты трибуны Мавзолея мы продолжали наблюдать за прохождением остальных сводных полков...

...Едва последние шеренги сводных полков миновали Мавзолей, как торжественная музыка сменилась барабанной дробью, под аккомпанемент которой к Мавзолею двинулась удивительная колонна: двести советских солдат несли склоненные до земли боевые знамена побежденных фашистских дивизий. Под гром барабанов солдаты все тверже печатали шаг и, поравнявшись с Мавзолеем, четко повернулись к нему и швырнули вражеские стяги к его подножию.

Начиная войну против Страны Советов, фашистские заправилы мечтали гордо пронести свои штандарты по Красной площади. Да, они, эти знамена, попали в Москву, но не так, как мечтали фашисты, а с бесчестьем. Их принесли победители, чтобы бросить к подножию усыпальницы великого вождя пролетарской революции, завещавшего нам до последней капли крови защищать исторические завоевания Октября.

Глядя на поверженные вражеские боевые знамена, я невольно вспоминал вещи слова славного победителя немецких «псов-рыцарей» Александра Невского: «Кто с мечом к нам придет — от меча и погибнет!»

Так было, так будет всегда! И пусть сокрушительный разгром фашистских полчищ в Великой Отечественной

войне послужит уроком для тех, кто все еще не уразумел эту истину...»

На торжественном приеме в Кремле в честь участников Парада Победы ведущий застолье Молотов в числе других прославленных полководцев провозгласил тост:

— Предлагаю поднять бокалы за командующего 1-м Прибалтийским фронтом генерала армии товарища Баграмяна!

Победители встретили это предложение одобрительными восклицаниями, и все повернули улыбающиеся лица в сторону Баграмяна.

Тостов было много, одним из первых — за Верховного главнокомандующего, аплодисменты и восклицания особенно бурные. Всеобщее внимание, преданные взоры в сторону Сталина. В эти секунды Баграмян и, как выяснилось позже, другие полководцы, глядя на Сталина, обратили внимание, что у Верховного нет наград! У некоторых маршалов и генералов по две Золотые Звезды Героя Советского Союза, а у него, вдохновителя и руководителя всех побед, ни одной!

Сразу после пиршества военачальники, в их числе и Баграмян, обратились в ЦК и просили исправить эту несправедливость.

26 июня, через день после пышного приема, было издано два Указа Президиума Верховного Совета СССР: один о присвоении И.В. Сталину звания Генералиссимуса и второй — о награждении его Золотой Звездой Героя Советского Союза. Это была первая и единственная его Золотая Звезда. Отметим эту его скромность, и как упрек последователям, вшившим себе на грудь Золотые Звезды, как сувениры, не имея на то ни права, ни заслуг.

И вот еще парадоксальная черта личности Сталина. Вроде бы и властолюбивый, и культ себе создал, а Золотой Звезды не получил, не вручили ее в торжественной обстановке. Считал: не достоин, не был на поле боя, не совершал подвига. Так и осталась она в красной коробочке в наградном отделе Верховного Совета. Только художники да фотографы пририсовывали ему эту Звезду на его портретах. И вспомнили об этой высшей награде только в день похорон, когда надо было ее прикрепить к подушечке в числе других знаков отличия, по традиции характеризующих заслуги и итог жизни покойного.

После победных торжеств Баграмян вернулся в Прибалтику.

КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ ПРИБАЛТИЙСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

ПрибВО образован приказом наркома обороны СССР Сталиным 9.7.1945 года, в его границы включены территории Латвийской, Литовской, Эстонской советских республик.

Командующим ПрибВО назначен генерал армии Баграмян. Штаб округа разместился в Риге, он был сформирован на базе полевого управления 1-го Прибалтийского фронта. В состав округа вошли соединения и части, освобождавшие Прибалтику.

На первом же заседании Военного совета округа Баграмян определил ближайшие задачи штаба и войск округа. Вот перечень мероприятий, которые он записал в плане своего выступления:

- отправка эшелонов;
- демобилизация старших возрастов из армии;
- размещение частей — ремонт, строительство казарменного фонда;
- улучшение питания, жилищно-бытовых условий офицеров, вольнонаемных служащих и рабочих;
- подготовка учебно-материальной базы и начало учебы во всех частях;
- разминирование территории округа и помощь местному населению.

Член Военного совета генерал-лейтенант Рудаков М.В. определил мероприятия по своей линии:

- повышение боевой готовности частей;
- организация в мирных условиях идейно-политического воспитания личного состава и меры улучшения идеологической работы;
- организаторская и политическая работа в связи с подготовкой и проведением выборов в Верховный Совет СССР;
- связь и налаживание деловых и дружеских контактов с местными руководящими органами и населением.

Каждая строка, каждый пункт этой работы войск был и личным планом командующего. Покажу это хотя бы коротко.

Отправка эшелонов проводилась по приказу наркома обороны. Эти части предназначались для боевых операций на Дальнем Востоке против Японии. Подготовка, обеспечение частей проводились с соблюдением секретности, никто не знал, куда предназначались эти эшелоны. Обеспечение их всем необходимым на долгий путь требовало немалых забот и усилий работников тыла, штаба округа да и самого командующего, на которого возлагалась личная ответственность за выполнение этого строго секретного мероприятия.

Увольнением старших возрастов Баграмян занимался лично и повседневно. Из армии уходили его боевые товарищи, с которыми он прошел путь до Кёнигсберга. Очень многих он знал в лицо. Расставание было трогательным: в частях проводились митинги, солдаты и сержанты обменивались адресами, желая сохранить дружбу на многие годы. Кое-кто не удержался от теплых, не горьких слез.

Всем увольняемым Баграмян приказал выдать новое обмундирование, подготовить хорошие дорожные

пайки и подарки. От командования округом напечатали на память такое письмо:

«Военный совет благодарит за безупречное служение Отчизне Вас, воина победоносной Красной Армии, прошедшего славный боевой путь в Великой Отечественной войне.

Вы возвращаетесь домой в знаменательные дни. Окрепший и возмужавший в исторической битве за свободу, честь и независимость своей Родины советский народ трудится теперь над выполнением новой пятилетки.

Будьте же достойны славного имени фронтовика, умножайте свои боевые заслуги в мирном созидательном труде во славу нашей великой Родины.

*В добрый путь, наш боевой товарищ!
Желаем успехов в работе, в жизни!»*

Размещение частей, улучшение быта, строительство, питание, начало боевой учебы — это повседневная работа командующего. Он объехал гарнизоны в Каунасе, Вильнюсе, Шауляе, Клайпеде, Лиспае, Таллине, Пярну и других городах. Всюду была скорбная картина разрушений, черных пожарищ. Но радовали глаз леса новостроек, расчищенные улицы и площади, оживающие в частях стрельбища, танкодромы, артиллерийские полигоны.

Улучшалось медицинское обслуживание войск. В Риге, Вильнюсе, Таллине, Калининграде и других городах были открыты гарнизонные поликлиники. Два полевых госпиталя преобразованы в санатории — в Юрмале и Светлогорске (до 1947 г. — Раушен). В Латвии, Литве, Калининградской области развернуты пионерские лагеря для детей военнопослужащих на 1200 мест. Большую работу по медицинскому обеспечению лич-

ного состава проводил Рижский окружной госпиталь — старейшее лечебное учреждение страны.

Во время этих поездок Иван Христофорович с удовлетворением отмечал — повсюду осуществляется его и Военного совета указание о связях с местным населением. Большую помощь командиры и политорганы округа оказывали местным партийным и советским органам, предприятиям, колхозам, совхозам, стройкам. Войска участвовали в уборке урожая, заготовке сена и вывозе сельхозпродуктов на места заготовок. Воины округа вместе с населением республик выходили на субботники и воскресники, приводили в порядок города и улицы, закладывали новые сады и парки, воздвигали памятники. Посильную помощь больным оказывали военные госпитали и поликлиники. С помощью соединений и частей создавались оборонные и спортивные общества, отряды юных друзей Советской Армии. Тысячи офицеров, сержантов и солдат участвовали в массово-политической и военно-прикладной работе и соревнованиях.

Большим событием в жизни войск округа в 1945 году стали торжества в республиках Прибалтики, посвященные пятилетнему юбилею восстановления советской власти в Литве, Латвии и Эстонии. В торжествах принял участие практически весь личный состав округа.

Хорошие, доброжелательные отношения сложились с руководством республик. На партийных мероприятиях, партийных конференциях округа обычно присутствовали первый секретарь ЦК Компартии Латвии Я.Э. Калнберзин, Председатель Совета министров Латвийской ССР В.Т. Лацис.

Посещая Вильнюс, Иван Христофорович обязательно подходил к памятнику Черняховскому. Клад цветы на его могилу. Долго стоял, вспоминая свою последнюю встречу с Иваном Даниловичем.

А произошла она так.

8 февраля Ставка приказала собрать под командование маршала Л.А. Говорова армии, до этого входившие во 2-й и 1-й Прибалтийский фронты. Ивану Христовичу же было приказано с управлениями фронта убыть в Восточную Пруссию, чтобы принять под свое командование ряд объединений от Черняховского.

Баграмян прибыл на КП Черняховского к вечеру 9 февраля. Иван Данилович встретил гостя радушно и помог войти в курс весьма напряженной обстановки, которая сложилась в Восточной Пруссии. Он, в частности, сообщил, что войска вражеской группы армий «Центр», именуемой теперь «Север», заперты на Земландском полуострове, блокированы и прижаты к морю в районе Кёнигсберга и юго-западнее него, то есть расчленены на три изолированных котла: на Земландском полуострове, в Кёнигсберге и юго-западнее, в Хейльсбергском укрепленном районе.

— Путь войскам группы армий «Север» в Германию закрыт. Теперь наша задача — уничтожить ее. На вашу долю досталась Земландская группировка войск, блокированная на полуострове и в Кёнигсберге.

Иван Данилович сказал также, что, несмотря на большие потери, противник ожесточенно отстаивает каждый рубеж и отступает в относительном порядке, командование группы армий «Север» не теряет управления, и сейчас советские армии остановлены хорошо организованной обороной, опирающейся на заранее подготовленные Кёнигсбергскую крепость и Хейльсбергский укрепленный район.

— Верховный не без основания опасается, — заметил И.Д. Черняховский, — что командующий группы армий «Север» Рендулич успеет привести свои войска в порядок после длительного отступления и сможет еще более укрепить занятые позиции, если мы дадим

ему передышку, потому он требует продолжать наступление без пауз.

Учитывая ограниченность войск фронта, Баграмян предложил решать задачи не одновременно, а последовательно. Предварительный разгром группы «Земланд» обеспечивал полную изоляцию Кёнигсберга от центральной части фашистской Германии, что должно было сказаться, по мнению Ивана Христофоровича, на моральном состоянии его гарнизона и облегчить овладение крепостью. Высвободившимися после разгрома земландской группировки войсками и боевой техникой можно было усилить армии, предназначенные для штурма Кёнигсберга.

В заключение генерал Баграмян сказал, что штаб фронта готовит для доклада Ставке соответствующий проект плана дальнейших операций.

Верховное главнокомандование утвердило план с некоторыми изменениями. Операцию предписывалось начать 20 февраля. Но 18 февраля Черняховский был ранен осколком снаряда в грудь и в этот же день скончался.

Глядя на памятник, Баграмян видел Ивана Даниловича не бронзовым, а молодым, энергичным, веселым, доброжелательным, каким он был в день их встречи.

Много внимания Баграмян уделял подготовке военных кадров. В округе было создано несколько военно-учебных заведений. Иван Христофорович навестил старейшее Калининградское высшее военно-инженерное командное ордена Ленина Краснознаменное училище им. А.А. Жданова. Это училище ведет свою историю от бывшей Московской военно-инженерной школы, созданной по указу Петра I еще в 1698 году.

Баграмян напомнил курсантам, что в стенах этого училища получили образование великий русский полководец генерал-фельдмаршал М.И. Кутузов, основопо-

ложник русской фортификационной школы А.З. Теляковский, один из организаторов героической обороны Севастополя в Крымской войне (1853—1856) Э.И. Тотлебен, герой обороны Порт-Артура в Русско-японской войне (1904—1905) генерал Р.И. Кондратенко. Здесь учился великий русский писатель Ф.М. Достоевский, работал преподавателем легендарный герой генерал А.М. Карбышев.

В январе 1946 года возвращается из эвакуации Рижское высшее военно-политическое Краснознаменное училище, созданное еще в 1931 году в Севастополе как училище береговой обороны. 22 января 1944 года училище за участие в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками награждено орденом Красного Знамени. Баграмян сделал все необходимое, чтобы училище вновь заработало в полную силу.

Такое доброе благословение и помощь командующего в возобновлении работы получили Даугавское высшее военно-инженерное училище им. Яна Фабрициуса, Рижское высшее военно-инженерное училище (позднее им. Яна Алксниса), зарожденное в Ейске в июне 1938 года, Вильнюсское пехотное училище, позднее переименованное в училище радиоэлектроники ПВО.

Если читатели не забыли, в плане Баграмяна были предусмотрены работы по разминированию. Я оставил освещение этого пункта напоследок, потому что работа эта проводилась несколько лет. Воины называли ее поединком со «ржавой смертью».

В 1944—1945 годах немецко-фашистские войска создали в Прибалтике систему инженерно-минных заграждений, какой военная история до этого не знала.

Плотность минирования местности вокруг Клайпеды составляла 2500 штук мин на квадратный километр. В одном лишь Таллине саперы обнаружили и обезвредили более тысячи тонн взрывчатых веществ.

К концу 1946 года инженерные войска округа завершили первоочередные работы по очистке от взрывоопасных предметов территории Литвы. Всего было обнаружено, снято и обезврежено 1 666 470 противотанковых и противопехотных мин и около 2 миллионов артиллерийских снарядов и авиабомб. Свыше 13 135 квадратных километров земли стали пригодными для проведения сельскохозяйственных работ. Еще более объемные работы проведены на территории Советской Латвии. Здесь очищено от взрывоопасных предметов 56 036 квадратных километров, извлечено 1 357 600 мин, 4 500 000 бомб и снарядов. Большая работа по разминированию проведена на территории Эстонии и Калининградской области. Никогда не забудут жители прибалтийских советских республик подвига саперов под командованием офицеров М. Потапова, А. Белова, В. Бусаласва, Ф. Бутолина, Я. Локшина, Э. Яаро, Г. Довгалюка, А. Тиита, В. Попова, М. Якуба, Б. Яско, А. Маркина, А. Лайне. (Лейтенант А. Лайне погиб, выполняя свой воинский долг. Он посмертно награжден орденом Красной Звезды.)

Был еще один исключительно трудный участок работы командующего — восстановление работы воспых комиссариатов.

В каких условиях начинали работать все воскоматы Латвии, Литвы, Эстонии? Никакого учета воснообязанных не было. Немцы угнали многих мужчин призывного возраста в свой тыл. Кое-кто сознательно уничтожил свои документы. Но с помощью местных партийных и советских органов работа воскоматов налаживалась, обрела свое лицо. Воскоматы становились авторитетными органами местного военного управления. Рядом с опытными офицерами воскоматов получили хорошую практику этой специфической военной работы многие молодые сотрудники, офицеры,

прибывшие из войск. Республиканскими военными комиссарами были назначены: Латвийской ССР — полковник В.А. Малаховский (позднее генерал-майор), Литовской ССР — генерал-майор А.Е. Смирнов, Эстонской ССР — полковник К.К. Кангер. Начальниками политотделов соответственно — полковник Л.Ю. Эйхман, полковник И.А. Белобородов, майор В.Я. Кин. Все они были опытными, имеющими за плечами солидный жизненный и боевой путь, закаленными офицерами. Вот почему военкоматы без раскочки вступали в работу сразу же по прибытии в пункты постоянной дислокации: организовывали учет граждан, подлежащих мобилизации, проводили их призыв на военную службу, отправляли призывников в запасные полки для последующего пополнения войск.

Надо обязательно напомнить: если для всех военнослужащих боевые действия закончились, то военкоматы работали буквально в боевой обстановке. В небольших городах, в сельских районах на них нападали бандиты и «зеленые братья», от рук которых погибло немало работников военных комиссариатов.

Но и в этой сложной ситуации генерал Баграмян со временем навел соответствующий порядок.

Приведу несколько суждений о работе командующего в более широком масштабе.

Кроме обычной, повседневной жизни и деятельности войск и жителей, территория, на которой они существуют, в военном отношении рассматривается еще и как место возможных боевых действий.

Есть в военной терминологии, на мой взгляд, торжественное определение — театр военных действий. Это, увы, совсем не то, что возникает по ассоциации со словом «театр». На этом театре никто и ничего не играет, здесь воюют и умирают по-настоящему. Коротко, не понаучному, театр военных действий можно определить

как территорию, на которой разворачиваются армии и ведутся бои и операции. Изучение этого театра — целая отрасль военной науки. Причем первоначально эта наука занималась географическими особенностями территории и их влиянием на ход боевых действий. Позднее к этому прибавились политические и экономические факторы. С появлением авиации стали изучать и воздушное пространство, а теперь ракеты заставляют уже учитывать и пространство космическое. Кто дал такое название этой отрасли военной науки, я не знаю. Но это действительно наука. Театры военных действий могут охватывать несколько государств, например, африканский, ближневосточный или со многими морями — тихоокеанский ТВД.

Когда я учился в военной академии, в расписаниях лекций по этому предмету сокращенно писали три буквы — ТВД, отчего пропадала вся торжественность этих слов. Я не намереваюсь обрушить на читателей всю сложность науки о ТВД с ее разделами: народонаселением, природными условиями, промышленностью, дорогами, климатом, реками, естественными рубежами, температурами и уровнями осадков по временам года и тому подобным. Я просто хочу попросить читателей представить себе территорию, где развернулись события, которым посвящена эта часть моего повествования.

Будет наглядней и понятней, если вы при чтении последующих глав положите перед собой карту или ученический атлас и найдете на них Прибалтику. Не надо быть полководцем, чтобы увидеть, какой удобный плацдарм для сосредоточения войск с целью нападения на Советский Союз. Здесь хорошо развитая сеть железных и шоссейных дорог, много аэродромов, оборудованные порты, готовые принимать войска с моря. Забегая вперед, выскажу в некоторой степени кощунственное

предположение: если бы гитлеровцы, готовя нападение на СССР, сосредоточили ударные силы, которые они собрали на западной нашей границе, и нанесли бы главный удар с этого плацдарма (откуда Ленинград видно в бинокль, а до Москвы — рукой подать), через пару недель они взяли бы нашу столицу и двинулись бы к Сталинграду в первый же месяц войны, еще полные сил. И неизвестно, чем бы закончилась война, но, несомненно, пришлось бы нам вести оборонительные операции — Новосибирские, Челябинские, Иркутские и другие.

Этого не произошло благодаря стратегической прозорливости Сталина. Чтобы о нем ни писали, как бы ни охаивали недоброжелатели, но именно Сталин, лишая немцев Прибалтийского плацдарма, предопределил исход войны!

Ну а если я этого коснулся, надо показать, как был осуществлен этот блестящий стратегический маневр.

Понимая значение Прибалтики в случае войны, Сталин еще при заключении «Советско-германского договора о ненападении» настоял на подписании «Секретного дополнительного протокола», в котором в первом пункте сказано:

«В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих прибалтийским государствам (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве), северная граница Литвы будет являться чертой, разделяющей сферы влияния Германии и СССР...»

Подписанием этого соглашения Сталин лишил гитлеровцев выгоднейшего для них плацдарма, и пришлось им наносить удар в центре европейской части, в направлении Киев, Смоленск, Москва, где они потеряли половину своей армии и не смогли взять нашу столицу.

Много в наши дни рассуждают о советской «оккупации» Прибалтики. Напомню события тех лет.

Советский Союз в сентябре 1939 года предложил правительствам Эстонии, Латвии и Литвы подписать договоры о взаимной помощи. Такие договоры были подписаны в Москве в сентябре и октябре 1939 года. Советская сторона по этому договору обещала названным странам в случае нападения или угрозы нападения на них со стороны любой европейской державы оказать помощь всеми средствами, включая и военные. Для того чтобы выполнить это обязательство, Советский Союз получал право разместить в прибалтийских странах свои войска и создать на их территории морские и воздушные базы.

Буржуазные правительства прибалтийских республик, конечно же, не хотели дальнейшей советизации своих государств и прилагали всяческие усилия к тому, чтобы избавиться от советской опеки. Собирались секретные конференции министров иностранных дел, генеральные штабы разрабатывали планы, как действовать в случае военного столкновения с советскими частями, профашистские организации устраивали провокации против советских воинов, проживавших на территориях этих республик.

В общем, отношение властей этих стран к советским гарнизонам, мягко говоря, было недружественным.

В то же время коммунистические партии и прогрессивные круги прибалтийских республик вели большую агитационную работу, что в конце концов завершилось установлением в них советской власти: 21 июля 1940 года вновь избранные Народные сеймы Латвии и Литвы и Государственная дума Эстонии провозгласили свои страны Советскими социалистическими республиками и приняли декларацию о вступлении их в Советский Союз.

Трудящиеся прибалтийских стран выражали радость по поводу этих событий. Должен разочаровать нынешних говорунов об «оккупации», прокомментировав хотя бы две секретные телеграммы Молотова:

**«ПОЛПРЕДУ СССР В ЛИТВЕ Н.Г. ПОЗДНЯКОВУ
21 ОКТЯБРЯ 1939 ГОДА:**

«Категорически встречаю Вам, всем работникам полпредства, в том числе и военному атташе, вмешиваться в межпартийные дела в Литве, поддерживать какие-либо оппозиционные течения и т.д. Малейшая попытка кого-либо из Вас вмешаться во внутренние дела Литвы повлечет строжайшую кару на виновного. Имейте в виду, что договор с Литвой будет выполняться с нашей стороны честно и пунктуально. Того же будем требовать от литовского правительства. Надо отбросить как провокационную и вредную болтовню о советизации Литвы».

**ИЗ ТЕЛЕГРАММЫ В.М. МОЛОТОВА
К.Н. НИКИТИНУ 23 ОКТЯБРЯ 1939 ГОДА:**

«Нашей политики в Эстонии в связи с советско-эстонским пактом взаимопомощи Вы не поняли. Из Ваших последних шифровок, в особенности из сегодняшней шифровки № 201, в которых Вы пишете об особых торжествах и речах в день 7 ноября, а также о встречах и приемах военных моряков рабочими организациями Таллина, видно, что Вас ветром понесло по линии настроений советизации Эстонии, что в корне противоречит нашей политике. Вы обязаны наконец понять, что всякое поощрение этих настроений насчет советизации Эстонии или даже простое непротивление этим настроениям на руку нашим врагам и антисоветским провокаторам.

Вы должны заботиться только о том, чтобы наши люди, и в том числе наши военные в Эстонии, в точности и добросовестно выполняли пакт взаимопомощи и принцип невмешательства в дела Эстонии и обеспечить такое же отношение к пакту со стороны Эстонии. Во всем остальном, и в частности 7 ноября, Вы не должны выходить за обычные рамки работы полпредства. Главное, о чем Вы должны помнить, это не допустить никакого вмешательства в дела Эстонии.

В связи с этим обязываю Вас:

1) не допускать встреч морских команд и сухопутных частей с рабочими и другими эстонскими делегациями;

2) посоветуйте от меня Пийпу не устраивать 7 ноября концерта-акта с речами, так как такой концерт может быть истолкован левыми рабочими Эстонии как симптом желательного для них давления СССР на внутреннюю политику Эстонии, что решительно противоречило бы принципу невмешательства в дела Эстонии;

3) категорически воспрещаю вам вмешиваться в борьбу групп внутри Эстонии, принимать от них как от профсоюзов какие-либо делегации и т. д.;

4) обязываю Вас пресекать всякие разговоры о советизации Эстонии, выгодные и удобные лишь провокаторам и врагам СССР...»

В качестве примера того, как строго регламентировался порядок нахождения войск, можно привести некоторые положения из советско-латвийского соглашения, подписанного 12 ноября 1939 года от Латвии генералом Гартманисом и от Советского Союза — комкором Морозовым и бригадным комиссаром Марсевым:

«1. Передвижение отдельных лиц советских войсковых частей, кораблей и военных учреждений.

Отдельные лица корпуса советских войск, кораблей и военных учреждений могут оставлять районы своих гарнизонов и кораблей только с разрешения своего начальства. Эти отдельные лица должны иметь при себе удостоверение на право оставления своих районов. Эти удостоверения должны быть на русском и латышском языках по согласованному образцу. Находясь вне района своих гарнизонов, эти лица должны соблюдать правила о проверке и регистрации документов, установленные для военнослужащих Латвийской армии.

Оставление общей зоны расположения корпуса советских войск, границы которой указаны на прилагаемой карте, возможно только по удостоверениям, выданным представителями Латвийской армии, которые последними выдаются в количестве, потребном для нормального управления войсками и материального обеспечения корпуса советских войск.

Этот порядок в силе и для передвижения членов семей военнослужащих...

Военные силы корпуса советских войск и Латвийской армии при встречах должны соблюдать общие правила воинской вежливости».

Анализ дипломатической и военной переписки того времени показывает, что случаи нарушения советскими солдатами и офицерами многочисленных соглашений, подписанных нами с официальными представителями прибалтийских стран, были крайне редкими и, как правило, серьезных последствий не имели.

Советской стороной соблюдались все договоренности, но такое отношение к обязательствам, надо прямо сказать, далеко не всегда было взаимным. С каждым месяцем росло число случаев исчезновений советских военнослужащих, их гибели, невыполнения обязательств по строительству помещений, отводу земельных

участков в районах, предусмотренных соглашениями, поставкам продовольствия, финансовым расчетам. Обстановка в Прибалтике быстро накалялась.

Такую подробную ретроспекцию я привожу для того, чтобы читатели поняли, в какой политической ситуации работал Баграмян в Прибалтике. И еще надо добавить к прежней довоенной «накаленности»: балтийское побережье, леса, села и города кишели группами, отрядами гитлеровских недобитков, которые были хорошо вооружены, прошли подготовку и службу в эсэсовских частях немецкой армии. С «лесными братьями» пришлось бороться до 1953 года. Баграмян считал, что их ликвидацией должны заниматься части НКВД, он берся солдат, считал, что они свое дело сделали в годы войны.

Однажды позвонил Берия, грубо спросил:

— Баграмян, ты что, не хочешь ликвидации бандитских формирований? Почему не помогашь войсками?

После этого звонка Баграмян выделял для проведения крупных мероприятий разведбатальоны.

Официальные власти прибалтийских республик уважали Ивана Христофоровича, избрали его депутатом Верховного Совета Латвии и членом ЦК Латвийской компартии. Уже в те годы проявлялись националистические тенденции вроде бы в лояльных инстанциях. Например, на совещаниях в ЦК говорили только на латышском языке. Баграмян при обсуждении одного из вопросов попросил дать ему слово. Вышел на трибуну, стал говорить по-армянски. Присутствующие недоумевали, секретарь ЦК сказал:

— Иван Христофорович, мы не понимаем, о чем вы говорите.

— А я не понимаю, о чем говорите вы по-латышски, — спокойно ответил Баграмян.

Коммунисты засмеялись, но поняли эту своеобразную критику и стали говорить по-русски, но только когда на заседании присутствовал Баграмян.

Иван Христофорович был депутатом Верховного Совета СССР и с 1952 года кандидатом в члены ЦК КПСС. Он часто навещал Москву по вызову наркома обороны на различные совещания. Был он постоянно в курсе событий всесоюзных и международных масштабов. Баграмян, как командующий округом, регулярно получал разведывательные сводки Главного разведывательного управления и так называемые белый и красный секретные информационные обзоры ТАСС для правительства и руководящих работников.

Ситуация в мире складывалась очень напряженная. А весной 1946 года опять началась война, в которой прибалтийский плацдарм, порученный Баграмян, приобрел очень важное значение.

Нет, уважаемые читатели, я не оговорился — началась третья мировая война, о чем Баграмян и все мы узнали из сообщения газеты «Правда» 14 марта 1946 года.

Не только для Баграмяна, но и для всей страны и нашей армии это стало событием, определившим жизнь и деятельность на несколько десятилетий, поэтому расскажу подробно, с чего начиналось и как развивалось это судьбоносное явление.

Весной 1946 года бывший премьер-министр Великобритании Черчилль совершал неофициальную поездку по США. Выступая в Вестминстерском колледже в Фултоне (штат Миссури), он подчеркнул, что говорит от себя лично, не представляя никаких официальных инстанций. Однако выступление Черчилля не было очередной лекцией или вечером воспоминаний. Это было программное выступление, намечающее политику всего капиталистического мира на многие годы вперед. И не случайно президент США Гарри Трумэн потратил

немало времени, совершив поездку более чем в тысячу миль, чтобы присутствовать на этом выступлении Черчилля. Если опустить дипломатические и маскировочные завитушки из речи Черчилля, суть ее сводится к предложению создать «братскую ассоциацию народов, говорящих на английском языке», то есть самый настоящий военный союз англосаксонской расы.

Против кого был нацелен англо-американский военный союз? Черчилль указывает адрес абсолютно точно, заявляя, что железный занавес разделит европейский континент. «За этой линией хранятся все сокровища древних государств Центральной и Восточной Европы — Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София, — все эти знаменитые города и население в их районах находятся в советской сфере...» Далее Черчилль рисует очень опасную перспективу: «Никто не знает, что Советская Россия и ее международная коммунистическая организация намереваются сделать в ближайшем будущем или каковы границы, если таковые существуют, их экспансионистских тенденций и стремлений...»

Черчилль рекомендует поспешить с созданием англо-американского военного союза потому, что «...в значительном большинстве стран, отстоящих далеко от русской границы и разбросанных по всему миру, созданы коммунистические пятые колонны, которые действуют в полном единении и абсолютном повиновении указаниям, получаемым от коммунистического центра».

Справедливости ради отметим: Черчилль в этом отношении был прозорлив, недавно опубликованные документы о финансировании КПСС деятельности компартий многих стран мира подтверждают это.

Президент США Трумэн и правительство Англии фактически взяли на вооружение концепцию, изложенную Черчиллем в Фултоне.

Истощение в войне и отсутствие реальных экономических факторов у СССР для новых сражений и наличие атомной бомбы у США были теми стимулами, которые вдохновляли американско-английский военный союз на быстрое (пока не поздно!) использование благоприятных факторов для «бесстрашного провозглашения принципов свободы и прав человека на территориях стран Восточной Европы и СССР».

Руководители нашего государства, опираясь на теорию марксизма-ленинизма, считали: распространение коммунизма на всей планете произойдет не силой оружия, а это предрешено историей, капиталистическая система обречена на вымирание как более архаичная и устаревшая. Так объявлялось в официальной публичной пропаганде КПСС, но подпольно партия этот исторический процесс постоянно форсировала как теоретическими, так и финансовыми вливаниями компартиям в других странах, своим «пятым колоннам», как их называл Черчилль.

Таким образом, обе системы — капиталистическая и социалистическая — ставили задачу овладения миром. Социалистическая — без применения оружия: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Капиталистический лагерь во главе с США, не имея объединяющей собственной идеологии, решил уничтожить силой оружия социалистический лагерь, пока не поздно. Обе стороны, стараясь перекричать одна другую, просто воили о своем миролюбии и тратили немалые силы и средства в «борьбе за мир»!

Речь Черчилля вызвала огромный всплеск самых различных суждений и оценок в прессе. Сталин читал полный текст речи Черчилля. Разведуправление позаботилось об этом. Какие мысли возникли у Сталина при таком резком обострении отношений с бывшими союзниками?

Выступление Черчилля было настолько принципиальным, что Сталин немедленно отреагировал на его речь. Как известно, Сталин редко давал интервью, а тут откликнулся через неделю.

Один из корреспондентов «Правды» 13 марта 1946 года обратился к Сталину (нет сомнения, по его личному указанию) с просьбой «разъяснить ряд вопросов, связанных с речью Черчилля».

Мир вступал в атомную эпоху. Человечество стояло у порога третьей мировой войны. Сталин в эти годы был уже многоопытным стратегом, дипломатом, государственным и партийным деятелем. Он тщательно проанализировал программное заявление Черчилля и в своих ответах корреспонденту, по сути дела, дал оценку новой международной ситуации и англо-американскому союзу. Это стало стратегическим завещанием Сталина на долгие годы вперед. Он не думал тогда о своей смерти (а жить ему оставалось семь лет). Он, наверное, собирался сам осуществлять эту стратегию. И я уверен, будь он жив, история, особенно судьба нашего государства, сложилась бы совсем иначе. И уж, конечно, не произошло бы то, что мы ныне видим и переживаем.

Прежде чем привести большие цитаты (иначе нельзя) из ответов Сталина корреспонденту «Правды», напомним: все речи, выступления, статьи, в том числе эти ответы, Сталин готовил сам, ни помощникам, ни советникам он этого не поручал, они предоставляли только справочные материалы.

Интервью было опубликовано 14 марта 1946 года.

«Вопрос. *Можно ли считать, что речь господина Черчилля причиняет ущерб делу мира и безопасности?*

Ответ. *Безусловно да. По сути дела, господин Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей войны. И господин Черчилль здесь не одинок — у него имеются*

друзья не только в Англии, но и в Соединенных Штатах Америки.

Следует отметить, что господин Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей. Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Господин Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира. Немецкая расовая теория привела Гитлера и его друзей к тому выводу, что немцы, как единственно полноценная нация, должны господствовать над другими нациями. Английская расовая теория приводит господина Черчилля и его друзей к тому выводу, что нации, говорящие на английском языке, как единственно полноценные, должны господствовать над остальными нациями мира.

По сути дела, господин Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, — в противном случае неизбежна война...

Но нации проливали кровь в течение пяти лет жестокой войны ради свободы и независимости своих стран, а не ради того, чтобы заменить господство гитлеров господством черчиллей. Вполне вероятно поэтому, что нации, не говорящие на английском языке и составляющие вместе с тем громадное большинство населения мира, не согласятся пойти в новое рабство.

Трагедия господина Черчилля состоит в том, что он, как закоренелый тор, не понимает этой простой и очевидной истины.

Несомненно, что установка господина Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР. Ясно также и то, что такая установка господина Черчилля несовместима с существующим союзным договором между Англией и СССР...

Вопрос. *Как Вы расцениваете ту часть речи господина Черчилля, где он нападает на демократический строй соседних с нами европейских государств и где он критикует добрососедские взаимоотношения, установившиеся между этими государствами и Советским Союзом?*

Ответ. *Эта часть речи господина Черчилля представляет смесь элементов клеветы с элементами грубости и бестактности.*

Господин Черчилль утверждает, что «Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София — все эти знаменитые города и население в их районах находятся в советской сфере и все подчиняются в той или иной форме не только советскому влиянию, но и в значительной степени увеличивающемуся контролю Москвы». Господин Черчилль квалифицирует все это как не имеющие границ «экспансионистские тенденции» Советского Союза...

Не требуется особого труда, чтобы показать, что господин Черчилль грубо и беспардонно клеветает здесь как на Москву, так и на поименованные соседние с СССР государства.

Во-первых, совершенно абсурдно говорить об исключительном контроле СССР в Вене и Берлине, где имеются Союзные Контрольные советы из представителей четырех государств и где СССР имеет лишь $\frac{1}{4}$ часть голосов. Бывает, что иные люди не могут не клеветать, но надо все-таки знать меру.

Во-вторых, нельзя забывать следующее обстоятельство. Немцы произвели вторжение в СССР через Финляндию, Польшу, Румынию, Венгрию. Немцы могли

произвести вторжение через эти страны потому, что в этих странах существовали тогда правительства, враждебные Советскому Союзу...

Спрашивается, что же может быть удивительного в том, что Советский Союз, желая обезопасить себя на будущее время, старается добиться того, чтобы в этих странах существовали правительства, лояльно относящиеся к Советскому Союзу? Как можно, не сойдя с ума, квалифицировать эти мирные стремления Советского Союза как экспансионистские тенденции нашего государства?

Господин Черчилль недоволен, что Польша сделала поворот в своей политике в сторону дружбы и союза с СССР...

Польша, современная демократическая Польша, не желает быть больше игральным мячом в руках иностранцев. Мне кажется, что именно это обстоятельство приводит господина Черчилля в раздражение и толкает его к грубым, бестактным выходкам против Польши. Шутка ли сказать: ему не дают играть за чужой счет...

Господин Черчилль бродит около правды, когда он говорит о росте влияния коммунистических партий в Восточной Европе. Следует, однако, заметить, что он не совсем точен. Влияние коммунистических партий выросло не только в Восточной Европе, но почти во всех странах Европы, где раньше господствовал фашизм (Италия, Германия, Венгрия, Болгария, Финляндия) или где имела место немецкая, итальянская или венгерская оккупация (Франция, Бельгия, Голландия, Норвегия, Дания, Польша, Чехословакия, Югославия, Греция, Советский Союз и т.п.).

Рост влияния коммунистов нельзя считать случайностью. Он представляет вполне закономерное явление. Влияние коммунистов выросло потому, что в тяжелые

годы господства фашизма в Европе коммунисты оказались надежными, смелыми, самоотверженными борцами против фашистского режима, за свободу народов...

Коммунисты вполне заслуживают доверия народа. Так выросло влияние коммунистов в Европе. Таков закон исторического развития.

Конечно, господину Черчиллю не нравится такое развитие событий, и он бьет тревогу, апеллируя к силе. Но ему так же не понравилось появление советского режима в России после Первой мировой войны. Он так же бил тогда тревогу и организовал военный поход «14 государств» против России, поставив себе целью повернуть назад колесо истории. Но история оказалась сильнее черчилевской интервенции, и донкихотские замашки господина Черчилля привели к тому, что он потерпел тогда полное поражение. Я не знаю, удастся ли господину Черчиллю и его друзьям организовать после Второй мировой войны новый поход против Восточной Европы. Но если им это удастся — что маловероятно, ибо миллионы «простых людей» стоят на страже дела мира, — то можно с уверенностью сказать, что они будут биты так же, как они были биты в прошлом, 26 лет тому назад...»

Разумеется, ни Сталин, ни руководимая им коммунистическая система «добровольно капитулировать» не собирались, и... началась война. Та самая третья мировая, о которой сегодня говорят по-разному: одни, что она свершилась, другие — она идет, третьи — скоро вспыхнет. Я сторонник мнения, что третья мировая война началась, когда ее объявил англо-американский союз. В ней родилась новая стратегия, которая и стала главным ее содержанием. Один из этапов этой войны в нашей стране мы сегодня наблюдаем и переживаем.

Черчилль напрасно торопил Трумэна: уже в сентябре 1945-го, через месяц после подписания президентом широковещательных документов Потсдамской конфе-

решении о дружбе и совместных с СССР мерах по демилитаризации Германии и упрочению мира, тот сам руководил подготовкой новой атомной бойни.

В США уже был разработан меморандум ОРК (№ 329 от 4.9.1945 г.), которым было определено: «Отобрать приблизительно 20 наиболее важных целей, пригодных для стратегической атомной бомбардировки в СССР и на контролируемой им территории».

Баграмян понимал: в создавшейся ситуации значение прибалтийского плацдарма значительно возрастает, и поэтому принимал меры к укреплению обороноспособности побережья, проводил тактические учения с войсками, во взаимодействии с Балтийским флотом, на командно-штабных поездках отрабатывал с офицерами и генералами самые разнообразные варианты отражения вероятного противника с моря, с воздуха и суши.

31 мая 1946 года Баграмяна пригласили в Москву на заседание Высшего военного совета, которое состоялось 1 июня в Кремле.

Иван Христофорович ожидал услышать какие-нибудь новые сведения о происках англо-американского союза после речи Черчилля в Фултоне, но то, что произошло на этом заседании, было весьма неожиданно.

Маршалы Советского Союза, маршалы родов войск, генералы, члены Совета расселись по местам. Генерал Штеменко занял стол секретаря Совета. Сталин почему-то опаздывал. Наконец он появился. Хмурый, не в военной форме, а в довоенном френче.

Несторопливыми шагами Сталин подошел к столу секретаря Совета, остановился и медленным взором обвел всех собравшихся. Затем он положил на стол папку и глухим голосом сказал:

— Товарищ Штеменко, прочитайте, пожалуйста, нам эти документы.

Генерал Штеменко раскрыл положенную Сталиным папку и начал громко читать. То были показания находившегося в застенках Берии бывшего командующего ВВС Советской Армии Главного маршала авиации А.А. Новикова. Нет нужды пересказывать эти показания, но суть их была однозначна: маршал Жуков возглавляет заговор с целью осуществления в стране военного переворота.

После прочтения показаний маршала Новикова в зале воцарилась гнетущая тишина, длившаяся минуты две. И вот первым заговорил Сталин. Обращаясь к сидящим в зале, он предложил выступить и высказывать мнение по существу выдвинутых обвинений в адрес Жукова.

Выступили члены Политбюро ЦК партии Г.М. Маленков и В.М. Молотов. Оба они стремились убедить присутствующих в виновности Жукова. Однако для доказательства не привели каких-либо новых фактов, повторив лишь то, что указывалось в показаниях Новикова.

После Маленкова и Молотова выступили маршалы Советского Союза И.С. Конев, А.М. Василевский и К.К. Рокоссовский. Они говорили о некоторых недостатках характера и допущенных ошибках в работе Жукова. В то же время в их словах прозвучало убеждение в том, что он не может быть заговорщиком. Особенно ярко и аргументированно выступил маршал бронетанковых войск П.С. Рыбалко, который закончил свою речь так:

— Товарищ Сталин! Товарищи члены Политбюро! Я не верю, что маршал Жуков — заговорщик. У него есть недостатки, как у всякого другого человека, но он патриот Родины, и он убедительно доказал это в сражениях Великой Отечественной войны.

Баграмян не выступал, точнее, его мнения не спрашивали.

Сталин никого не перебивал. Предложил прекратить обсуждение по этому вопросу. Затем он подошел к Жукову, спросил:

— А что вы, товарищ Жуков, можете нам сказать?

Жуков твердым голосом ответил:

— Мне, товарищ Сталин, не в чем оправдываться, я всегда честно служил партии и нашей Родине. Ни к какому заговору не причастен. Очень прошу вас разобраться в том, при каких обстоятельствах были получены показания Новикова. Я хорошо знаю его, мне приходилось с ним работать в суровых условиях войны, а потому глубоко убежден в том, что кто-то его принудил написать неправду.

Сталин спокойно выслушал и затем сказал:

— А все-таки вам, товарищ Жуков, придется на некоторое время покинуть Москву.

Жуков ответил:

— Я готов выполнить свой солдатский долг там, где прикажут партия и правительство.

Жуков был освобожден от должности командующего Сухопутными войсками и на очередном Пленуме ЦК КПСС выведен из состава Центрального комитета.

Баграмян уважал и высоко ценил маршала Жукова, был готов, как маршал Рыбалко, высказаться в защиту Георгия Константиновича и вообще считал эту затею против Жукова ненужной в сложнейшей международной ситуации, которая развивалась и ухудшалась с каждым днем. Продолжая руководить войсками Прибалтийского военного округа, Баграмян получал все новые и новые подтверждения этим своим мыслям.

В меморандуме СНБ (Совета национальной безопасности) США 7 марта 1948 года сказано: «Разгром сил ми-

рового коммунизма, руководимого Советами, имеет жизненно важное значение для безопасности Соединенных Штатов... Эту цель невозможно достичь посредством оборонительной политики. Соответственно, Соединенные Штаты должны взять на себя руководящую роль в организации всемирного контрнаступления...»

Для осуществления такой глобальной программы разрабатывались последовательно (по мере увеличения количества атомных бомб) несколько планов уничтожения СССР: «Бройлер—1947», «Бушверкер—1948», «Кронкшафт», «Хафмун», «Когвилл—1948», «Героян», «Офтекс—1949». И в 1950 году — широко известный теперь «Дропшот».

Учитывая горький опыт 1941 года, разведка своевременно добывала планы военного руководства США. Все, о чем пойдет разговор ниже, было известно и командующему войсками ПрибВО.

И мы с читателями тоже теперь имеем возможность познакомиться с важным документом — планом войны США против СССР «Дропшот».

Как в свое время гитлеровский план «Барбаросса» предусматривал несколько этапов войны, так и «Дропшот» имел четыре этапа.

Первый этап: внезапный удар 300 атомных бомб по крупным городам Советского Союза — Москва, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов, Казань, Ленинград, Баку, Ташкент, Челябинск, Нижний Тагил, Магнитогорск, Пермь, Тбилиси, Новокузнецк, Грозный, Иркутск, Ярославль и другие, всего 70 крупных городов. Дополнительно к этому стратегические бомбардировщики должны сбросить 29 тысяч тонн бомб еще на 100 городов. От такого удара должно быть уничтожено 85 процентов советской промышленности.

Второй этап: вторжение на территорию СССР и его союзников 250 дивизий, обеспеченных действием

7400 самолетов, продолжающих бомбардировки, и более 750 боевых кораблей, высаживающих десанты.

Третий этап: захват территории СССР и его союзников вооруженными силами США и других стран НАТО. В третьем этапе подчеркивалось: «В данной кампании упор делается на физическое истребление противника».

Четвертый этап: оккупация территории СССР, расчленение его на четыре зоны с дислокацией американских войск в ключевых городах бывшего СССР, а также его союзников в Европе.

Баграмян хорошо знал и помнил военную истину: пока не ступил солдатский сапог, территория не считается завоеванной или освобожденной. Как бы ни было сильно атомное оружие, надо прилагать все силы в подготовке войск округа к тому, чтобы сапог вражеского солдата не ступил на землю Прибалтики.

* * *

С 5 по 16 октября 1952 года Иван Христофорович опять был в Москве, на этот раз делегатом XIX съезда партии. Делегаты занимали места в торжественной тишине Большого Кремлевского дворца, сдержанно, негромко здоровались старые, давно знакомые партийцы, военные, гости. Появление членов Политбюро встретили громкими аплодисментами и одобрительным рокотом. Руководители партии сели на такие же, как у всех в зале, откидные кресла, которые находились на возвышении за трибуной для выступающих. Баграмян обратил внимание на то, что Сталин сел не рядом с другими соратниками, а отдельно от них, через три свободных места. Был он хмур, заметно постарел, седина почти сплошь покрыла поредевшие волосы.

Отчетный доклад сделал Маленков. Он подвел итоги за 13 лет, которые отделяли этот съезд от XVIII,

1939 года, съезда. После доклада обсудили и утвердили пятилетний план развития СССР на 1951—1955 годы.

В коротком выступлении Сталин отметил образование в мире двух новых лагерей — империалистического, агрессивного, и демократического, миролюбивого, во главе с социалистическими странами — и в связи с этим поставил задачи Вооруженным силам СССР.

В заключение он сказал:

«Раньше буржуазия считалась главой нации, она отстаивала права и независимость нации, ставя их “превыше всего”. Теперь не осталось и следа от “национального принципа”. Теперь буржуазия продает права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт. Нет сомнения, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации. Его некому больше поднять.

Так обстоит дело в настоящее время».

На съезде был избран новый состав Центрального Комитета партии. По предложению Сталина его увеличили вдвое — избрано 125 членов и 111 кандидатов. Изменилось название: с ВКП(б) на КПСС — Коммунистическую партию Советского Союза.

Генерала армии Баграмяна избрали кандидатом в члены ЦК КПСС. Войдя в руководящий орган партии, Иван Христофорович теперь принял участие в работе Пленума. То, что он здесь услышал, поразило и удивило.

Сталин вышел на трибуну мрачный, никаких бумаг в его руках не было. Сначала довольно долго, присталь-

но смотрел в зал, ни на ком не останавливая тяжелого взгляда. Не повышая голоса, как всегда, медленно начал говорить:

— Итак, мы провели съезд партии. Он прошел хорошо, и многим может показаться, что у нас существует полное единство. Однако у нас нет такого единства. Некоторые выражают несогласие с нашими решениями.

Говорят: для чего мы значительно расширили состав ЦК? Но разве не ясно, что в ЦК потребовалось влить новые силы? Мы, старики, все перемерем, но нужно подумать, кому, в чьи руки вручим эстафету нашего великого дела, кто ее похитит вперед? Для этого нужны более молодые, преданные люди, политические деятели. А что значит вырастить политического, государственного деятеля? Для этого нужны большие усилия. Потребуется десять, нет, все пятнадцать лет, чтобы воспитать государственного деятеля.

Но одного желания для этого мало. Воспитать идейно стойких государственных деятелей можно только на практических делах, на повседневной работе по осуществлению генеральной линии партии, по преодолению сопротивления всякого рода враждебных, оппортунистических элементов, стремящихся затормозить и сорвать дело строительства социализма. И политическим деятелям ленинского опыта, воспитанным нашей партией, предстоит в борьбе сломить эти враждебные попытки и добиться полного успеха в осуществлении наших великих целей.

Не ясно ли, что нам надо поднимать роль партии, ее партийных комитетов? Можно ли забывать об улучшении работы партии в массах, чему учил Ленин? Все это требует притока молодых, свежих сил в ЦК — руководящий штаб нашей партии. Так мы и поступили, следуя указаниям Ленина. Вот почему мы расширили состав ЦК. Да и сама партия немного выросла.

Спрашивают, почему мы освободили от важных постов министров видных партийных и государственных деятелей. Что можно сказать на этот счет? Мы освободили от обязанностей министров Молотова, Кагановича, Ворошилова и других и заменили их новыми работниками.

Иван Христофорович не верил своим ушам! Сталин называл фамилии первых лиц государства, которые многие годы для всех считались вождями, говорил о снятии их с руководящих постов, но об этом ни в печати, ни по радио Баграмян ничего не слышал.

Далее Сталин объяснил, почему это произошло.

— Почему? На каком основании? Работа министра — это мужицкая работа. Она требует больших сил, конкретных знаний и здоровья. Вот почему мы освободили некоторых заслуженных товарищей от занимаемых постов и назначили на их место новых, более квалифицированных, инициативных работников. Они молодые люди, полны сил и энергии. Мы их должны поддержать в ответственной работе.

Что же касается самих видных политических и государственных деятелей, то они так и остаются видными политическими и государственными деятелями. Мы их перевели на работу заместителями Председателя Совета Министров. Так что я даже не знаю, сколько у меня теперь заместителей.

Нельзя не коснуться неправильного поведения некоторых видных политических деятелей, если мы говорим о единстве в наших делах. Я имею в виду товарищей Молотова и Микояна.

Молотов — преданный нашему делу человек. Позови, и, не сомневаюсь, он, не колеблясь, отдаст жизнь за партию. Но нельзя пройти мимо его недостойных поступков. Товарищ Молотов, наш министр иностранных дел, находясь под «шартрезом» на дипломатическом

приеме, дал согласие английскому послу издавать в нашей стране буржуазные газеты и журналы. Почему? На каком основании потребовалось давать такое согласие? Разве не ясно, что буржуазия — наш классовый враг и распространять буржуазную печать среди советских людей — это, кроме вреда, ничего не принесет. Такой неверный шаг, если его допустить, будет оказывать вредное, отрицательное влияние на умы и мировоззрение советских людей, приведет к ослаблению нашей коммунистической идеологии и усилению идеологии буржуазной. Это первая политическая ошибка товарища Молотова.

А чего стоит предложение товарища Молотова передать Крым евреям? Это грубая ошибка товарища Молотова. Для чего это ему потребовалось? Как это можно было допустить? На каком основании товарищ Молотов высказал такое предложение? У нас есть еврейская автономия. Разве этого недостаточно? Пусть развивается эта республика. А товарищу Молотову не следует быть адвокатом незаконных еврейских претензий на наш Советский Крым. Это вторая политическая ошибка товарища Молотова. Товарищ Молотов неправильно ведет себя как член Политбюро. И мы категорически отклоняем его надуманные предложения.

Товарищ Молотов так сильно уважает свою супругу, что не успеем мы принять решение по тому или иному важному политическому вопросу, как это быстро становится известным товарищу Жемчужиной. Получается, будто какая-то невидимая нить соединяет Политбюро с супругой Молотова Жемчужиной и ее друзьями. А ее окружают друзья, которым нельзя доверять. Ясно, что такое поведение члена Политбюро недопустимо...

В зале стояла гробовая тишина. Баграмян видел перед собой окаменевшие, бледные лица членов Президиума.

Сталин продолжал:

— Теперь о товарище Микояне. Он, видите ли, возражает против повышения сельхозналога на крестьян. Кто он, наш Анастас Микоян? Что ему тут не ясно? Мужик — наш должник. С крестьянами у нас крепкий союз. Мы закрепили за колхозами навечно землю. Они должны отдавать положенный долг государству. Поэтому нельзя согласиться с позицией товарища Микояна...

Лица Молотова и Микояна были мертвыми. Таими же белыми и мертвыми они оставались тогда, когда они — сначала Молотов, а потом Микоян — спустились один за другим на трибуну.

Микоян оправдывался, ссылаясь на некоторые экономические расчеты.

Сталин прервал Микояна:

— Вот Микоян — новоявленный Фрумкин. Видите, он путается сам и хочет запутать нас в этом ясном, принципиальном вопросе.

Молотов признает свои ошибки, оправдывается и заверяет, что он был и остается верным учеником Сталина.

Сталин прерывает Молотова:

— Чепуха! Нет у меня никаких учеников. Все мы ученики великого Ленина.

Сталин предлагает решить организационные вопросы, избрать руководящие органы партии. Вместо Политбюро образуется Президиум в значительно расширенном составе, а также Секретариат ЦК КПСС — всего 36 человек.

— В списке, — говорит Сталин, — находятся все члены Политбюро старого состава, кроме А.А. Андреева. Относительно уважаемого Андреева все ясно, совсем оглох, ничего не слышит, работать не может, пусть лечится.

Голос с места: — Надо избрать товарища Сталина Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Сталин: — Нет! Меня освободите от обязанностей Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР.

Зал загудел:

— Нет! Нельзя! Просим остаться!

Маленков вышел на трибуну.

— Товарищи! Мы должны все единогласно и единодушно просить товарища Сталина, нашего вождя и учителя, быть и впредь Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Сталин вернулся на трибуну.

— На Пленуме ЦК не нужны аплодисменты. Нужно решать вопросы без эмоций, по-деловому. А я прошу освободить меня от обязанностей Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР. Я уже стар. Бумаг не читаю. Изберите себе другого секретаря.

Быстро вышел на трибуну маршал Тимошенко.

— Товарищ Сталин, народ не поймет этого. Мы все, как один, избираем вас своим руководителем — Генеральным секретарем ЦК КПСС. Другого решения быть не может!

Все, стоя, горячо аплодируют, поддерживая Тимошенко.

Сталин долго стоял и смотрел в зал, потом махнул рукой и сел.

Со сложным чувством озабоченности вернулся Баграмян в Ригу. Раньше он не подозревал о разногласиях в руководстве партии. В условиях холодной войны Иван Христофорович считал это очень опасным. Для себя решил: мне поручено большое дело — безопасность прибалтийского побережья, и, несмотря ни на какие распри в верхах, буду выполнять эту миссию.

* * *

Боевая подготовка, боевая готовность войск Прибалтийского военного округа год от года улучшались. Это подтверждали систематические личные проверки Баграмяна, его штаба и строгие комиссии из Москвы. Части получали не только удовлетворительные оценки, но чаще хорошие. Что в армейских условиях нелегко и непросто. (По себе знаю, пять лет откомандовал полками, не одну инспекторскую проверку пережил.)

В Прибалтийском округе иначе не могло быть. Иван Христофорович — опытный воспитатель, прекрасный методист. Работал он не только умело, но и с удовольствием, потому что во всех частях, куда бы ни прислал для контроля и помощи, он встречал таких же, как и он, опытных боевых друзей. Он знал их по боям, любил и уважал. Они ему платили тем же. Баграмян спуска и послабления не давал никому. Бывало, и пожурит за какое-нибудь упущение. Но наряду с этим постоянно заботился о подчиненных, поощрял их, продвигал по службе.

Вот только один пример. Командовал одной из дивизий полковник Белик Петр Алексеевич. Блестящий командир, в годы войны командовал полком, танковой бригадой. Сражался под Смоленском, Москвой, Сталинградом, на Дону, участвовал в наступательных операциях на Украине и в Восточной Пруссии. В феврале 1943 года Белик был удостоен звания Героя Советского Союза.

Свой огромный фронтовой опыт Петр Алексеевич положил в основу боевой подготовки соединения. Были составлены, как принято сейчас говорить, хорошо аргументированные и сбалансированные даже в мелочах план боевой и политической подготовки и расписание занятий, созданы наглядные пособия, отпечатаны в

типографии многотиражной газеты памятки, выписки из наставлений и уставов. Большими усилиями всего личного состава оборудован полигон. Значительную часть своего служебного времени полковник Белик находился на полигоне. Здесь он жил, работал, руководил. К осени 1946 года личный состав соединения хорошо стрелял и умело водил боевые машины. На инспекторских проверках его дивизия получала только хорошие оценки.

Иван Христофорович высоко ценил талантливое командира, представил его на звание генерала, при первой же вакансии выдвинул на более высокую должность.

Заглядывая вперед, скажу: с благословения Баграмяна в 1960—1966 годах генерал Белик стал заместителем главнокомандующего Группы советских войск в Германии, а затем командовал Забайкальским военным округом уже в звании генерала армии.

Вот другой пример: при очередном выезде в войска Баграмян хотел увидеть, как проводит занятия не командир дивизии, а самый младший в командной иерархии — взводный. В одном из танковых батальонов его командир Захарченко доложил командующему, когда тот прибыл на полигон:

— Провожу занятия на основе опыта прошедших боев. Отрабатываю тему «Танковый взвод в обороне». Это занятие я построил с учетом опыта боев под городом Шауляем. Во время того боя 9 наших танков занимали позиции за небольшой высоткой и имели задачу не допустить просачивание противника к шоссе. Немцы, сосредоточив крупные силы танков и бронетранспортеров, бросили их в атаку. Занимая выгодный рубеж, наши танкисты, подпустив вражеские машины на близкое расстояние, начали расстреливать их в упор. В результате немцы потеряли здесь 17 подбитых тан-

ков, 10 бронетранспортеров и были вынуждены отойти назад.

— Продолжайте занятие, — сказал Баграмян, — я посмотрю, что у вас получится.

Комбат приказал командиру взвода лейтенанту Василенко скрытно занять позиции за отдельной высоткой. Лейтенант умело выполнил приказ: выдвинул танки вперед по одному, на малых скоростях, чтобы «противник» не мог их обнаружить. Затем он наметил секторы наблюдения и обстрела для каждого танка. Командиры машин составили огневые карточки и готовы были в любую минуту открыть прицельный огонь. Лейтенант Василенко доложил о готовности к выполнению боевой задачи.

Комбат подсказал:

— Не установили связи и взаимодействия с командиром стрелковой роты, которая будет с вами действовать в этом бою.

— Так нет его, — попытался оправдываться лейтенант.

— За него, — сказал руководитель занятия, — отрабатываете со мной.

Лейтенант наметил общие ориентиры, попросил ротного информировать о появлении новых целей и о своих действиях при изменении обстановки.

Дальнейший ход занятия был таким же, как в период боев под городом Шауляем. В результате танкисты подразделения убедились на практике в том, какое значение в бою имеют правильный выбор местности, хорошая организация наблюдения и взаимная огневая поддержка с пехотой.

Командир батальона сделал разбор занятия, дал оценку действиям подчиненных и в завершение рассказал, как такой же бой прошел под Шауляем.

Командующий округом остался доволен: фронтовик-комбат проявил себя еще и хорошим методистом. Баграмян объявил благодарность майору Захарченко, лейтенанту Василенко и всему его взводу.

Такие умелые действия подчиненных буквально грели душу Ивану Христофоровичу.

Умелые и добросовестные занятия показали командующему Гвардейская Московско-Минская ордена Ленина, дважды Краснознаменная, орденов Суворова и Кутузова мотострелковая дивизия, которой командовал Герой Советского Союза генерал Чернов, гвардейский мотострелковый полк им. Александра Матросова, где командиром был полковник Григорян, истребительный авиационный Оршанский Краснознаменный полк им. Ф.Э. Дзержинского, которым командовал подполковник Арендаренко.

В 1948 году в войска округа поступили новые общевоинские и боевые уставы, в которых концентрировался фронтовой опыт. Они легли в основу обучения войск. С целью их внедрения в жизнь командующий войсками округа генерал армии Баграмян спланировал и провел лично ряд командно-штабных и тактических учений, военно-научных конференций и показательных занятий.

Между тем международная обстановка все больше обострялась. Баграмян получил информацию об обновляемых планах войны против СССР. Все наглее вели себя американские самолеты вблизи его границ.

8 апреля 1950 года четырехмоторный американский самолет «летающая крепость» вторгся в воздушное пространство СССР в районе города Лиепая. Наши истребители, вылетевшие навстречу нарушителю, потребовали от него совершить посадку на одном из аэродромов Прибалтики. В ответ американский самолет открыл огонь. Наши ответили огнем. В протесте советского правительства правительству США от 11 апреля 1950 года

сообщалось: «Американский самолет повернул в сторону моря и скрылся». Но в прессе не сообщалось о награждении летчиков Прибалтийского военного округа старших лейтенантов В. Докина и А. Герасимова, лейтенантов Е. Сатасва, И. Тезяева орденами Красного Знамени за образцовое выполнение задания командования.

Очень напряженно складывалась ситуация на границе. Пограничники почти ежедневно задерживали ее нарушителей. Особенно часто это случалось в зимнее время, когда море замерзало и появлялась возможность проникновения на нашу территорию по льду.

7 марта 1948 года пограничный наряд во главе с капитаном Г.И. Бояриновым обнаружил следы, ведущие в сторону границы. Нарушители шли по льду на финских санях. Бояринов немедленно доложил обстановку на пограничную заставу. На поиск был послан По-2 майора Я.П. Дзюбы. Обнаружив двух нарушителей, уходящих за границу, летчик посадил машину на лед Финского залива и, высадив пилотмана П.И. Половникова с пулеметом, сам вернулся за капитаном Бояриновым и привез его к месту на пути нарушителей. Половников и Бояринов задержали и разоружили нарушителей границы. Надвигались сумерки, расстояние до берега было немалым, началось движение льда. Решение было простым и дерзким. Самолет забрал всех одним рейсом. Нарушителям границы пришлось совершить перелет привязанными к лыжам воздушной машины. «Транспортировка» завершилась успешно.

Более сложный случай произошел с тремя шпионами по кличкам Сузи, Вилли и Ионас. Подробности их биографий стали известны в ходе следствия. Это настоящая детективная история, но в те годы таких «сериалов» еще не снимали.

Эвальд Холли (Сузи) восвал на стороне немцев в Карелии. Потом госпиталь в Бреслау и наконец — Стокгольм. Второй — Харри Вимм (Вилли) — продавец из Пярну. В годы войны тоже служил в немецкой армии. Третий — Иоганн Мальтис (Ионас). В прошлом он был заведующим отделением связи в Курессааре. В разведшколе все трое осваивали работу на радиостанции, обращение с шифродокументами, учились вождению автомобиля.

После тщательной подготовки эту тройку решено было заслать в Эстонию на катере. Когда до берега оставалось шесть миль, вдруг ослепительно вспыхнул прожектор. Луч запарил по воде. Катер поменял курс, а потом, увиливая от луча, метнулся обратно к шведским берегам. Первая попытка высадиться на берег Эстонской ССР сорвалась. И еще раз приходил к нашим берегам катер, и снова неудача.

В последний раз катер вышел к мысу Лухусаллу. Была темная дождливая ночь. В километре от берега катер остановился. Трое пересели в резиновую лодку и направились к берегу. Вилли, Сузи и Ионас спрыгнули на землю. Резиновую лодку за веревку перетянули обратно на катер.

Ливень быстро смыл следы, шпионы углубились в лес, который начинался от самого берега.

Вскоре шпионы расстались. Двое из них направились в Таллин, а третий — Иоганн Мальтис — пошел на юг, где у него была назначена встреча с ранее заброшенным в Эстонию агентом Рихардом Саалисте. Последний вместе с лесничим Альбертом Янсоном, членом националистической организации, занимался сбором и передачей в разведцентр сведений. Своей заслугой шпионы считали и создание вооруженной банды, которая занималась разбоем и грабежом колхозного имущества. В одном из лесных районов Эстонии бандиты

совершили одно за другим два зверских убийства. Были убиты депутат районного Совета Вольдесмар Лейншуу и заместитель председателя колхоза Альберт Линдемман. Убийцы издевались над своими жертвами, отрезали им уши и носы, выкололи глаза. В другом месте бандиты напали на активиста села и выжгли у него на спине пятиконечную звезду.

Агент Харри Вимм должен был установить в Эстонской ССР связь с бывшим командиром полка СС немецко-фашистской армии П. Лиллелехом, который был оставлен как главарь группы диверсантов. Вскоре Ионас и Вилли оказались в руках чекистов. На свободе остался Сузи, у которого была рация.

Эвальд Холли (Сузи) развил, как ему казалось, довольно успешную деятельность. Он «завербовал» даже некоего Эрнста Борстеля, который регулярно поставлял ему нужную информацию. Хозяева были им довольны. Ему сообщили, что на его счет в банке положена крупная сумма, что он зачислен в штат и ему тоже идут жалованье и даже суточные. Рация, с помощью которой шпион выходил в эфир, хранилась в местечке Пирита под Таллином, на даче, и он регулярно в каждой шифровке ставил пароль: «Листья падают», — это означало, что у него все в порядке. Прибывшие из-за рубежа два шпиона были любезно приняты и «устроены» на даче Эрнста. Они не подозревали о том, что работают с советским чекистом. Вскоре поступило сообщение, что со специальным заданием к ним направляется третий агент.

Осенью 1951 года американская и шведская разведки тщательно подготовили высадку на нашу территорию группы вооруженных агентов во главе с Л. Устелем и А. Порсом. В этой группе, как выяснилось впоследствии, находился и тот третий агент, которого так ждал Эвальд Холли (Сузи).

Высадка шпионов произошла на участке заставы, которой командовал старший лейтенант Михаил Козлов. Ночью 3 сентября начальник заставы получил сообщение, что в прибрежных водах появилась неизвестная лодка. Козлов поднял заставу по тревоге и с группой пограничников выдвинулся к месту, куда направились нарушители.

Лодка плыла к берегу прямо на наряд. В ней уже можно было различить людей. Их оказалось четверо.

В нескольких метрах от берега лодка остановилась. Вражеские лазутчики покинули лодку и по воде двинулись к берегу, держа наготове оружие. На оклик «Стой! Руки вверх!» они открыли огонь.

Завязался короткий, но ожесточенный бой. Два диверсанта были убиты, оставшиеся в живых продолжали яростное сопротивление. Козлов был тяжело ранен. Пограничники наспех сделали ему перевязку и хотели вынести в безопасное место, но он наотрез отказался покинуть поле боя и продолжал руководить действиями подчиненных. Мужественное поведение начальника заставы воодушевило воинов. Когда последний нарушитель был уничтожен, начальник заставы разрешил увезти себя в госпиталь, где вскоре скончался от ран. Ценой своей жизни он не пропустил врага на советскую землю. Он удостоен звания Героя Советского Союза.

Заставе, которой командовал М.М. Козлов, присвоено имя героя.

Я располагаю обобщенными сведениями, которые подготовили офицеры Генерального штаба, о борьбе с националистическими формированиями в Прибалтике. Привожу их сокращенно.

Главная цель, которую преследовали националисты, — не допустить «советизации» Прибалтики. К выполнению задач по реализации этой цели были привлечены значительные силы.

Из общего повстанческого движения, как самое масштабное, ожесточенное и организованное, выделялось литовское сопротивление 1944—1956 годов. Главной его ударной силой была Литовская освободительная армия (ЛЛТА), руководимая Верховным комитетом освобождения Литвы. Указанные организации действовали в подполье. С приходом немцев националисты легализовались, надеясь на восстановление былой независимости с помощью Германии.

С возвращением Красной Армии Литовская освободительная армия переориентировалась на пассивную борьбу, организуя вооруженные выступления местного населения против вновь образованных органов советской власти, некоторых частей и подразделений Красной Армии и войск НКВД. В республике началось массовое неповиновение, зачастую выливавшееся в убийства «промосковских» активистов, террор и насилие. Националистов поддерживали немецкие спецслужбы, забрасывая в тыл действующей Красной Армии диверсионно-подрывные группы.

В июле—августе 1944 года вслед за войсками 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов на территорию Литвы вступили части войск НКВД. В республике было развернуто 7 пограничных полков. В их задачу входила очистка прифронтовой полосы и освобожденной территории от отставших солдат и офицеров германских частей, мародеров, дезертиров, вражеской агентуры, антисоветских элементов, пособников противника. И это было остро необходимо, поскольку в данный период заметно активизировались антисоветские силы.

В приказах главного штаба Литовской освободительной армии в декабре 1944 года перед ее командирами ставились задачи «по соединению всех вооруженных формирований, действующих в Литве, и уже объеди-

ненными силами вести активную подпольную работу против большевистского террора. В дальнейшем, при падении оккупационного режима и разгроме Красной Армии перейти в открытую борьбу, мобилизуя для этой цели весь народ».

Следуя этим указаниям, формирования Литовской освободительной армии быстро пополняли свои ряды. Весной 1945 г. общая численность повстанцев достигла 30 тысяч человек. В целом в послевоенные годы «партизанило» или скрывалось в лесах около 70—80 тысяч человек. Вся их борьба выражалась в форме террористических актов по отношению к партийным и советским работникам на местах, пропагандистам и агитаторам, ответственным за проведение коллективизации, рядовым литовцам, заподозренным в сотрудничестве с новыми властями. Не случаен поэтому тот факт, что с 1944 года до окончательного подавления сопротивления в Литве (1956) из 25 108 человек, убитых повстанцами, более 23 тысяч человек являлись их соотечественниками — литовцами.

Для ликвидации националистического повстанческого движения в Литве в декабре 1944 года был образован Штаб главного руководства, который координировал деятельность по этим вопросам с командирами соединений и частей Красной Армии, дислоцировавшихся в республике.

Националистическое подполье не ограничивалось только Литвой. Подобное имело место в Латвии и Эстонии. По состоянию на 1 января 1946 года, в Латвии действовали 64 бандформирования, общей численностью 753 человек, в Эстонии — 55, численностью 428 человек.

Всего в республиках Прибалтики только в 1941—1950 годах формированиями националистов было совершено 3426 вооруженных нападений, в ходе которых

погибли 5155 советских активистов. Органами госбезопасности и войсками было ликвидировано 878 вооруженных групп.

В противоборщественных операциях части внутренних войск НКВД потеряли 533 человек убитыми и 784 — ранеными, потери подразделений Красной Армии составили 42 человек убитыми и 94 ранеными.

В результате проведения целенаправленных мероприятий войсками НКВД—НКГБ при содействии соединений и частей Красной Армии националистическое движение в Литве стало ослабевать.

Однако сопротивление продолжалось вплоть до середины 60-х годов, причем как в Литве, так и в других республиках Прибалтики.

* * *

Повседневная служба войск округа была на подъеме, совершеннее становилось вооружение войск. Ученые, конструкторы не жалели сил, энергии, таланта для проектирования и создания лучших, отвечающих самым жестким требованиям современного боя образцов техники и вооружения. Стрелковые подразделения округа одними из первых в Советской Армии получили ротный пулемет РП-46, крупнокалиберный пулемет, зенитно-пулеметные установки, новый автомат Калашникова, самозарядный карабин Симонова. Танкисты имели на вооружении лучшие в мире средние, тяжелые танки и САУ, артиллеристы — первоклассные орудия и минометы. Легендарные «катюши» уступали место новым установкам. Самолетный парк обновлялся за счет первых отечественных реактивных самолетов. В части и подразделения ПВО на вооружение поставлялись новые радиотехнические комплексы. К 1952 году войска округа коренным образом изменились. Они были оснащены новым, современным вооружением, которое по

своemu качеству значительно превосходило вооружение периода Великой Отечественной войны.

Наряду с успешными делами своего Прибалтийского округа Баграмян получил огорчительную и очень настораживающую информацию из Москвы! Тяжело заболел Сталин.

4 марта в газете «Правда» появилось короткое правительственное сообщение:

«В ночь на 2 марта у товарища Сталина, когда он находился в Москве на своей квартире, произошло кровоизлияние в мозг...»

Ночью 4 марта Баграмян получил правительственную телеграмму: «Срочно приглашаетесь Пленум ЦК».

Командующий немедленно вылетел в столицу.

Вечером 5 марта в Свердловском зале Кремля Маленков, Хрущев и Берия открыли совместное заседание Пленума ЦК КПСС, Совета Министров и Президиума Верховного Совета СССР. Первым сделал сообщение о состоянии здоровья Сталина министр здравоохранения А. Третьяков. После него выступил Маленков.

— Все понимают, — сказал он, — огромную ответственность за руководство страной, которая ложится теперь на всех нас. Всем понятно, что страна не может терпеть ни одного часа перебоя в руководстве. Вот почему бюро Президиума Центрального Комитета партии созвало настоящее совместное заседание... Поручило мне доложить вам ряд мероприятий по организации партийного и государственного руководства.

И далее, снова сославшись на поручение бюро (которого не было!), обосновал необходимость предлагаемых реорганизаций и кадровых перестановок:

— Обеспечение бесперебойного и правильного руководства всей жизнью страны... требует величайшей сплоченности руководства, недопущения какого-либо разброда и паники.

Никто не возражал против необходимости принимать такие решения, и «тройка» провела в жизнь то, что спланировала на своей «тайной вечере». Хрущев, Маленков, Берия были назначены на намеченные ими посты:

— Первым секретарем ЦК КПСС — Хрущев.

— Председателем Совета Министров — Маленков.

— Заместителем Председателя Совета Министров и руководителем объединенным министерством МВД и МГБ — Берия.

Вместо 25 членов Президиума ЦК, избранных на XIX съезде, остались только «свои» — Г. Маленков, Л. Берия, Н. Хрущев, Н. Булганин, К. Ворошилов, Л. Каганович, М. Сабуров, М. Первухин. Вернули в состав В. Молотова и А. Микояна.

Ворошилова определили на пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР, В. Молотова снова назначили министром иностранных дел, Н. Булганин — министром обороны, А. Микояна — министром внутренней и внешней торговли.

Баграмян был рад, хотя и очень удивлен назначению маршала Жукова первым заместителем министра обороны. Опала кончилась!

Из 25 должностей министров 17 остались вакантными. Но все же главное успели — власть перешла в руки «тройки». Через час пятьдесят минут после начала совещания пришло сообщение — Сталин умер.

У Ивана Христофоровича от этого Пленума осталось впечатление торопливости, какой-то недосказанности, подозрительной взволнованности Маленкова и первозности Берии.

Скажу прямо: на то были основания не только у Баграмяна. Чтобы читателям была ясна закулисная борьба, которая предшествовала этому Пленуму и его решениям, сделаю небольшую ретроспекцию. В своей книге «Генералиссимус» я подробно описал тайную борьбу за выживание, которую в последние годы вели между собой Сталин и Берия. В результате многоходовой предательской операции Берия убрал всех близких и верных Сталину приближенных: личного секретаря и помощника генерала Поскребышева, начальника охраны генерала Власика, коменданта Кремля генерала Косынкина. И затем... отравил Иосифа Виссарионовича.

Позднее, когда я бывал на квартире Баграмяна в Сивцевом Вражке, я ему рассказывал подробности этого злодеяния, к тому времени он и сам уже был наслышан, да и в печати появлялись различные версии убийства Сталина.

Для читателей, которые не знакомы с содержанием моего «Генералиссимуса», чтобы было ясно, перескажу два отрывка.

Самое неопровержимое доказательство — признание самого Берии в убийстве Сталина!

Рассказал об этом Молотов. Я не раз хотел его спросить о загадочной смерти Сталина, но не решался, уж очень вопрос был «щекотливый». Но после наших бесед в течение нескольких лет, после того как Молотов стал доверять мне и даже просил организовать «конспиративные» встречи с друзьями, я однажды решил затронуть эту тему. Сначала не прямо, а наводящим вопросом:

— Говорят, Сталин умер не своей смертью.

Молотов ответил не сразу. Подумал.

— Да, для таких подозрений есть основания.

— Называют даже конкретного убийцу — Берия.

Вячеслав Михайлович опять довольно долго молчал.

— И это весьма вероятно. Может быть, даже не он сам, а через своих чекистов или врачей.

Я чувствовал, что-то не договаривает Молотов, но нажимать на него не решался. Казалось, он больше ничего не скажет. Но, видимо, у него шла внутренняя борьба. Возможно, он думал, что уже стар и не надо уносить с собой большую тайну.

Без моего дополнительного вопроса он вдруг, как бы даже не для меня, стал вспоминать:

— На трибуне Мавзолея 1 мая 1953 года произошел такой вот разговор. Берия был тогда близок к осуществлению своих замыслов по захвату власти. Он уже сам да и все мы считали его самым влиятельным в Политбюро. Боялись его. Вся охрана вокруг была его ставленники. Он мог в любой момент нас ликвидировать. Но он понимал, что так поступать нельзя, народ не поверит, что все мы враги. Ему выгоднее превратить нас в своих сторонников. И вот, как бы напоминая, что произошло на Пленуме после XIX съезда, когда Сталин хотел с нами расправиться, Берия на трибуне Мавзолея очень значительно сказал мне, но так, чтобы слышали стоявшие рядом Хрущев и Маленков: «Я всех вас спас... Я убрал его очень вовремя».

Можно ли верить Молотову, что Берия сказал такие слова?

Я думаю, можно. Молотов — очень крупная личность, он понимал цену таким словам и вообще всегда, на всех постах знал вес и значимость каждого слова. Это не кухонный разговор. Он понимал, о чем говорит и с кем говорит. Эта фраза не повиснет в воздухе, она отложится в моей памяти, и я как писатель когда-то дам ей огласку, и страшный смысл ее войдет в историю.

То, что Молотов решился на такое откровение, чтобы люди узнали правду, свидетельствует также его разговор с писателем Чуевым. Феликс опубликовал свою беседу с Молотовым на эту тему. Она изложена другими словами, но смысл тот же: Берия «убрал» Сталина.

О том, что Берия сам (или по его указанию один из охранников) отравил Сталина, подтверждает еще один, очень убедительный факт.

Под личным руководством Берии в НКВД работала секретная токсикологическая лаборатория, начальником ее был Григорий Моисеевич Майрановский.

О том, что представляла собой лаборатория, позднее в своих показаниях рассказывали люди, имевшие к ней служебные отношения.

Александр Григорович: «Майрановский провел исследования ядов примерно над 100—150 заключенными. Я или Ицеголев только отвеивали яд, а Майрановский замешивал его в пищу и через работника спецгруппы давал заключенному. В случаях, когда яд не оказывал смертельного воздействия, Майрановский сам шприцем вводил смертельную дозу. Кроме того, исследование ядов производилось путем выстрелов отравленными пулями в жизненно опасные участки тела...»

Во время процесса на закрытом судебном заседании Специального судебного присутствия Верховного суда СССР 18—23 декабря 1953 года член суда Михайлов спросил Берию:

— Подсудимый Берия, в процессе предварительного следствия вы показывали: «Я признаю, что то, о чем свидетельствует Майрановский, является страшным, кровавым преступлением. Я давал Майрановскому задание о производстве опытов над осужденными к высшей мере наказания». Эти показания вы подтверждаете?

Берия: — Да, подтверждаю.

Дальше Берия подтвердил все жуткие подробности о работе секретной лаборатории.

Не отрицает возможного отравления Сталина сын Берии Серго в своей книге:

«В 1952 году мой отец уже понимал, что терять ему нечего... Мой отец не был ни трусом, ни бараном, послушно идущим на бойню. Я не исключаю, что он мог что-то замышлять... Для этого в органах у него всегда были свои люди... Кроме того, у него была своя разведывательная служба, которая не зависела ни от какой существующей структуры!»

Наверное, достаточно этих фактов для ответа на вопрос: кто убил Сталина?

И еще подробности, о которых Баграмян не знал, находясь на Пленуме ЦК КПСС 5 марта 1953 года (цитата из моей книги):

«Сталин еще был жив, когда произошел свособразный захват власти. Фактический заговор трех высших партийных функционеров — Берии, Маленкова и Хрущева.

Понимая, что часы вождя сочтены, Берия на даче в Кунцеве уединился со своими сообщниками — Маленковым и Хрущевым.

Почему именно эти трое?

Берия всегда и во всем поддерживал Маленкова и Хрущева.

Он продвигал их по служебной и партийной вертикали. Пользуясь своей близостью к Сталину, он информировал вождя о преданности и верности этих соратников, а их конкурентов, наоборот, отодвигал нелицеприятной информацией. Маленков и Хрущев, в свою очередь, постоянно не только поддерживали Берию, но и выполняли все его пожелания. Это даст основание

сделать предположение, что Маленков и Хрущев находились, так сказать, на поводке у Берии. Такое в те годы практиковалось очень широко. Сеть осведомителей создавалась на всех служебных и партийных уровнях.

Хрущев и Маленков были связаны с Берией, крепко подружились, были на даче Берии завсегдатаями, упились там до бесчувствия и оставались ночевать.

Разумеется, не только пристрастие к спиртному и пикарные застолья привлекали их к такому близкому общению, здесь решались политические и хозяйственные дела: Маленков, как секретарь ЦК, возглавлял всю работу с кадрами. А Хрущев, как первый секретарь Московского горкома, держал в руках все столичные дела.

Вот и собралась в критический момент эта тройка и по-свойски, как и полагается заговорщикам, решила, кому кем быть и как держать власть в своих руках.

На этот счет у меня есть документальное подтверждение. Я познакомился с Сухановым, начальником секретариата Маленкова. Он работал на этой должности 18 лет! Был настолько доверенным человеком, что хранил печати ЦК, факсимиле Маленкова, по своему усмотрению заверял документы, им самим же подготовленные.

Суханов мне рассказал о «тайной вечере» троицы и в подтверждение ее хранил в своем сейфе записи, которые делал Маленков при распределении ими должностей: Хрущева сделают Первым секретарем ЦК КПСС, Маленкова — Председателем Совета Министров СССР, Берию — его замом и одновременно министром внутренних дел, с которым объединяется КГБ.

Берия был невысокого мнения о своих сообщниках, он считал, что недалекий Никита Сергеевич будет послушной марионеткой в его руках (в чем, кстати, очень просчитался); Маленков, безвольный и покорный (его

звали между собой Маланья), тоже будет безропотно подчиняться. Ну и самый весомый аргумент единовластия Берии — сосредоточенные в его руках карательные органы, которые много лет по прихоти Берии отправляли на тот свет тысячи чем-то не угодных ему людей.

На этом же съезде троицей было намечено ликвидировать предпринятое Сталиным расширение количества членов ЦК и созданный им Президиум ЦК в 25 членов. Они решили вернуться к старой иерархии: создать единый Президиум (как прежнее Политбюро), малочисленный и управляемый, в который вернуть исключенных по предложению Сталина на XIX съезде Молотова и Микояна.

Все это надо было проверить срочно, пока еще Сталин дышал, опираясь на его авторитетное имя, оформить официально, что заговорщики и осуществили на Пленуме 5 марта, где присутствовали Баграмян, многие другие военачальники, партийные и государственные деятели, не подозревая о закулисных интригах.

После Пленума Баграмян остался в Москве на похороны Сталина.

6 марта 1953 года гроб с телом Сталина был установлен в Колонном зале Дома союзов.

Три дня продолжалось прощание народа со своим вождем. Тысячи людей шли поклониться человеку, который сделал для них и для Родины так много великих дел.

Желающих увидеть Сталина было много, переполнились все улицы, прилегающие к Колонному залу. Милиция и воины не могли сдерживать напор людской массы. Были даже погибшие в давке. Ехали в Москву со всех концов страны. Чтобы прекратить приток людей, было отменено прибытие в столицу пассажирских поездов и электричек. Но люди шли в город пешком, весь

центр Москвы был переполнен, стояли сутками, только бы попасть в траурный зал.

9 марта состоялись похороны на Красной площади. Митинг. Выступили Маленков, Берия, Молотов. Прозрачный саркофаг установили в Мавзоле, рядом с Лениным.

Баграмяна в группе маршалов провели в Колонный зал в какие-то боковые двери. Он постоял в почетном карауле у гроба вождя. Позднее я его спросил:

— О чем вы думали в те минуты?

Иван Христофорович сказал:

— Я его очень уважал. Вспоминал о встречах с ним, — помолчав, доверительно добавил: — Я с опасением думал, как мы будем жить без него. События последних лет показали — ничего хорошего без его твердой руки нас не ждет.

Иван Христофорович не ошибся: страну и народ подстерегали большие перемены — радостные и печальные. Впрочем, история всегда складывается из таких контрастов.

Лично генерала армии Баграмяна ждала новость, которую он не знал, как воспринимать: вроде бы повышение, но, с другой стороны, жалко было расставаться с Прибалтийским военным округом, боевыми друзьями, с которыми и в мирные дни так славно потрудились. Новая должность называлась «Главный инспектор Министерства обороны СССР».

ГЛАВНЫЙ ИНСПЕКТОР И ЗАМЕСТИТЕЛЬ МИНИСТРА

Ярким солнечным маем встретила Москва Баграмяна. Особенно празднично распахнулась Фрунзенская набережная Москвы-реки, где находилось одно из величественных зданий Министерства обороны. Напротив, за рекой, раскинулся и блестел свежей весенней листвой Парк культуры им. Горького. В Москве-реке серебрились солнечные зайчики и отражались в сотнях окон строгого военного здания. Этот огромный дом построили недавно. Широкая лестница, почти во весь фасад центрального корпуса, вела к массивным, с бронзовыми ручками дверям, похожим на ворота. Два девятиэтажных крыла и весь комплекс были отделаны плитками светло-кофейного цвета. Освещенное солнцем здание казалось легким и не обременяло просторной набережной.

Неподалеку, тоже на берегу реки, виднелся огромный серый дом, так называемый правительственный, в котором слева расположился кинотеатр «Ударник», справа — Театр эстрады. В нем Ивану Христофоровичу выделили большую удобную квартиру. После работы — пять минут на машине по набережной, по Каменному мосту через реку, и вот серый дом, где ждут его Тамара Амаяковна, дочка Маргарита и сын Мовсес.

Прежде чем войти в дом, Баграмян некоторое время постоял на лестнице, полюбовался красивым сочетанием домов, Москвы-реки, зелени парка и голубым небом над этой прелестью. Пишу так подробно о здании, в котором предстояло работать Ивану Христофоровичу, потому что в те дни я приходил сюда каждый день. Управление войсковой разведки, в котором я служил, перевели в правое крыло в 1952 году, сразу после окончания внутренней отделки. В этот дом переселились многие управления и отделы Министерства обороны из разбросанных по Москве военных учреждений.

Так что все время пребывания Баграмяна в должности главного инспектора я находился рядом, только на другом этаже этого огромного лабиринта коридоров, кабинетов начальства, служебных комнат подчиненных, залов для заседаний, холлов, экспедиций, секретных комнат и даже торговых киосков разного назначения.

В общем, это был целый город, и не случайно его прозвали «Пентагон». Кстати, в Пентагоне США я бывал. Он действительно настоящий подземный и надземный город. Мне там рассказывали о его грандиозных размерах пару анекдотов.

Один лейтенант прибыл из провинции с донесением и так долго ходил по кабинетам и начальникам запутанного Пентагона, что вышел из него только через три месяца, но уже в звании подполковника.

А одна посетительница вдруг начала рожать в одном из холлов. Ее упрекали: «Мадам, как вы решились в таком положении прийти в Пентагон?» Она оправдывалась: «Господа, когда я пришла сюда, я еще не была беременна!»

Наш «Пентагон» был, конечно, поменьше, хотя я не знаю, что у него скрывается в подземной части.

В общем, в те годы я не только работал рядом с Иваном Христофоровичем, но даже участвовал в инспек-

торских выездах в военные округа. В штате инспекции были специалисты всех родов войск: общевойсковики, летчики, моряки, ракетчики, артиллеристы, танкисты. Но не было отдела, который проверял бы подготовку разведывательных частей и подразделений. А инспектировать их надо, как всех. Из этого затруднения выходили, включая офицеров нашего разведуправления в группы проверяющих при выезде в войска. Я бывал в таких группах до приезда Баграмяна неоднократно. Но с ним выезжать в войска мне не пришлось, в 1954-м, в год его прибытия в инспекцию, я убыл в Ташкент, получив назначение на должность заместителя начальника Военного училища им. Ленина, в котором учился в 1939—1940 годах и был арестован перед выпуском в апреле 1941 года (надеюсь, читателям известны моя тюремная, лагерная и штрафная эпопеи).

Но вернемся к приезду Баграмяна в Москву. Иван Христофорович со свойственной ему добросовестностью при исполнении любых приказов и поручений стал основательно готовиться к новым должностным обязанностям. Как командующий округом, он проводил инспекторские проверки в своих войсках, знал тонкости строевых смотров, контрольных стрельб, боевых тревог, учений и прочие детали инспектирования.

Однако теперь предстояло проводить инспекции на вссармейском, можно сказать, государственном уровне и поэтому следовало разобраться во всех особенностях этой ответственной службы. Баграмян поручил подготовить для него литературу по истории службы инспекции не только в советские годы, но и в дореволюционные времена, Положение о работе инспекции, утвержденное министерством, и несколько актов об инспекторских проверках войск за последние годы.

Все это Иван Христофорович детально проштудировал с карандашом в руке, сделал необходимые выписки.

Кое о чем расспросил старых работников инспекции. И через некоторое время имел полное представление о том, чем и как ему предстояло заниматься на новом месте службы.

Я не располагаю записями Ивана Христофоровича, но, зная, что он читал и с чем знакомился, могу предположить, какой объем информации он для себя освоил. И поскольку нам предстоит вникать в работу Баграмяна как главного инспектора, считаю необходимым и полезным познакомить читателей, хотя бы коротко, с тем, что он познал об истории инспекции.

В Российской армии, в военном министерстве в 1721 году были учреждены должности генерала-инспектора и двух инспекторов, которые должны были два раза в год, весной и осенью, инспектировать войска. Генерал-инспектор подчинялся непосредственно военному министру. Должность эта просуществовала до 1917 года.

В РККА с апреля 1918 года создана Высшая военная инспекция. Были разработаны и утверждены ВЦИК Положение, штаты и функции инспекции. С января 1922 года она стала называться Инспекцией Красной Армии и Красного флота. В апреле 1924 года преобразована в Инспекторат РККА. В годы Великой Отечественной войны она не функционировала. В 1946 году образована Главная инспекция Вооруженных сил СССР во главе с заместителем министра, главным инспектором.

До Баграмяна главными инспекторами были: Маршал Советского Союза Л.А. Говоров (1946—1950 и 1953—1954); Маршал Советского Союза И.С. Конев (1950—1951); генерал-полковник М.С. Малинин (1951—1952); генерал армии М.В. Захаров (1952—1953).

По инструкциям и актам предыдущих проверок Иван Христофорович определил порядок и объем ра-

боты во время выездов в войска. Общая цель — контроль за поддержанием органов управления объединений (округов), соединений (армий, корпусов, дивизий) и частей (полков, кораблей) в их готовности к выполнению задач в соответствии с предназначением. Инспектирование проводится по следующим элементам: состояние боевой и мобилизационной готовности; несение боевого дежурства и боевой службы; уровень оперативной и командирской подготовки; качество полевой, воздушной, морской выучки; состояние учебной материально-технической базы; воинская дисциплина и морально-психологическое состояние личного состава; организация службы войск (караулы, патрулирование); наличие и сохранность вооружения и боевой техники; работа с кадрами; состояние тыла и обеспеченность повседневными и неприкосновенными запасами; бытовое обустройство частей и гарнизонов. Командиры проверяемых частей извещаются за 8—10 суток, но могут проверяться и внезапно, без предупреждения.

Инспектирование обычно начинается со строевого смотра, в ходе которого проводится инспекторский опрос военнослужащих с целью выявить и разрешить их жалобы, заявления и предложения. Уровень боевой и мобилизационной готовности проверяется подъемом частей по учебно-боевой тревоге и выходом их в запланированные или назначенные проверяющими районы с последующим проведением с ними учений (боевых стрельб, пусков ракет, бомбометания). По результатам проверки составляется акт, который с докладом Главного инспектора представляется министру обороны. Обычно ему предлагается и проект приказа по результатам проверки («Кому пышки, кому шишки»).

Первый инспекторский выезд Баграмян проводил в Дальневосточный военный округ, которым командовал маршал Малиновский Родион Яковлевич. Прибыв в

штаб округа, Баграмян представил группу инспекторов командующему и объявил, какие соединения намечаются для инспектирования.

Родион Яковлевич встретил гостей радушно, сказал:

— Войска готовы держать высокий экзамен.

Группы инспектирующих в сопровождении офицеров штаба округа поехали в назначенные гарнизоны незамедлительно, потому что территория округа огромна и в некоторые части придется добираться не один день.

Иван Христофорович остался по приглашению командующего отобедать и отдохнуть после утомительной дороги (поездом ехали неделю! Тогда лайнеров еще не было).

На следующее утро Баграмян отправился в намеченные им части проверять работу своих групп. Он предложил Малиновскому заниматься делами округа, но Родион Яковлевич сказал:

— Инспекторская проверка для меня сейчас самое главное дело. Я с вами.

Так они вместе переезжали из гарнизона в гарнизон. Дальний Восток — край величественный и суровый. В военный округ входили Приморский и Хабаровский края, Амурская, Камчатская, Магаданская, Сахалинская области. В этот приезд инспекция наметила гарнизоны на материке, в далекие окраины не выезжали.

Проверка шла своим чередом, части показывали удовлетворительные результаты. Все подходило к благополучному завершению, но неожиданно одна дивизия «завалила» боевые стрельбы и получила оценку «неудовлетворительно». Это было ЧП! Одна дивизия из трех проверяемых снижала общую оценку округа. Малиновскому грозили крупные неприятности. Он стал просить Баграмяна:

— Проверьте другую дивизию. Или этой разрешите перестрелять.

Иван Христофорович колебался — как поступить? Выполнить просьбу Малиновского — это послабление. А допустить какие-то кривотолки по поводу такого своего решения при первом же выезде главный инспектор не мог. Но в то же время Баграмян сам был несколько лет командующим округа, понимал — несдобровать Родиону Яковлевичу за «неуд»! Малиновский — боевой маршал, умело воевал на Западе против немцев и на Дальнем Востоке громил японцев, не хотелось его подводить. Решил Иван Христофорович под свою ответственность:

— Ладно, Родион Яковлевич, я в порядке контроля за своими инспекторами разрешаю одному полку из этой дивизии еще раз отстрелять положенные упражнения.

Малиновский понимал, что Баграмян делает опасную для себя уступку, еще неизвестно, как отнесется к такому решению министр. А министром был всем известный своей крутостью маршал Жуков.

— Спасибо тебе, Иван Христофорович, век не забуду твоей доброты.

В злополучный гарнизон съехалось все окружное начальство, проверяли оборудование стрельбища, пристрелку оружия. Беседовали «по душам» с солдатами: хорошо ли накормлены, как с табаком, получают ли письма от родных? Объясняли: от вашей стрельбы зависит оценка дивизии, авторитет всего Дальневосточного округа. Солдаты скромно обещали — постараемся.

Но на следующее утро стрельба не пошла, как и при первой проверке, мазали стрелки, в мишенях не оказывалось нужного количества пробойн, «неуд» был подтвержден неотвратимо. Малиновский приводил в оправдание большие работы по строительству парков

для новой поступающей техники. Упустили огневую подготовку! Баграмян молчал. Что он мог сказать? В армии чем бы ты ни занимался — строительством, выездами на тушение пожаров, оказывал помощь населению при стихийных бедствиях, на уборке урожая, — все это не оправдание, боевая готовность дивизии, полка, батальона, каждого солдата — нерушимый закон.

Малиновский перед отъездом комиссии униженно просил Баграмяна:

— Может быть, не включите в акт эту дивизию? Пока вы досдете до Москвы, мы выправим положение. Доложим вам, Иван Христофорович, телеграфом высокие оценки стрельбы, которых мы непременно добьемся.

Добрейший Иван Христофорович переживал не меньше Малиновского, но не мог ничем ему помочь. И так уже допустил послабление с перестрелом.

Не могу подробно описать личные переживания Баграмяна. Но создавшуюся ситуацию и ее возможные последствия постараюсь показать на собственном, почти аналогичном примере.

В 1952 году я выезжал с инспекцией на проверку войск Туркестанского военного округа. Попал в группу инспекторов, которым было поручено проверять части дивизии, расквартированной в Ашхабаде. Все шло нормально: отстреляли полки удовлетворительно, физическая подготовка тоже была удовлетворительной, оставался последний экзамен проверки — подъем по тревоге с проведением учений с реальным выходом частей в поле. Мы, проверяющие этой группы, тоже готовились. Старший нашей команды в этом гарнизоне генерал-лейтенант Журавлев мне приказал:

— Ты — разведчик, тебе и карты в руки, посзжай в район учений, осмотри дороги и рубежи предстоящих «боевых действий». Придешь, расскажи нашим офицерам, чтобы они не заблукали в ходе учений.

Я отправился выполнять поручение на газике с шофером без сопровождающего из местных офицеров, чтобы не раскрыть район, где будут проводиться учения. И вот поздно ночью на рубеже, где должна происходить динамика встречного боя, обнаружил большую группу офицеров. Они сидели на взгорке, а внизу перед ними ходил и давал указания командир проверяемой дивизии генерал Булгаков. Он говорил, кто и что должен делать на этом рубеже.

Я подъехал с поля, вышел из машины и подошел с тыла к этой группе. Они сидели ко мне спиной и не заметили меня. Хотя я и не таился... Подошел, встал в заднем ряду сидящих офицеров и стал слушать, о чем говорит генерал. А говорил он невероятные для слуха проверяющего вещи — излагал ход предстоящего здесь встречного боя, точно по нашей методической разработке! Я не дослушал до конца указаний командира, спустился к нему с пригорка и прямо спросил:

— Товарищ генерал, откуда вам известно то, о чем вы сейчас говорили?

Он знал меня, встречались с ним в дни проверки на стрельбище и в расположении полков. Не растерялся, уверенно ответил:

— Я провожу рекогносцировку местности перед предстоящими учениями.

— Именно в том районе, где нами намечено проводить это учение? — подсказал я.

— Я не знаю, где вы собираетесь проводить учения. А я решил проводить рекогносцировку на этом направлении.

— И динамику встречного боя тоже сами разработали?

— Не знаю никакой вашей динамики, товарищ подполковник, не мешайте мне готовить офицеров к предстоящим учениям.

Это было уже прямое хамство с его стороны, но я не стал вступать с ним в пререкания.

— Хорошо, товарищ генерал, не буду вам мешать, посуду и доложу руководству о том, что я здесь невольно услышал.

После моих слов генерал умолк. Молчали все сидящие на взгорке офицеры. Тихо было в поле и прежде, но теперь тишина мне показалась просто ощутимой.

Генерал коротко бросил:

— Пойдем в мой штабной автобус. Объяснимся.

Я последовал за ним. В автобусе комдив поставил на столик бутылку коньяка, достал из ящичка закуски. И по-свойски сказал:

— Тоже за день, наверно, помотался. Давай выпьем.

Налил коньяк в стаканы и тут же свой, не торопясь, выпил. Я пить не стал. Он продолжал так же по-панибратски:

— Ты не первый год в армии служишь. Что, не знаешь, как это бывает? Ну узнали мы ваши планы. Подготовимся. Кто из-за этого пострадает? Настучишь?

— Я не настучу, а доложу о том, что мне стало известно.

— Ну, и какая о тебе пойдет слава в армии? Стукач!

— Я не стукач, а проверяющий, товарищ генерал. Выполняю свои обязанности.

— Не зарывайся. Может быть, еще где-нибудь придется служить вместе. Как будешь мне в глаза смотреть?

— Буду смотреть честно. Вы сами не будете меня уважать, если я не буду докладывать вам правду.

— Брось ты эти высокие материи. Давай, пей, и разьедемся по-хорошему.

Я посчитал нецелесообразным продолжать разговор, встал и спросил, как положено:

— Разрешите идти, товарищ генерал?

— Иди! Идите! — Это было сказано тоном, не предвещающим ничего хорошего на всю мою дальнейшую службу, если мы с ним встретимся.

...Наверное, при расставании Малиновский и Баграмян испытывали нечто похожее. Не беру на себя смелость подозревать Родиона Яковлевича в таких не очень приличных мыслях. Но обида и недоброжелательность с его стороны по отношению к Баграмяну позднее проявлялись не раз, об этом говорил сам Баграмян, и еще это стало известно от его бывшего порученца генерал-майора Корнеева.

За два года работы в Главной инспекции Баграмян выезжал во многие округа, работа эта однообразная, не стану утомлять читателей ее описанием.

В эти же годы в жизни Ивана Христофоровича произошло знаменательное событие, ему было присвоено звание Маршала Советского Союза.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О ПРИСВОЕНИИ ВОИНСКИХ ЗВАНИЙ

Присвоить воинское звание:

МАРШАЛА СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Генералу армии **Баграмяну** Ивану Христофоровичу.

Генералу армии **Бирюзову** Сергею Семеновичу.

Генералу армии **Гречко** Андрею Антоновичу.

Генералу армии **Еременко** Андрею Ивановичу.

Генералу армии **Москаленко** Кириллу Семеновичу.

Генералу армии **Чуйкову** Василию Ивановичу.

ГЛАВНОГО МАРШАЛА АВИАЦИИ

Маршалу авиации **Жигареву** Павлу Федоровичу.

МАРШАЛА АВИАЦИИ

Генерал-полковнику авиации **Руденко** Сергею Игнатьевичу.

Генерал-полковнику авиации **Судец** Владимиру Александровичу.

МАРШАЛА АРТИЛЛЕРИИ

Генерал-полковнику артиллерии **Варешцову** Сергею Сергеевичу.

Генерал-полковнику артиллерии **Казакову** Василию Ивановичу.

**Председатель Президиума
Верховного Совета СССР К. ВОРОШИЛОВ.**

Москва, Кремль. 11 марта 1955 г.

**Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР Н. ПЕГОВ.**

О доброжелательном отношении Баграмяна к подчиненным знают многие. Недавно (в 2005 году) я встретился в санатории «Архангельское» с генерал-майором Козловым Василием Леонидовичем. Узнав, что я пишу книгу о Баграмяне, он сказал:

— Я в прямом подчинении Ивана Христофоровича не служил, но он сыграл в моей жизни очень важную роль. Может быть, вам пригодится?

— Расскажите.

— В 1965 году я служил в Группе советских войск в Германии в звании лейтенанта, в должности начальника склада вещевого снабжения. Приехала к нам инспекторская комиссия. Проверяли все, вплоть до тылов. Я тоже готовил свою службу. Хотел выдать в проверяемые ча-

сти новые простыни, но побоялся, вдруг посчитают это каким-то мухлеванием. Решил хорошо постирать все белье и выделить как очередную смену. Члены комиссии ко мне в склад не вошли, вещевое обеспечение проверяли практически на солдатах и постелях в казармах. И вот один из проверяющих обнаружил на солдатской кровати простыню, не застеленную в постель под одеяло, сложенную под подушкой. Развернул ее, и все, кто был рядом, онемели. На простыне были нарисованы разноцветными фломастерами мужчины и женщины в самых разных пикантных позах! Копмар! Это сегодня во многих журналах публикуют и даже по телевидению показывают порнографические сюжеты похлепце того, что было нарисовано на той простыне.

— Представляю, какой шум поднялся! — поддержал я собеседника.

— Не только шум. Оргвыводы последовали. Проверяющий, который обнаружил эту простыню, показал ее руководству инспекции. Те с вопросом к командованию: «Как вы могли допустить такое разложение?» Командованию надо оправдаться, принимать меры. И приняли: отстранить от работы начальника вещевого снабжения — то есть меня. Солдат оказался ни при чем: «Ничего не знаю. Мне подложили!» Ну а простыню повезли в Москву. Показали начальству. Вмешался Главпур: «Это политическая диверсия в рядах армии!» Упрек и втык начальнику тыла Группы войск генерал-полковнику Голубеву Архишу Тихоновичу. А на мой счет дали указание не только снять и уволить, но и исключить из партии. И даже начальнику Тыла Министерства обороны СССР Баграмяну начглавпур то ли в шутку, то ли всерьез при встрече усмехнулся: «Ну, Иван Христофорович, большие новаторы у вас в тылу завелись». В эти дни на стол Баграмяна положили официальный акт о результатах инспекторской проверки

ГСВГ, в котором было упоминание о «политическом ЧП» с порнографией на простыне. Там же был и проект предложения о снятии с должности и увольнении из армии начальника вещевого снабжения полка лейтенанта Козлова, то есть меня.

— И он подписал?

— Другой подписал бы. Тем более после неприятных подковырок в свой адрес и позора всей службе тыла. Но Иван Христофорович не рубил сплеча, когда вставал вопрос о судьбе человека. Он не стал подписывать проект приказа. Сказал: «Надо разобраться в этом деле». Была дана команда в ГСВГ — создать комиссию, провести расследование и доложить. Создали у нас в группе войск комиссию. Работников «особого отдела» в нее включили. Общими силами выяснили — я не виноват, простыни со склада выданы чистыми. В прачечной на мокрых простынях не нарисуеть. Во время сушки тоже. Значит, было разрисовано в казарме. И обнаружили. Писарь этой роты готовился в художники, хорошо рисовал. Он решил попутить над своим другом, намалевал эти пошлости и положил под подушку. Никто, кроме проверяющих, этого компромата не видел. Никакого злого умысла не было. И тем более политической диверсии. Просто глупая шутка. Художник и солдат к тому времени уже уволились.

— Дело закрыли?

— Нет, как положено, все доложили по инстанции. Баграмян приказал восстановить меня в должности. И я благодаря его рассудительности и доброте остался в армии. А подписал бы маршал приказ (были на то у него все основания), и сломалась бы моя военная служба навсегда. А я вот до генерала дослужился!

— И в каких должностях вы побывали?

— Все 35 лет прослужил в тыловых органах, заслужил пять орденов и много медалей. Уволился с долж-

ности начальника тыла Гражданской обороны СССР. И все это благодаря Ивану Христофоровичу Баграмяну. В те дни я его даже не видел.

— Вы с ним так и не встретились?

— Позднее видел его много раз, когда служил в управлении Московского военного округа. Но не подошел к нему, не поблагодарил. Стеснялся. А был случай, мог бы это сделать. В 1973 году начальник тыла МВО генерал-полковник Голубев приказал мне поехать на машине в 3-й дом Министерства обороны, что на Фрунзенской набережной, и привезти маршала Баграмяна, который дал согласие на встречу с работниками тыла Московского военного округа. Я поехал. Разыскал маршала на пятом этаже. Представился. Привез в наш штаб. От близости дорогого мне человека стало мне жарко. Очень хотел я напомнить ему о том давнем ЧП и поблагодарить, но так и не решился. Вот такое было в моей жизни судьбоносное решение маршала Баграмяна.

* * *

Другое событие вроде бы не имело прямого отношения к маршалу Баграмяну, но оно касалось все же и его, потому что совершало крутой поворот в политике партии и, можно сказать, было началом развала нашей великой державы. Я имею в виду XX съезд КПСС.

Почти все съезды компартии называли «историческими», желая подчеркнуть масштабность проблем и вопросов, которые на них обсуждались и решались.

История не приняла их в свое лоно, остались эти эпитеты лишь на бумаге. Но XX съезд действительно стал историческим. А почему? Если спросить его современников или даже участников этого съезда — почему вошел в историю этот XX съезд? Каждый из них, не задумываясь, ответит — на этом съезде был развенчан культ личности Сталина.

И поскольку XX съезд имел такое особое значение не только для маршала Баграмяна, но и для всей страны, для народов наших, мне кажется необходимым остановиться на его описании подробнее.

Откроем документ «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза (14—25 февраля 1956 года). Стенографический отчет».

Я перечитал два объемистых тома (1100 страниц), и удивление охватило меня на первых же страницах. Я сделал настоящее открытие! Прочитав дальнейшее, я не верил своим глазам! В повестке дня XX съезда нет вопроса о культе личности Сталина! На 1099 страницах стенографического отчета ничего не говорится о культе личности. (Обратите внимание — я убавил объем отчета на одну страницу. О ней будет особый разговор.) И в то же время (это просто поразительно!) ни один из 126 выступавших на съезде ни разу не произнес имя Сталина, не провозгласил ему здравицу, как этим кончались все выступления на предыдущих съездах. Не ищите этого стенографического отчета, не тратьте время, поверьте мне на слово. В чем секрет, мы вместе разберемся несколько позже.

Первым вопросом был отчетный доклад ЦК КПСС. Докладчик — секретарь ЦК товарищ Хрущев Н.С. Второй вопрос — отчетный доклад председателя Ревизионной комиссии КПСС Москатова П.Г. Третий — Директивы XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану... Докладчик Булганин Н.А. Четвертый — выборы центральных органов.

И все. Никакого обсуждения или принятия решения о культе личности не предусматривалось. Весь первый день был занят докладом Хрущева. К деятельности Баграмяна напрямую относился раздел из доклада Хрущева «Международное положение Советского Союза», в нем глава «Империалистическая политика

сколачивания агрессивных блоков и разжигания холодной войны»...

Не буду утомлять вас длинными цитатами (но признаюсь, кое-что сегодня звучит очень и очень интересно). Приведу лишь несколько принципиальных стратегических заявлений.

«Главную черту нашей эпохи составляют выход социализма за рамки одной страны и превращение его в мировую систему. Капитализм оказался бессильным помешать этому всемирно-историческому процессу». (Никита Сергеевич не один раз перевернулся бы в гробу, если бы увидел торжественное шествие капитализма на нашей земле!)

«Когда мы говорим о том, что в соревновании двух систем — капиталистической и социалистической — победит социалистическая система, то это не значит, что победа будет достигнута путем вооруженного вмешательства социалистических стран во внутренние дела капиталистических стран».

Далее Хрущев изложил утверждение марксистско-ленинской теории об обреченности капитализма на гибель.

Выступил на съезде и маршал Жуков, после ареста Берии его назначили министром обороны. В своем выступлении он ни слова не сказал о культе личности, хотя Сталин не раз обижал его несправедливым отстранением от должности.

Я был в затруднении, как объяснить эту загадку, еще работая над книгами о Жукове и Сталине. Чтобы прояснить это, как говорится, из первых рук, я тогда обратился к бывшему члену Политбюро, Секретарю ЦК КПСС Шипилову Дмитрию Трофимовичу, с которым дружил в последние десять лет его жизни.

Спросил его напрямую:

— Вопрос о культе и постановке его на XX съезде при подготовке не возникал?

Дмитрий Трофимович задумался, помолчал, потом подчеркнуто значительно молвил:

— Я бы не хотел, чтобы вы поняли неправильно то, что я вам расскажу. Неправильно в том смысле, что я хочу преувеличить или приуменьшить свою роль. Боже упаси! Особенно теперь нет в этом никакой нужды. Расскажу вам первому, как это было. В своих воспоминаниях я пишу об этом подробно. Но до их выхода еще далеко, а вам, раз вы просите прояснить, расскажу. Не знаю, отражено ли в стенограмме, что два дня на заседаниях съезда отсутствовали Хрущев и я. Дело было так. Хрущев не раз говорил среди членов Президиума, что надо как-то осудить репрессии Сталина, отделить от них партию. И вот в один из перерывов в работе съезда он подошел ко мне и говорит: «Я думаю, настал самый удобный момент поставить вопрос о Сталине. Здесь собран цвет партии со всех уголков страны, более удобного случая в ближайшее время я не вижу». Я поддержал его идею. Он спросил: «Поможешь мне срочно подготовить доклад?» — «Разумеется, не сомневайтесь». — «Попшли, сделаем это без промедления». И мы в его кабинете работали два дня неотлучно. Только спать уходили. 25 февраля, когда все было написано и отпечатано, мы вернулись на съезд. Хрущев предупредил накануне, что заседание будет закрытое, без представителей прессы и приглашенных.

— Он даже не согласовал это с членами Президиума? — удивился я.

— Нет, решения Президиума не было. Просто в комнате отдыха Президиума съезда Хрущев сказал: «Мне не раз говорили об этом, и вот время пришло доложить коммунистам правду».

Доклад Хрущева произвел опеломляющее впечатление. Постановление по докладу Хрущева Н.С. «О культуре личности и его последствиях» было принято единогласно и состояло всего из девяти строчек. Имя Сталина, как видите, ни в названии доклада, ни в постановлении не упоминается. И приложено оно к 1099 страницам стенографического отчета той самой 1100-й страницей, о которой я говорил в начале этого комментария о XX съезде.

Маршал Баграмян на съезде не выступал. В то время можно было за несогласие угодить в оппозиционеры. Что, кстати, произошло с политическими деятелями очень крупного калибра — Молотовым, Маленковым, Кагановичем и «примкнувшим» к ним Шипиловым...

Маршал Баграмян проработал инспектором два года. В июне 1956 года его пригласил к себе министр обороны Жуков. Он коротко сказал:

— Трудно мне, Иван Христофорович, много теоретических, стратегических, практических проблем в связи с ядерным оружием. Международные вопросы отбирают уйму времени. Предлагаю вам должность моего заместителя.

Предложение было лестное во всех отношениях, и Баграмян согласился, поблагодарив Жукова за доверие.

Сначала работали дружно. Жуков относился к Баграмянму с большим уважением. Но со временем начали сказываться различия в характерах. Об этом достоверно рассказывает порученец Баграмяна генерал Корнев Андрей Иванович, человек, близкий, преданный и знающий все нюансы в отношениях Баграмяна с Жуковым. Пока они работали вдали друг от друга, Жуков очень высоко ценил Ивана Христофоровича. Но когда он стал его заместителем, начались разногласия не в проблемах стратегии, не в подготовке войск, а именно

на почве разных темпераментов, особенно в отношении к людям. Жуков был жесткий. Часто рубил сплеча: за ошибку или провинность — снять! Уволить! Баграмян всегда относился к подчиненным справедливо, если и наказывал, то с воспитательной целью.

И вот начались, как говорится, нестыковки: Жуков где-нибудь сгоряча «рубает» — разжаловать! Уволить! А принесут ему подготовленный письменный приказ, в нем кара снижена: наказан, но не уволен. Баграмян поступал так, надеясь, что Жуков успокоится, отойдет и согласится с проектом.

Жуков спрашивает:

— Кто готовил проект приказа?

— Ваш заместитель.

Министр стерпел раз, другой, но однажды вспыл.

...Не любил он командующего Северо-Кавказским военным округом. После очередной стычки с ним сказал Баграмяну:

— Надо уволить №!..

Баграмян стал мягко убеждать:

— Молодой еще, не очень опытный. Исправится.

Жуков согласился наполовину: снял командующего, но не уволил. Но на Баграмяна за его строптивость стал обижаться. Чашу его терпения переполнил случай с генерал-полковником, который провинился с дачным строительством. Министр не приказал, а в разговоре бросил фразу: «За это надо увольнять немедленно». Через несколько дней приносят ему на подпись приказ — в нем виновнику «выговор с понижением в должности».

— Я же приказал уволить немедленно!

— Но приказ уже подписан.

— Кто подписал?

— Ваш заместитель...

— Опять либеральничает!

После этого случая Жуков решил окончательно расстаться с Баграмяном, но и обижать его не хотел. Придумал такой ход — назначить Баграмяна начальником Военной академии Генерального штаба им. К.Е. Ворошилова. Он умный, хороший теоретик, в условиях обновления форм ведения войны принесет большую пользу в военной науке. Но должность эта занята. Жуков назначил комиссию во главе с Коневым, велел найти недостатки. Конечно, в академии найти что-то трудно, особых недостатков нет. Но приказ был — нашли, что академия слабо перестроилась к современной войне, что ядерное оружие изучено недостаточно. Ну, в общем, надо улучшить. И на исправление недочетов «назначить моего заместителя Маршала Советского Союза Баграмяна».

Иван Христофорович подтекст понимал, «за что его», но не очень переживал. Он человек умный, любил науку, вообще Академия Генерального штаба была для него святая святых. Принял назначение даже с облегчением, что без ссоры расстался с Жуковым.

О том, что Иван Христофорович не обиделся на Жукова, свидетельствуют не только ровное, уважительное отношение к Георгию Константиновичу в последующей службе, но и благородный поступок Баграмяна в дни оскорбительной для Жукова расправы над ним в 1957 году.

Поскольку это проблема не личных их отношений, а политических, государственных масштабов, надо рассказать о ней подробнее.

В октябре 1957 года, когда Баграмян работал начальником Академии Генерального штаба, на Жукова обрушилась очередная опала. На этот раз со стороны Хрущева.

Но об этом позднее, по порядку.

НАЧАЛЬНИК ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

К написанию этой главы я, наверно, особенно хорошо подготовлен. Во-первых, в 1948 году (до назначения Баграмяна) я окончил ВЛК (Высшие академические курсы) при этой академии. И даже некоторое время после выпуска работал преподавателем тактики разведки (в 1949 году меня забрали в Генштаб).

Вторая встреча с этой академией произошла в 1976 году, и очень своеобразно. Отдыхал я летом в Сочи, в санатории им. Фабрициуса. Вдруг приходит ко мне в комнату начальник санатория генерал Безнощенко и говорит:

— Звонили из ЦК, просили быть у телефона через полчаса.

Пришел в кабинет начальника. Сажу, жду. Ровно через полчаса звонок.

— Здравствуйте. Как отдыхаете? Мы хотим поручить вам важное дело — написать статью о Военной академии Генерального штаба. Она существует больше пятидесяти лет в каком-то полузасекреченном режиме. Надо о ней рассказать популярно, не вдаваясь в секреты, которые там действительно есть.

Предложение меня удивило, стал я отказываться:

— Мне кажется, вы неудачно выбрали меня как автора. Об этой академии должен писать кто-то из маршалов. Я сейчас гражданский человек, простой писатель... В общем, я не подхожу.

Мой собеседник, видно, был смущен моим аргументированным отказом, но сказал:

— Хорошо, мы еще посоветуемся, и я вам позвоню.

Я думал, вопрос закрыт. Но к вечеру опять меня пригласили к телефону для разговора с Москвой.

— Мы тут посоветовались (обычная цеховская формулировка) и решили поручить написание статьи именно вам. Маршал устроит «поминальник выпускников», и, если кого-то забудет, начнутся неприятные обиды. Вы, как сами говорите, человек гражданский, не связаны никакими обязательствами, а тему знаете и можете изложить свободно, публицистически. Главная наша цель — пусть народ узнает, что собой представляет эта загадочная академия.

Пытался я опять отказываться, но собеседник уже официальным, партийным тоном закончил разговор:

— Поручение не срочное. Завершайте свой отдых. Приедете в Москву и приступите к делу. Мы вам позвоним.

В Москве позвонили. На этот раз я попросил:

— Вы сообщите в академию, что я приду по вашему поручению, а то меня за порог не пустят.

Пришел я в академию. Начальник генерал армии Шавров принял меня весьма сдержанно. С сомнением смотрел на штатского человека, который хочет осмотреть академию. Не стесняясь моего присутствия, позвонил начальнику Генерального штаба Огаркову.

— К нам писатель Карпов пришел. В каком объеме его знакомить?

Мне был слышен ответ Огаркова:

— Знакомьте в полном объеме. Он наш человек, полковник, генштабовец, разведчик.

С маршалом Огарковым у меня были дружеские отношения. Я бывал у него на квартире, дарили друг другу книги. Генерал армии Шавров подобрел, спросил о моих планах и потом несколько дней водил меня по кафедрам или поручал сопровождать кому-то из руководства академии.

Я написал большую статью «Школа полководцев», она была опубликована в «Правде». Все были довольны: и в ЦК, и в академии, ну и я, разумеется. Шавров подарил мне книгу «Академия Генерального штаба» с автографом:

«С глубоким уважением на добрую память.

Генерал армии И. Шавров. 22 февраля 1977 г.».

Этой книгой я тоже пользуюсь, освещая работу Баграмяна в академии. И еще мне очень помогло своими воспоминаниями бывший порученец Баграмяна, тогда полковник, а ныне генерал-майор в отставке Корнеев Алексей Иванович. Он мой однокашник по учебе в Высшей разведшколе и академии Фрунзе.

Академия располагалась в нескольких старинных корпусах в Хользуновом переулке, недалеко от метро «Фрунзенская». В этих стенах Иван Христофорович провел два счастливых года, с 1936 по 1938 год. Он был в первом выпуске этой вновь созданной академии. Случилось так потому, что Императорская академия Генерального штаба, открытая в Петербурге 10 декабря 1832 года, была в 1918 году ликвидирована. Но по указанию Ленина воссоздана. Да, именно благодаря Ленину. В горячке Гражданской войны и революционных преобразований едва не погибла Императорская академия Генерального штаба. Уже было отдано распоряжение о ее ликвидации. Но, узнав об этом, Ленин вмешался и отдал нижеследующий приказ:

Совет Народных Комиссаров

10 марта 1918 г.

**ГЛАВНОМУ КОМИССАРУ
ВСЕХ ВОЕННЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

*(копия Господину Начальнику Академии
Генерального штаба)*

Ввиду того, что ликвидация Военной Академии или же преобразование ее в высшее учебное заведение гражданского типа совершенно не соответствует ни видам правительства, ни потребностям времени, Вам предлагается немедленно же задержать Ваше распоряжение от 9-го сего марта за № 2735 на имя Начальника Николаевской Военной Академии и предварительно представить в Совнарком Ваш проект реорганизации Николаевской Военной Академии.

О выполнении сего довести до сведения Председателя Совета Народных Комиссаров.

*Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин).*

Академия Генштаба была воссоздана, но в 1921 году переименована в Общевоинскую военную академию, которой в 1925 году присвоено имя М.В. Фрунзе.

В 1936 году была вновь создана как Академия Генерального штаба, и Баграмян был в числе слушателей первого набора и первого выпуска.

Какой блестящий был этот первый выпуск! У Ивана Христофоровича сохранилась фотография тех лет.

Вглядитесь в лица молодых командиров, почти все они еще полковники и подполковники. Наверное, даже в самых радужных мечтах о своей будущей службе не предполагали, что станут маршалами, генералами армии, будут руководить великими сражениями и одерживать блестящие победы.

Иван Христофорович, всматриваясь в дорогие лица одноклассников, вспоминал трудные и незабываемые дни, проведенные вместе с ними на полях сражений. Некоторых уже нет в живых: погиб в 1944 году генерал армии Ватутин, умер в 1953-м генерал-полковник Трофименко, умер в 1955-м маршал Говоров.

Как всегда, на новом месте службы Баграмян прежде всего уяснил свои обязанности — что он должен делать и чего добиваться в новой должности. Основная задача заключалась в следующем: обучать и готовить генералов, адмиралов, старших офицеров (будущих генералов, адмиралов) всех видов вооруженных сил для работы на командных и штабных должностях в оперативно-стратегическом звене армии и флота. Кроме того, академия является научным центром по разработке проблем военной науки и военного искусства.

До войны академией издано более ста научных трудов, учебников и пособий, в их числе такие фундаментальные, как «Новые формы борьбы», «Прорыв и его развитие», «Работа штаба армии», «Работа командования фронта и армии и их штабов по управлению операциями», «Оперативный словарь».

В академии кроме основного был еще факультет по подготовке иностранных руководящих кадров. На кафедрах академии собраны талантливые и светлые умы, носители драгоценного опыта и знаний, накопленных за многие годы предшественниками. Были в их числе и крупные военные ученые: Алафузов, Свечин, Вацетис, Карбышев, Иссерсон, Готовцев и многие другие.

До Баграмяна академию возглавляли: комдив Д.А. Кучинский (1936—1937), маршал Б.М. Шапошников (1943—1945), маршал М.В. Захаров (1945—1949), генерал армии В.В. Курасов (1949—1956). Маршалу Баграмяну поручили не только возглавить Академию Генштаба, но, по сути дела, всю военную науку в слож-

нейший исторический период, когда с возникновением ядерного оружия менялось все, начиная от теории войны до новых способов ведения боевых действий. Надлежало все изучать, осваивать, изменять и давать рекомендации на будущее.

Баграмян начал повседневную работу с обхода учебных корпусов и общежития. Познакомился на кафедрах с преподавателями. Вечерами просматривал личные дела слушателей, как проходила служба каждого из них, какие возможны перспективы. И преподаватели, и слушатели Баграмяну понравились. Каждый, можно сказать, индивидуальность, назначен или принят в академию по особому, тщательному отбору.

Любая теория опирается на практику и подтверждается практикой. Чем располагали маршал Баграмян и преподавательский состав, приступая к разработке новой стратегии? Какая практика применения ядерного оружия была в их распоряжении? Первые атомные бомбы с тротиловым эквивалентом (20 тысяч тонн каждая) американцы сбросили на Хиросиму и Нагасаки. Результаты общеизвестны: в Хиросиме убито и пропало без вести 200 000 человек, ранено 160 000 человек, все дома разрушены, пожары продолжались много часов, от радиации позднее погибли десятки тысяч людей. В Нагасаки убиты и пропали без вести 73 000, позднее от облучения умерли 35 000, полное разрушение города, продолжительные пожары.

9 сентября 1954 года Жуков по решению Президиума ЦК КПСС провел секретные учения с войсками и с реальным взрывом атомной бомбы в Тоцком учебном центре под Оренбургом. Учение это достигло исследовательских целей. Баграмян не раз просматривал секретный фильм о подготовке и проведении учения, изучил подробный отчет результатов учения. Ивану Христофоровичу также было известно: учение при-

несло и огромные беды населению не только Тоцкого района, но и многих, близко расположенных городов — Оренбурга, Сорочинска, Самары, Бузулука, Барского и других, не таких крупных, не говоря уж о десятках деревень.

Нетрудно представить, что произойдет, если американцы обрушат по своему плану «Дропшот» 300 атомных бомб на наши города, а мы успеем ответить пусть даже меньшим количеством бомб.

Переход к изучению боевого применения новых видов оружия вызвал необходимость существенной перестройки учебного процесса: переработки учебных планов и программ, создания новых учебных материалов, пересмотра методов обучения слушателей и перерасчета времени, отводимого на изучение того или иного предмета.

Был значительно расширен курс оперативного искусства. Если раньше слушатели изучали только основы операций крупных оперативных объединений, то теперь они должны были знать все вопросы их подготовки и ведения, твердо усвоить методы оперативного анализа и оперативных расчетов. Им предстояло также овладеть методикой разработки и проведения оперативного командно-штабного учения с участием войск в условиях применения атомного оружия.

Одновременно значительно повысились и требования к качеству подготовки слушателей по этой дисциплине. По приказу министра обороны теперь наряду с защитой дипломной работы необходимо было сдавать государственный экзамен по теории оперативного искусства. Кроме того, слушатели сдавали два внутриакадемических экзамена — по тактике и истории военного искусства. В общую оценку успеваемости входили также отметки по четырем задачам курса тактики и шести задачам курса оперативного искусства. Экзамены по

тактико-техническим характеристикам обычного оружия и техники были заменены зачетами.

В конце 1950-х годов были введены новые, расширенные программы по курсу стратегии. Наряду с более глубоким изучением вероятного характера будущей войны и основ подготовки страны к отражению агрессии слушателям предстояло освоить вопросы подготовки и ведения стратегического наступления и стратегической обороны, особенности стратегического применения Военно-воздушных сил, Военно-морского флота и ракетных средств в начальных операциях. Был введен экзамен по курсу стратегии.

Большое влияние на углубление разработки курса стратегии оказала лекция начальника Генерального штаба. Он ознакомил руководителей академии, профессорско-преподавательский состав и слушателей выпускных курсов с новыми взглядами на вероятный характер будущей войны, которую могут развязать агрессивные силы империализма, и указал на вытекающие отсюда задачи советской военной стратегии.

Основные положения этой лекции, определявшие общее направление строительства и подготовки советских Вооруженных сил на ближайшее будущее, легли в основу не только курса стратегии, но и всей программы обучения генералов и офицеров в Академии Генерального штаба. Они нашли отражение и в планах военно-научной работы.

Отличительная особенность учебных программ, по которым развернулось обучение слушателей, состояла в том, что они были построены на новой теоретической основе. Главным видом вооруженных сил, способным оказать решающее влияние не только на ход, но и на исход войны, были признаны Ракетные войска стратегического назначения.

В новых учебных программах в большей степени, чем раньше, уделялось внимание вопросам подготовки и ведения начальных операций в условиях массированного применения ракетно-ядерного оружия и высокоманевренных действий войск. Оперативное предназначение видов вооруженных сил и организация взаимодействия между ними стали изучаться с учетом использования каждым из них результатов первых экспериментальных ядерных ударов. Впервые в учебные программы были включены вопросы автоматизации и механизации управления войсками.

Таким образом, содержание учебных программ и направленность обучения слушателей претерпели большие изменения. В системе преподавания резко возрос удельный вес ведущих дисциплин — стратегии и оперативного искусства.

Основными формами обучения оставались лекции, семинарские и групповые занятия, отработка оперативно-тактических задач, решение летучек, командно-штабные учения на картах, самостоятельная работа слушателей.

Лекционный курс считался одной из главных форм учебных занятий. Преподаватель, читающий лекцию, был обязан дать слушателям основы научных знаний по изучаемой дисциплине, раскрыть перед ними наиболее сложные вопросы учебного материала. Текст лекций обычно рассматривался на кафедре и утверждался начальником академии или его первым заместителем. К чтению лекций привлекались начальники кафедр, их заместители и наиболее опытные старшие преподаватели. С отдельными лекциями, как правило, по наиболее сложным вопросам стратегии и оперативного искусства выступали начальник академии и его заместители.

Семинары проводились по основным, наиболее сложным темам с целью углубить и закрепить теорети-

ческие знания слушателей, полученные ими на лекциях и в процессе самостоятельной работы, а также привить им навыки устного изложения материала. На семинарских занятиях практиковались творческие дискуссии, так как с появлением нового оружия создалось положение, когда теория рождалась параллельно с разработкой и изучением прикладных практических задач. Еще не было установившихся взглядов на многие вопросы военного искусства, особенно в области применения ядерного оружия. Профессорско-преподавательский состав и слушатели находились, по существу, в одинаковых условиях, поскольку ни у тех, ни у других не было опыта использования его в бою и операции. Смелый обмен мнениями на семинарах способствовал выработке единых взглядов и понятий по ряду сложных вопросов.

Групповые занятия по отработке разнообразных оперативных и тактических задач проводились с тем, чтобы проверить умение слушателей применять на практике полученные теоретические знания, развить у них оперативное и стратегическое мышление, совершенствовать их практические навыки в управлении войсками, производстве расчетов, ведении рабочих карт, разработке оперативных боевых и отчетно-информационных документов и т.п. На групповых занятиях, особенно при отработке вопросов ведения операций, стал шире применяться метод военной игры.

Для совершенствования навыков штабной службы и искусства управления войсками с применением новых технических средств в академии была создана специальная лаборатория, переименованная в последующем в учебный командный пункт. Занятия здесь проходили в обстановке, приближенной к действительной. Для оперативно-стратегических расчетов, сбора информации и передачи приказов и распоряжений слушатели могли использовать многочисленные технические сред-

ства, вплоть до электронно-вычислительной машины. Кроме того, эти занятия прививали слушателям навыки командно-штабной работы в составе полевого управления оперативного объединения, позволяли усвоить организацию работы на командном пункте.

Во время командно-штабных учений на картах, которые также проводились на учебном командном пункте, слушатели получали навыки командно-штабной работы при организации и ведении операций. Оперативные замыслы таких учений утверждались начальником академии.

В академии обращалось большое внимание на связь теоретической учебы с практикой боевой и оперативной подготовки войск и штабов. С этой целью слушателей первых курсов (обычно в конце учебного года) стали привлекать на командно-штабные и войсковые учения и маневры, проводимые Министерством обороны, Генеральным штабом, главнокомандующими видами Вооруженных сил, командующими военными округами и флотами. На этих учениях слушатели под руководством преподавателей выполняли, как правило, обязанности оперативных работников в штабах фронтов и армий.

В 1956 году Генеральный штаб провел двухступенное командно-штабное учение на картах с руководящим и профессорско-преподавательским составом нескольких военных академий с целью отработки вопросов взаимодействия всех видов вооруженных сил и родов войск в условиях применения атомного оружия.

С целью изучения преподавательским составом ядерного оружия читался курс лекций по ядерной физике, демонстрировались кинофильмы, проводились семинары и другие занятия. Кроме того, для преподавателей регулярно читались лекции по новым вопросам боевого применения и перспективам развития родов войск и видов вооруженных сил, различным видам обе-

спечения боевых действий. С такими лекциями обычно выступал руководящий состав Министерства обороны, главных и центральных управлений, главных штабов видов вооруженных сил.

Ежегодно в летне-осенний период значительная часть преподавателей участвовала в войсковых и командно-штабных учениях и маневрах, организуемых Генеральным штабом, главнокомандующими видами вооруженных сил, командующими военными округами и флотами, а также в окружных военно-научных конференциях. Особенно широко эта форма совершенствования знаний преподавателей стала применяться с началом изучения войсками ядерного оружия и способов боевых действий в условиях его применения. В 1956 году в этих мероприятиях приняло участие более 200 преподавателей академии. Отчеты об учениях и конференциях обобщались и глубоко изучались всем профессорско-преподавательским составом.

Участие в учениях и маневрах, стажировка в войсках способствовали закреплению и углублению полученных слушателями в академии оперативных и военнотехнических знаний, прививали им необходимые командирские и штабные навыки.

Как и прежде, большое место занимала самостоятельная работа слушателей над учебными материалами и военной литературой. На это, особенно по профилирующим дисциплинам, отводилось около половины всего учебного времени. Самостоятельная подготовка к очередным занятиям обеспечивалась минимально необходимым плановым учебным временем, предусмотренным для каждого семинара и группового занятия.

Консультации являлись одной из форм руководства работой слушателей и оказания им помощи в самостоятельном изучении учебного материала. Консультации проводились регулярно в часы самостоятельной работы

и носили обычно индивидуальный характер. Если необходимо было разъяснить общие вопросы всем или части слушателей, то организовывались курсовые или групповые консультации.

Конечные результаты учебно-воспитательной работы академии проверялись на ежегодных курсовых и государственных экзаменах.

На кафедре стратегии, на ученом совете, на научных конференциях рассматривалась главная проблема — перспективы войны с применением ядерного оружия.

Прежде чем изложить суть научных поисков на этих мероприятиях, для правильного понимания дальнейшей работы маршала Баграмяна и его коллег считаю необходимым подсказать читателям, что такое стратегия. В газетах и в телепередачах вы не раз читали и слышали при описании боевых действий в Афганистане или Чечне такие перлы: «Наши подразделения захватили стратегическую высоту (мост)». Или: «Рота капитана Х достигла стратегических успехов...»

Чтобы вы не исходили из таких дилетантских заблуждений, приведу очень коротко, что входит в понятие «стратегия».

Военная стратегия исходит из внешней политики государства и всестороннего учета складывающейся международной обстановки, экономических возможностей и моральных сил народа своей страны, а также учета экономического, морального и военного потенциалов противника.

Военная стратегия учитывает и оказывает существенное влияние на общее направление подготовки страны к войне, так как от успеха этой подготовки зависят возможности самой стратегии. Поэтому военная стратегия на основе учета требований предстоящей войны обязана разработать обоснованные предложения по укреплению военной мощи и усилению безопасности

своей страны, по созданию выгодных условий для ведения военных действий и по всестороннему их обеспечению. Решение этих вопросов упирается в развитие соответствующих отраслей экономики, транспорта, в достижения науки и конструкторской деятельности, в политико-моральное воспитание народа и т.п. Исходя из этих областей государственной деятельности, военная стратегия, используя достижения других отраслей военной науки, обязана подсказать, что необходимо осуществить в стране в ходе подготовки ее к войне.

Военная стратегия является высшей областью военного искусства. Опираясь на объективные законы военной науки о подготовке и ведении войны, она рассматривает также вопросы вооруженной борьбы как определение стратегических целей вооруженной борьбы, сил и средств, необходимых для достижения этих целей; характер, формы и способы действий вооруженных сил, особенно в условиях применения современных средств массового поражения; разработка замыслов и планов военных действий на суше, на море и в воздухе; руководство военными действиями и согласование усилий различных видов вооруженных сил на одном и на нескольких театрах военных действий; строительство, подготовка и развертывание вооруженных сил; создание, подготовка и использование стратегических резервов; организация противовоздушной и противоракетной обороны страны; подготовка театров военных действий и всей территории страны к войне; общее направление в развитии военной техники по ее видам; политическое и материально-техническое обеспечение вооруженной борьбы; изучение вероятного противника и степени его подготовленности к войне.

В ходе войны стратегическим успехом является вывод из строя одного или нескольких из этих компонен-

тов или захват таких территорий или объектов, которые решают исход сражения и войны в целом.

Прямо связана со стратегией, по сути дела, является ее практическим осуществлением доктрина, по которой ведутся подготовка армии в мирное время и применение ее в боевых действиях.

Руководствуясь этими теоретическими установками, Баграмян и его коллеги определяли следующее: ядерное оружие — это оружие необычное, и к нему невозможно подходить только с чисто военными мерками. Во-первых, ввиду неизбежных катастрофических последствий массированного применения ядерного оружия оно лишает обе стороны возможности достичь каких-либо политических и военных целей, делает его применение, по существу, бессмысленным. Но осознание невозможности достижения каких-либо политических и военных целей при помощи этого оружия превращает его в средство политического сдерживания агрессии, оно перестает быть оружием поля боя. Непредвидимые последствия массового применения ядерного оружия удерживают обе стороны от самоубийственного шага. В подходе к ядерному оружию только как к сдерживающему средству, а не как к средству ведения вооруженной борьбы вообще нет гарантии, что оно не будет применено для нанесения внезапного удара.

Маршал Баграмян располагал разведсведениями о взглядах и действиях американцев по этим же проблемам.

Проведенные испытания атомных бомб (а позднее создание межконтинентальной ракеты) в СССР показали, что безнаказанно осуществить свой план «Дропшот» американцам не удастся. О том, что они это поняли и как в связи с этим менялась их стратегия, свидетельствует «Доклад начальника штаба армии США (генерала М. Тейлора) за период с 1 июля 1955 года по 20 июня

1957 года». Этот период совпадает со временем пребывания Баграмяна в должности начальника академии Генштаба.

С первых слов Тейлор заявил: *«Основная цель всех военных мероприятий, имеющих отношение к обеспечению безопасности страны, состоит в предотвращении всеобщей атомной войны. Ясно, что такая война явилась бы непоправимым бедствием для всех ее участников и фактически в ней не было бы победителя».*

Но это не значит, что отныне можно жить спокойно. Наоборот, генерал Тейлор разрабатывает концепцию воздействия на противника «с позиции силы». Он заявляет: *«Безопасность страны может быть достигнута путем создания сил устрашения, предусмотренных национальной военной программой, которая предусматривает... поддержание военной мощи, способной устрасить любого противника в воздухе, на земле и на море. Эта мощь должна быть настолько гибкой и многосторонней, чтобы ее можно было успешно применить в любом военном конфликте».*

При такой доктрине оказывались пойманными два зайца: формировались мощные вооруженные силы, которые не позволяли агрессору напасть, но создавали реальную возможность осуществить план «Дропшот» в удобный момент в «любом военном конфликте». И второе: сохранялись и большие заказы фирмам, производящим оружие, для чего увеличивался военный бюджет.

Далее Тейлор излагает, какие необходимо провести меры по переформированию, перевооружению армии, авиации и флота США для выполнения боевых задач в условиях атомной войны. Кстати, генерал отметил, что 20 американских дивизий, находящихся в Европе, в июле 1955 года уже «получили средства атомного нападения» (так и сказал — не средства поддержки или устрашения, а именно «нападения». — В.К.). От себя

добавлю: в этом докладе генерала Тейлора уже заложена главная изюминка новой стратегии уничтожения Советского Союза и социалистического лагеря.

Таким образом, определились две стратегические установки. Американская — воздействие на нас «политикой силы», методом «устрашения», с возможным применением ядерного оружия в благоприятной ситуации. Наша, советская политика исходила прежде всего из возможности мирного сосуществования разных систем, а военная доктрина предусматривала «сдерживание» агрессора.

Однако эта политика ничего общего не имела с пацифизмом и умиротворением империалистических агрессоров. Она должна была опираться на вооруженную силу, на военное могущество Советского государства. Поэтому, борясь за мир, Советское государство в то же время должно было делать все возможное, чтобы сохранить военное превосходство над вероятным противником. Исходя из этого, следует строить вооруженные силы, воспитывать армию и народ, создавать боевую технику и вооружение, разрабатывать военную теорию, способную вести и ядерную войну. Наша миролюбивая политика должна была выдвигать вопросы сокращения производства ядерного оружия, прекращения испытания и создания новых средств ядерной борьбы, установления эффективного контроля за исполнением договоренностей на сей счет.

Выдвигая эти превентивные меры, академия под руководством маршала Баграмяна обращала внимание на пока не разрешимый и очень опасный момент возможного внезапного нападения с применением ядерного оружия. Фактор внезапности в современных условиях приобретает решающее значение для выигрыша победы над врагом. Для нас не исключается и худший вариант, когда противник упредит. Тогда мы вынуждены будем

нанести ответный удар, причем чем быстрее, тем лучше. Ракеты противника должны быть еще в воздухе, когда с наших стартовых позиций должны взлететь ракеты ответного удара. Все это накладывает особую ответственность на нашу разведку.

При обсуждении этого вопроса свою особую позицию высказал маршал, профессор, доктор военных наук, начальник кафедры Ротмистров Павел Алексеевич, который с 1948 по 1958 год был на преподавательской работе в академии.

— Я полагаю, при наличии достоверных данных разведки о готовящемся нападении на нашу страну вряд ли надо ждать этого удара, придется наносить упреждающий удар.

Свое мнение Ротмистров позднее опубликовал в журнале «Военная мысль», что вызвало против него бурю негодования, особенно со стороны официальных инстанций. Я думаю, потому, что втайне в «верхах» превентивный удар имели в виду на крайний, неотвратимый случай, а Ротмистров нарушил табу и заговорил об этом преждевременно.

Что тогда началось! В печати и на многих совещаниях и партийных собраниях на маршала бронетанковых войск Ротмистрова посыпались всевозможные обвинения, начиная от некомпетентности, кончая злым умыслом. Все делалось для того, чтобы высказывание преподавателя Академии Генштаба не было воспринято как официальная правительственная позиция и не вызвало бы желание американцев самим упредить нас в нападении. Ротмистрова заставили публично каяться и признавать свою ошибку.

Мне повезло: будучи заместителем командира дивизии в городе Мары, я встречался с маршалом Ротмистровым и беседовал с ним. Произошло это так. В Туркестанском военном округе министр обороны Малиновский

проводил крупные командно-штабные учения. По ходу учений одна из групп его участников прибыла в наш гарнизон и отрабатывала здесь в течение нескольких суток какой-то этап учений. Однажды утром меня вызвал командующий нашим округом генерал армии Федюнинский. Он тоже участвовал в учениях. Я прибыл туда, где располагались генералы и маршалы, и доложил командующему о своем прибытии. Федюнинский позвал через открытые двери (было очень жарко):

— Павел Алексеевич, идите сюда!

Вышел Ротмистров в майке и пижамных брюках.

— Вот полковник Карпов, с которым я обещал вас познакомить. Он у нас не только офицер, но и писатель (последнее было сказано с добродушной иронией). Он здесь все изучает и знает не только как театр военных действий, но и историю и культуру. В общем, он вам покажет пустыню и ее прелести. — И, обращаясь ко мне: — Вы поняли вашу задачу? Маршал никогда не бывал в пустыне, он хочет посмотреть, как здесь применяются танки.

— Сейчас я оденусь, — сказал Ротмистров и ушел в свою комнату.

Я спросил Федюнинского:

— Товарищ командующий, как показать маршалу пустыню?

Действительно, можно вывести гостя в барханы, где куриные яйца в течение десяти минут свариваются вкрутую. Можно привезти на вододром, где танкисты учатся водить танки под водой (ох, как нелегко мне было построить этот вододром в безводной пустыне, его даже звали тогда озером Карпова). Так вот, можно около воды под навесом, в тени, с чашкой зеленого чая наблюдать за танками в барханах.

Федюнинский понял, что я имею в виду, усмехнулся и сказал:

— Долго старика не мучай, но пусть пару раз мапину потолкает.

Ротмистров вышел в зеленой форменной рубашке без галстука и в брюках с лампасами. Он сел в мой газик, и мы помчались за город. Сразу за крайними домами начинались барханы — голые, без растительности, волнистые, будто остановившаяся, безжизненная вода. На небе ни облачка, кажется, что по всему небосводу растеклось расплавленное солнце. Горячий воздух, залетая в машину, не освежает, а обжигает.

Конечно же, я не повез Ротмистрова в барханы, чтобы он там толкал вязнущую в песке машину. Сразу направились на танкодром. Там шли обычные занятия. Я не знал, что предстоит такая поездка с маршалом, ничего не готовил. Занималась танковая рота, выполняла упражнения по вождению с преодолением препятствий: танковый ров, воронки, крутой подъем и спуск, сломанный мост (надо провести машину по бревнам, обозначающим колею) и другие препятствия.

Мы остановились у командного пункта, откуда командир батальона руководил по радио экипажами. Очередной танк мчался по трассе, подняв огромное облако пыли (на упражнение отводится определенное время, надо поторопливаться). Точнее, танка не было видно, гудел его мотор где-то внутри пылевого облака, которое, оседая по мере движения танка, несло за ним. Ротмистров с нескрываемым удивлением наблюдал за этой картиной. Когда танк, закончив упражнение, остановился, а командир подбежал с докладом к комбату, тот кивком головы показал на маршала, чтобы, как положено, докладывал старшему по званию.

Капитан (это был командир роты, к сожалению, не помню его фамилии) осмел от неожиданности — маршал в нашей глуши! Потом все же собрался и доложил, как положено. Он стоял, худой, высушенный беспо-

падным солнцем, форменная рубашка на нем была, как кожаная, от пропитавшего ее и застывшего в ней пота. Панама и лицо офицера, как единое целое, были покрыты толстым слоем пыли. Мелькали только белки глаз да зубы при докладе.

Ротмистров был восхищен тем, что произошло на его глазах, он воскликнул:

— Кто вел машину?!

— Я, товарищ маршал.

— Как же вы ведете машину по препятствиям в таком облаке пыли? Вы же ничего не видите!

— А мы привычные, товарищ маршал! — блеснув зубами, ответил офицер.

— Нет, это поразительно! — воскликнул маршал. — В средней полосе или где-нибудь в Германии на отлично оборудованных танкодромах умудряются выполнять эти упражнения на «удочку». А вы здесь — на «отлично»! При такой ограниченной видимости блестящее время показывали. Надо здесь провести сборы — привезти сюда тех из курортных условий, пусть посмотрят настоящих мастеров вождения.

Ротмистров на некоторое время умолк, соображая, как же отметить лихого танкиста, и сказал:

— Прежде всего объявляю вам благодарность. Товарищ майор (к комбату), запишите в личное дело капитана благодарность от меня и укажите полностью мое звание. И еще — хотите учиться в академии?

— Мечтаю! — ответил капитан.

— Считайте, что вы зачислены слушателем, вызов получите к началу учебного года. Товарищ майор, напишите мне фамилию, имя, отчество и адрес капитана.

— Так надо же экзамены сдавать, — вдруг спохватился капитан.

— Вы их уже сдали. Я все сам видел. Нам нужно давать образование именно таким мастерам, как вы.

Я начальник академии, я вас зачислю своим приказом! (В 1958 году он была начальником Академии бронетанковых войск.)

Маршалу показали свое искусство еще несколько экипажей. Он раздал все, что у него было: снял с руки часы и вручил их сержанту, механику-водителю. Другому офицеру за неимением иных подарков отдал свою фуражку. У меня сохранилась фотография, когда маршал вытирает пот с подклада фуражки перед тем, как вручить ее старшему лейтенанту.

— Снимешь генеральский пшурок и носи на здоровье! — сказал он растроганно. — Если бы не учения, остался бы с вами на весь день.

Мы возвращались, оба довольные: Ротмистров тем, что видел, а я — тем, что так все удачно получилось. Вот тут я и решился задать Ротмистрову нескромный вопрос:

— Извините, товарищ маршал, если вам будет мой вопрос неприятен.

— Спрашивайте, не стесняйтесь!

— Когда я служил в Москве, много было шума по поводу вашей статьи в «Военной мысли». Чем все же завершилась та дискуссия?

Ротмистров усмехнулся.

— Измесили меня тогда писаки и начальство. За чем дал противнику пиццу для размышления. Я считал, кто первым ударит — тот и победит. Теперь понимаю, что был не прав, и не критики меня в этом разубедили. Теперь я понимаю — победителя вообще не будет. Просто, кто первым ударит, умрет вторым, через некоторое время, даже без ответного удара. Да и ответить успеет — ракета через океан летит 30 минут. После того как первый запустит ракеты, они будут обнаружены через 5 минут, и на ответный пуск есть еще 20—25 минут! Этого достаточно, чтобы взаимно уничтожить друг друга!

А зачем? Какой смысл в войне без победы? Я, по сути дела, своей статьей подбивал американцев на такой неразумный шаг.

Нежелательные высказывания в печати начальника кафедры Ротмистрова, казалось бы, бросали тень на Академию Генштаба и должны быть неприятны для ее начальника Баграмяна, но вот что пишется по этому поводу главный маршал танковых войск Ротмистров:

«Под его руководством было легко работать, он никогда не сковывал инициативы, не навязывал своего мнения и предпочитал убеждение принуждению. Он любил повторять, что наукой нельзя командовать, и поэтому никогда не обрушивал на головы ученых академии тяжелую палицу своего авторитета, если их мнения расходились по каким-либо вопросам с его собственным. В научном споре он не признавал авторитета власти.

Мне нередко приходилось полемизировать с начальником академии по различным вопросам военной науки, но никогда наши споры не переносились на личные взаимоотношения, а, наоборот, создавали условия для взаимного уважения. Ровные отношения, невозмутимое спокойствие и добросердечное внимание ко всем, начиная с руководителей кафедр и кончая рядовым техническим работником академии, вызывали к нему чувство глубочайшего уважения и искренней любви».

После долгих дискуссий по поводу первого удара в академии сложилось мнение: необходимо отказаться всем государствам — обладателям ядерного оружия — от применения этого оружия первыми, закрепив это обязательство специальным договором. Это целесообразно, в общих интересах всех государств.

При осложнении международной обстановки само стремление не опоздать, успеть первыми применить

ядерное оружие будет вызывать опасное соревнование — кто раньше его использует, нагнетая и без того обостренную ситуацию и подталкивая к нанесению упреждающего удара. В таких условиях трудно будет даже определить, по какой причине и кто первым применил ядерное оружие. Это создает почву для различного рода спекуляций и прикрытия агрессии. Упреждающие действия могут быть предприняты, и ядерное оружие может оказаться примененным в «ответ на пикем не доказанные агрессивные намерения» того или иного государства. При всех обстоятельствах совершенно нерационально начало войны первыми с применением ядерного оружия, ибо в атомной войне победителей не будет, ударивший первым погибнет вторым, через несколько минут.

С военно-стратегической точки зрения альтернативой упреждающему ядерному удару и одним из путей повышения эффективности ядерного сдерживания может быть обеспечение гарантии надежности ответного ядерного удара.

С переходом к обучению боевым действиям в условиях применения ядерного оружия коллективы кафедр приступили в первую очередь к разработке лекционного теоретического курса, прикладных задач и созданию учебных пособий, поскольку имевшиеся учебники и учебные пособия не отвечали новым требованиям. Выполнение этой задачи стало возможным только благодаря дружной и напряженной работе всего руководящего и профессорско-преподавательского состава академии. Достаточно сказать, что лишь по вопросам военной стратегии было создано десять крупных трудов, предназначенных для обеспечения учебного процесса. Большой объем военно-научных работ был выполнен при подготовке учебника по курсу стратегии.

Это был первый опыт создания в академии учебного курса по стратегии. В нем анализируется ее развитие, начиная со второй половины XIX века, рассмотрены наиболее вероятные формы и способы военных действий всех видов вооруженных сил в начальный период ракетно-ядерной войны и ряд других проблем военной теории того времени.

Курс оперативного искусства представлял собой четырехтомный труд общим объемом около 100 печатных листов. В первых двух томах рассматривались операции общевойсковой армии, в третьем и четвертом — операции крупных оперативных объединений в условиях применения ракетно-ядерного оружия.

По существу, это был первый полный курс советского оперативного искусства, разработанный с учетом применения новых средств вооруженной борьбы и соответствующий уровню оперативного искусства того времени.

Большую работу по редактированию этого труда выполнили генералы А.С. Цветков, И.Т. Шлемин, Я.С. Дашевский, Я.Я. Вейкин. Учебник вышел из печати на следующий год после убытия Баграмяна из академии.

В войсках четырехтомник использовали для оперативной подготовки генералы и офицеры.

Преподавательский состав других кафедр разработал учебники по общей тактике, оперативному искусству и тактике Военно-воздушных сил, курс оперативного искусства ВМФ, а также курс противовоздушной обороны, который явился первым в Вооруженных силах капитальным трудом по ПВО. Была также завершена работа над учебниками по артиллерии, инженерному делу, связи, тылу и другим дисциплинам.

Коллектив авторов кафедры истории войн и военного искусства создал двухтомный труд по истории развития советского военного искусства в годы Вели-

кой Отечественной войны объемом более 80 печатных листов. Основную работу по его редактированию выполнил генерал-майор В.В. Возненко.

Разработка учебников явилась крупным достижением академии под руководством маршала Баграмяна. За все время существования академии впервые в такой степени слушатели были обеспечены добротными научными пособиями.

Одновременно с созданием учебников и учебных материалов академия по прямому заданию министра обороны и начальника Генерального штаба разрабатывала важнейшие проблемы военного искусства. К их числу относился труд по проблемам современной войны и военной науки общим объемом около 30 печатных листов. Он был разработан в 1955—1957 годах. В его создании участвовал большой коллектив профессоров и преподавателей. В ходе исследования возникла необходимость по-новому решить ряд принципиальных положений советской военной науки. Для этой цели в помощь авторскому коллективу была создана академическая редакционная комиссия, которая успешно справилась с поставленной перед ней задачей. В 1958 году труд был доработан и в середине 1959 года представлен в Генеральный штаб.

В окончательной доработке этого капитального труда участвовали генералы С.Н. Красильников, Н.В. Пуховский, Н.А. Ломов, М.А. Мильштейн, С.С. Броневский, А.С. Коянович, Н.А. Сбытов, В.Н. Разуваев, А.Н. Лаговский, адмиралы А.М. Румянцев и Н.Г. Иванов. Заключительное редактирование принадлежало генералу армии Г.К. Маландину и генерал-полковнику А.И. Гастиловичу.

Центром учебной, научной работы был Совет академии под председательством начальника академии маршала Баграмяна.

Совет академии в течение всего рассматриваемого периода оказывал постоянную помощь командованию в мобилизации всех творческих сил академии на выполнение стоящих перед ней новых задач.

На заседаниях Совета регулярно обсуждались наиболее важные вопросы учебной, методической, научной и воспитательной работы, которые были связаны с перестройкой деятельности академии. В результате изыскивались новые методы работы кафедр, отделов и всего профессорско-преподавательского состава.

На расширенных заседаниях Совета с участием профессорско-преподавательского состава кафедр регулярно обсуждались проекты тематических программ и тематических планов обучения, рукописи подготовленных учебников, учебных пособий и военно-научных трудов.

В общем, маршал Баграмян проделал огромную работу в один из самых сложных периодов деятельности Академии Генерального штаба.

Кроме того, он уделял много времени общественным делам как депутат Верховного Совета СССР и член ЦК КПСС. Большим политическим событием в жизни партийных организаций явился октябрьский (1957) Пленум ЦК КПСС, рассмотревший вопрос об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте. Пленум подчеркнул решающее значение руководства партии в строительстве вооруженных сил, необходимость соблюдения ленинских норм и принципов руководства в Советской Армии.

В беседе с маршалом (позднее этих событий) за чашкой чая и рюмкой отличного армянского коньяка с «фирменными» пирожками Тамары Амаяковны мы однажды коснулись событий того октябрьского Пленума. Иван Христофорович неодобрительно сказал:

— Это не партийный пленум, а подковерная политика, мастером которой был Хрущев. Он испугался, что Жуков может его сместить, ему надули в уши, что полководцы стали главами государств: а Америке — Эйзенхауэр, в Югославии — Тито, в Албании — Энвер Ходжа. Особенно Хрущева насторожил случай, когда Жуков, защищая его же в борьбе с оппонентами, пригрозил вызвать в Москву танки.

Иван Христофорович помолчал, он вообще говорил исторопливо, не повышая голоса.

— Я думаю и уверен, Жуков никогда не помышлял о захвате власти. Он не политик. Он военный до мозга костей. Его потолок в работе и в мечтах — пост министра обороны. Хрущев оболгал его, бессовестно обвиняя в бонапартизме.

Подтверждая это свое мнение, Иван Христофорович рассказал:

— В 1924 году меня направили на учебу в Высшую кавалерийскую школу Красной Армии. Она находилась в Ленинграде. Из двухсот слушателей была выделена группа из 25 человек, более старших по званиям, в основном командиров полков. В нее вошли многие в будущем крупные военачальники: Жуков, Рокоссовский, Еременко и другие. Мы были молодые, и, вполне естественно, кроме учебы, нам хотелось иногда и развлечься, и погулять, что мы и делали: уходили в город, иногда ужинали в ресторане, иногда ходили в театры. Жуков редко принимал участие в наших походах, он сидел над книгами, исследованиями операций Первой мировой войны и других войн, а еще чаще разворачивал большие карты и, читая книги или какие-нибудь тактические разработки, буквально ползал по картам, потому что карты были большие, они не умещались на столе, он их стелил на пол и вот, передвигаясь на четвереньках, что-то там выглядывал, высматривал и потом

сидел, размышляя, нахмурив свой могучий, широкий лоб. И случалось нередко так: мы возвращались после очередной вылазки, а он все еще сидел на полу, уткнувшись в эти свои карты...

У Жукова был не только талант, но и тяга к военному искусству. Бывает иногда и так: у человека есть талант, но он его не ощущает, не развивает, не живет тем делом, талант к которому подарила ему природа. У Жукова его природное дарование сочеталось со страстной любовью к военной профессии. Иногда у человека, даже увлеченного своим делом, бывает, как мы сегодня говорим, еще и какое-то хобби. У Жукова все было сконцентрировано и устремлено на ратное дело. Оно было и страстью, и увлечением, смыслом всей его жизни.

Я полностью разделял мнение Ивана Христофоровича и даже рассказал некоторые, не известные ему подробности того Пленума. Я их знал потому, что, работая над книгой о Жукове, читал в архивах многие подлинные документы и полную стенограмму самого Пленума. Мне кажется, следует посвятить читателей в суть этого, как говорит маршал, «неприличного» дела.

И в том, что Хрущев — мастер интриг, Баграмян тоже прав. На XX съезде Хрущев без включения в повестку дня провернул вопрос о культе личности. Октябрьский Пленум 1957 года проводился с повесткой дня: «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте». А в действительности на Пленуме произошла расправа над маршалом Жуковым. Я долго не мог ознакомиться со стенограммой этого Пленума. Она ни разу не публиковалась, была засекречена. Обнаружил я экземпляр стенограммы в общем отделе ЦК КПСС. Дали мне с ней ознакомиться, как члену ЦК, выделили комнату, предупредили: нельзя выносить и снимать копии с текста.

Рассказывая об этом Ивану Христофоровичу, я признался:

— Но я же разведчик, конечно, сделал для себя фотокопии.

Маршал одобрительно улыбнулся. Я сказал:

— Вы были на этом Пленуме, знаете лучше меня все, что там происходило.

Дальше я поделился с Иваном Христофоровичем своим мнением по поводу некоторых выступлений на Пленуме.

— Сулов в основном докладе говорил о многом, но главное обвинение сводилось к тому, что Жуков игнорирует Центральный Комитет. Жуков без ведома ЦК принял решение организовать школу диверсантов в две с лишним тысячи слушателей...

Хрущев по поводу этой школы бросил реплику: «Неизвестно, зачем было собирать этих диверсантов без ведома ЦК. Разве это мыслимое дело? И это делает министр обороны с его характером. Ведь у Берии тоже была диверсионная группа, и перед тем, как его арестовали, Берия вызвал группу головорезов, они были в Москве, и если бы его не разоблачили, то неизвестно, чьи головы полетели бы».

Баграмян махнул рукой.

— Обвинения Жукова в заговоре и создании силы с целью захвата власти были явным вымыслом. О ее создании Генштабом был издан официальный приказ, обеспечением занимались соответствующие управления: оружием, обмундированием, питанием, транспортом, средствами связи, жильем и автопарками, то есть все, кому полагалось этим заниматься по служебным обязанностям. Это была не школа диверсантов, а дивизия особого назначения, которая формировалась в Коврове. Ее командиром был назначен генерал Мамсуров.

— Иван Христофорович, хочу спросить вас о том, что меня больше всего удивляет, — о выступлениях наших маршалов. Я подробно изучил стенограмму. Обдумывал и взвешивал каждое выступление, оценивал отношение к Жукову каждого выступающего не только с точки зрения обязательной поддержки желания Первого секретаря (а оно, конечно же, всем было понятно), но и с учетом фактора времени — все это говорилось после XX съезда, который якобы восстанавливал в партии, в стране ленинские нормы принципиальности, правдивости и честности. И каждый из выступающих, если он того захотел бы, мог высказать свое мнение насчет Жукова, даже если оно не совпадало с официальным. Но никто — ни один из выступивших на Пленуме военачальников не поддержал, не защитил маршала! Что это? Опасение попасть в число его единомышленников? А может быть, мстительность, ведь некоторые из ораторов терпели несправедливость и оскорбления со стороны Жукова. Вот дилемма: или все крупнейшие военачальники, обвинявшие Жукова, были нечестные, непорядочные люди, или они говорили правду и Жуков действительно виноват. Давняя мудрая военная поговорка гласит: «Не может быть такое, когда весь строй идет не в ногу, а кто-то один в ногу». И еще такая ирония: «Все самое плохое скажут о вас друзья».

Значит, Жукова развенчали, осудили и отстранили от должности министра обороны правильно? Военачальники, конечно же, были людьми порядочными, они говорили честно, и Жуков был виноват в том, в чем его обвиняли: грубость, несправедливость, порой чрезмерная требовательность, унижение и даже оскорбление некоторых старших офицеров и генералов. И сам Жуков в заключительном слове признал это.

Иван Христофорович сказал:

— Жуков не признал, и никто из босвых товарищей его не обвинял в намерении захватить власть. Только Хрущев особенно нажимал на это обвинение. Я понимал все неприличие этой затеи Хрущева и на Пленуме не выступил. Ну, а другие выступали по инерции. Генеральный секретарь, он же Верховный Главнокомандующий, дал указание, и его надо было выполнять. Маршалы — люди дисциплинированные.

Порученец маршала генерал Корнессв мне рассказывал:

— После Пленума было указание ЦК обсудить его материалы на партийных собраниях во всех учреждениях и организациях. Провел такое собрание и Баграмян в академии. Он не мог не выполнить это указание ЦК. Но никаких резких обвинений Жукову не высказал. В общих словах пересказал о работе Пленума. Об этом кто-то из его недоброжелателей «проинформировал» вышестоящие органы, и к Ивану Христофоровичу кто-то наверху стал относиться с прохладцей...

Напомню, Пленум проходил в конце октября, через несколько дней, 7 ноября — праздник Октябрьской революции. У меня был список, по которому я готовил к праздничным дням поздравления от Баграмяна его друзьям и начальникам.

В этот раз я подготовил всем, в том числе и Жукову. Представляя поздравления на подпись маршалу, я положил на стол последней открытку для Жукова и ждал, как отреагирует Иван Христофорович. Он сказал:

— Правильно, сейчас Георгию Константиновичу особенно приятно будет получить такое поздравление и добрые пожелания.

Как мне стало известно позднее, Жукову не прислал поздравления никто из выступавших на Пленуме. Опальный! И вдруг теплые, добрые слова от Баграмяна. Жуков всегда относился к Ивану Христофоровичу с

большим уважением, а после этого случая их дружба стала еще крепче.

На празднование 20-летия Победы Жуков впервые после опалы пригласили на прием в Кремль. Когда он вошел в зал, где собирались гости до застолья, все вдруг притихли и устремили взоры в сторону Жукова. Он прошел через весь зал и подошел к Баграмяну, пожал ему руку, обнял и тепло поздравил. Ни к кому другому Жуков не подошел!

Они дружили семьями, встречались в дни праздников. Баграмян был на похоронах жены Жукова, Галины Александровны.

Жуков подарил Баграмяну свою книгу «Воспоминания и размышления» с автографом:

*«Дорогому другу Ивану Христофоровичу Баграмяну,
о былом и незабываемом.*

С уважением и любовью

*Г. Жуков»
19.4.1969 года.*

Я видел у многих военачальников и читателей книги Жукова с его автографами, но таких теплых слов не встречал.

Вот короткие строки друга о друге.

Жуков о Баграмяне:

«Я давно знаю Ивана Христофоровича. Он один из наших талантливых и опытных военачальников, блестяще знающий штабную работу. В годы войны нечасто мы встречались, но о его ратных делах мне все было известно. Его великолепные организаторские способности проявились еще в очень сложной обстановке начала войны. Он очень вдумчивый, знающий свое дело военачальник.

чальник, спокойный, уравновешенный, трудолюбивый, грамотный.

И.Х. Баграмян особо отличился в Курской битве, как командующий Первого Прибалтийского фронта, и в Белорусской операции.

Мы с ним часто встречались после войны, дружили».

Баграмян о Жукове:

«Для меня Георгий Константинович не только выдающийся военный стратег, славный герой и полководец — он был мой товарищ и сверстник, больше того — побратим, сыгравший огромную роль в моей солдатской судьбе. В Г.К. Жукове я видел живое воплощение широты и щедрости души великого русского народа по отношению к своим младшим братьям, всем другим народам нашей многонациональной Родины.

Г.К. Жуков был мужественный человек. Его появление на том или ином участке фронта в самые трудные моменты вселяло в командиров и военачальников какую-то необыкновенную силу».

После отстранения Жукова министром обороны стал маршал Малиновский. В службе Баграмяна также произошли значительные перемены.

В годы работы в академии Иван Христофорович много и плодотворно потрудился в деле образования и формирования будущих крупных военачальников, высокая степень подготовки слушателей позволяла выдвигать их после окончания академии на высокие командные и штабные должности в советских Вооруженных силах.

Из слушателей, окончивших академию в 1953—1965 годах, руководящие посты в Вооруженных силах СССР занимали: маршал Н.В. Огарков — начальник

Генштаба и заместитель министра обороны; генерал-полковники М.М. Козлов и В.В. Дружинин — заместители начальника Генерального штаба; генерал армии Е.Ф. Ивановский — командующий Группой советских войск в Германии; генерал армии В.Л. Говоров — командующий ордена Ленина Московским военным округом; генерал армии И.М. Третьяк — командующий Белорусским военным округом; генерал-полковник М.И. Науменко — командующий Приволжским военным округом; генерал армии И.Н. Шкадов — начальник Главного управления кадров советских Вооруженных сил; генерал-полковник А.М. Зварцев — заместитель начальника Главного управления кадров Министерства обороны СССР; генерал армии М.А. Гарсеев — начальник Военно-научного управления Генерального штаба, президент Академии военных наук. Все они активно применяли полученные знания в практической работе по обучению и воспитанию личного состава Советской Армии и Военно-морского флота.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ МИНИСТРА ОБОРОНЫ СССР, НАЧАЛЬНИК ТЫЛА МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ

Кандидатуры командующих войсками военных округов рассматривались, обсуждались и утверждались на заседании Политбюро. (В те дни оно называлось Президиумом ЦК.)

Маршал Малиновский предложил назначить маршала Баграмяна командующим войсками Дальневосточного военного округа.

— Как вы относитесь к такому предложению? — спросил Хрущев Баграмяна, который был приглашен на это заседание.

Баграмян, как всегда, спокойно, ответил:

— Я готов работать на любом месте, куда пошлет меня партия. — Помолчав, добавил: — Но что касается Дальнего Востока, мне придется съехать туда одному, жена очень больна, она и сейчас в больнице. Человек я немолодой, не хотелось бы без жены, без семьи...

Хрущев перебил его:

— Понятно. Причина основательная. Я думаю, найдем для товарища Баграмяна работу в Москве.

Был у Малиновского и запасной вариант, осуществив который, он надеялся подставить Баграмяна под большие неприятности, потому что в этой должности

всегда много возможностей провиниться, ошибиться, что-то упустить, кому-то не угодить. И Родион Яковлевич предложил:

— Сложное положение создалось у нас с тылом. Генерала Виноградова надо заменять. Не тянет. Предлагаю назначить маршала Баграмяна начальником тыла.

Хрущев поддержал:

— Пожалуй, это будет очень правильно. Товарищ Баграмян дело наладит и в Москве останется. Как ваше мнение, Иван Христофорович?

— Я готов выполнить любое решение Президиума ЦК.

— Вот и прекрасно, — довольный таким ответом, заулыбался Хрущев, — будем оформлять нашим решением. Возражений нет?

Все члены Президиума была «за». Записали решение: «Назначить начальником Тыла Министерства обороны СССР маршала Баграмяна, опытного, высокообразованного полководца, который понимает особенности ведения современной войны».

К этой информации о перемене в службе Баграмяна приведу то, что мне рассказал его порученец генерал Корнеев:

— Отношения Баграмяна и Малиновского были прохладные. Особенно со стороны Малиновского. Еще в 1942 году, в ходе Харьковской операции, по вине Малиновского, который был командующим Южным фронтом, наши войска попали в окружение. Баграмян тогда был начальником штаба Юго-Западного направления, в которое входил Южный фронт Малиновского...

Корнеев взял с полки книгу Баграмяна «Так мы шли к Победе» и прочитал мне несколько цитат:

«Командование и штаб Южного фронта (командующий Малиновский) не уделили серьезного внимания

выполнению возложенной на фронт главной задачи — обеспечению харьковского наступления от возможных ударов противника с юга против барвенковского плацдарма.

Организацию обороны района Барвенкова командующий фронтом возложил на 9-ю армию. Но еще до перехода войск Юго-Западного фронта в наступление командование и штаб Южного фронта допустили несколько ошибок, в результате которых была значительно ослаблена прочность обороны 9-й армии.

В чем состояли эти ошибки?

Одна из стрелковых дивизий без ведома главнокомандующего войсками направления (маршала Тимошенко и начальника штаба Баграмяна) решением командующего фронтом генерала Р.Я. Малиновского в конце апреля была переброшена для усиления ворошиловградского направления.

Такое опрометчивое и, конечно же, не свойственное Родиону Яковлевичу решение в какой-то степени отрицательно сказалось на прочности обороны 9-й армии в районе Барвенкова.

И, пожалуй, самая главная беда заключалась в том, то по инициативе генерала Ф.М. Харитонова, одобренной командующим фронтом (Малиновским), без разрешения главнокомандующего войсками направления в период с 7 по 15 мая была проведена не отвечающая обстановке частная операция в полосе 9-й армии, целью которой было овладение сильно укрепленным узлом сопротивления в районе Маяков. Для ее осуществления были привлечены значительные силы, в том числе почти все армейские резервы и 5-й кавалерийский корпус, составивший резерв фронта.

Все эти резервы прежде всего предназначались для отражения возможного прорыва противником обороны 9-й армии на барвенковском направлении. Операция в

районе Маяков оказалась безуспешной, привлеченные для ее проведения резервы понесли большие потери и к началу перехода группы Клейста в наступление не успели перегруппироваться и занять место в оперативном построении армии для обороны.

В штабе Юго-Западного направления о предпринятой 9-й армией частной операции мы узнали лишь после того, как началось наступление войск Юго-Западного фронта на харьковском направлении. Весть эта была неожиданной и неприятной.

К этому времени своим танковым кулаком Клейст не только завершил прорыв тактической обороны, но и добился успехов оперативного значения. Поняв, чем это грозит войскам правого крыла Южного фронта да и армиям Юго-Западного, мы всеми возможными способами начали выяснять истинное положение дел, чтобы быстрее организовать эффективную помощь 9-й армии имеющимися у нас силами и средствами. Оказалось, что оборона ее фактически повсеместно была уже прорвана...»

Гитлеровцы отрезали наши войска от Северского Донца и окружили часть сил Южного и Юго-Западного фронтов. Баграмян в своих воспоминаниях подводит такой итог «Харьковской катастрофе 1942 года»:

«Таким образом, успешно начатая войсками Юго-Западного направления Харьковская операция к концу мая закончилась нашей крупной неудачей. Ее я с большой горечью и душевной болью переживал во время войны, волновала она меня и в послевоенные годы».

Все это понимал и маршал Малиновский, каждая встреча с Баграмяном, наверное, напоминала ему эту неудачу в его полководческой биографии.

К тем неприятным воспоминаниям прибавились еще и послевоенные, когда Баграмян, будучи генеральным инспектором, поставил «неуд» при проверке войск Дальневосточного округа, которыми командовал Малиновский.

Генерал Корнцев так завершил свой комментарий по поводу отношений двух маршалов:

— Малиновский, желая отомстить Баграмяну, намеревался отправить его на Дальний Восток, надеясь, что в этой должности его постигнут такие же неудачи, а когда не получилась эта затея, предложил Баграмяна на начальника тыла, где также надеялся на его провал. Баграмян сказал мне после возвращения с заседания Президиума ЦК: «Я не хотел идти на эту должность, но не мог отказаться, потому что это было уже второе предложение, к тому же Хрущев подчеркнул: учли мое желание остаться в Москве». В этот же день Иван Христофорович предложил мне перейти с ним на работу в штаб тыла. Я сначала отказался. Сказал, что не знаю интендантской службы и едва ли буду хорошим помощником. Однако Баграмян поманил меня генеральским званием: «На должности моего порученца по штату положен генерал-майор. Подумай». Я подумал. Вы же знаете, Владимир Васильевич, сами много лет прослужили на разных должностях, каждый из нас мечтает стать генералом. Я согласился на предложение Ивана Христофоровича. И не жалею не только потому, что получил звание генерала, главное, еще много лет поработал с таким замечательным человеком и до конца его дней находился с ним рядом...

Управление тыла размещалось во втором доме Министерства обороны на Красной площади. Окна кабинета Баграмяна были обращены на собор Василия Блаженного и Спасскую баню Кремля. Вид был дер-

жавный! Близость к правительству, к Кремлю повыпала чувство ответственности.

Иван Христофорович познакомился со своими ближайшими коллегами. Первый заместитель генерал-полковник Малыхин Федор Мефодиевич оказался земляком — родился в 1906 году в Армении. В армии с 1928 года. Окончил Военно-хозяйственную академию. В 1931 году — командир взвода, помощник командира роты, командир роты стрелковой дивизии. В 1939—1940 годах — офицер для особых поручений Генерального штаба РККА, старший помощник начальника отдела Управления тыла и снабжения Генерального штаба РККА. В начале Великой Отечественной войны — помощник начальника моботдела Управления тыла и снабжения Генерального штаба РККА, начальник штаба управления тыла Степного военного округа. В 1953—1959 годах — начальник штаба Тыла МО СССР, в последующем стал заместителем министра обороны.

Начальник штаба генерал-лейтенант Новиков Матвей Семенович. И, надо же случиться такому совпадению, тоже родился в Армении в 1903 году! В армии с 1930 года. Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. В 1932 году — командир взвода, помощник командира роты хозяйственного довольствия. В 1939—1940 гг. — помощник начальника отдела штаба армии ЛенВО. В годы Великой Отечественной войны — старший помощник начальника отделения отдела тыла, снабжения и дорожной службы штаба армии, начальник штаба Управления тыла армии, начальник орготдела штаба Управления тыла 1-го Белорусского фронта. После войны — начальник штаба Управления тыла Группы советских оккупационных войск в Германии, начальник учебного отдела Военной академии тыла и снабжения. С 1954 года — заместитель начальника штаба Тыла МО

СССР. В 1959 году назначен начальником штаба Тыла Вооруженных сил СССР.

Побеседовал Баграмян с начальниками управлений, работниками штаба и своего секретариата. Кстати, в секретариате числился офицером для особых поручений (тогда еще полковник) Корнсеев Алексей Иванович.

Вечерами, уже вроде бы отдыхая, Иван Христофорович почитал историю тыла.

Я думаю, читателям будет интересно узнать о предшественниках Баграмяна, среди них вы встретите знакомые исторические личности.

С 1917 по 1938 год

МАНИКОВСКИЙ Алексей Алексеевич (1865—1920) — генерал от инфантерии (в Русской армии с 1916 г.), начальник Центрального управления снабжения РККА с 1.06.1918 г.

Окончил Михайловскую артиллерийскую академию в 1891 году. Перед Первой мировой войной — комендант крепости Кронштадт. В 1915—1917 гг. — начальник Главного артиллерийского управления. С сентября 1917 г. — заместитель военного министра. С 1918 года в РККА, член Артиллерийского комитета. Автор труда «Боевое снабжение Русской армии в войну 1914—1918 гг.».

МАРТЫНОВ Евгений Иванович (1864—1932) — генерал-лейтенант (в Русской армии — с 1910 г.), начальник Центрального управления снабжения РККА с 14.08 по 21.12.1918 г.

Окончил Академию Генерального штаба в 1889 г. Участник Русско-японской войны 1904—1905 гг. и Первой мировой войны. В РККА с 1918 г. С декабря 1918 г. на преподавательской работе в Военной академии Генерального штаба. Первый военный историк, который

осветил участие Русской армии в Февральской революции 1917 г.

Написал труды по военной истории, стратегии и тактике.

МЕЖЛАУК Иван Иванович (1891—1938) — начальник Центрального управления снабжения РККА с 21.12.1918 по 15.05.1919 г.

Окончил историко-филологический (1912) и юридический (1916) факультеты Харьковского института. В Гражданскую войну был окружным военкомом и членом РВС ряда армий. Член КПСС с 1918 г. Начальник Центрального управления снабжения РККА с 28.06.1919 г. по 15.12.1919 г. После войны — на работе в промышленности, в 1925 г. — секретарь ЦК КП(б) Туркменистана. В 1926—1930 гг. — в аппарате ЦК ВКП(б), в 1931—1936 гг. — заместитель управляющего делами СНК СССР, одновременно секретарь Совета труда и обороны СССР (1933—1936). Член ВЦИК и ЦИК СССР.

СУДВИН С.К. — временно исполняющий обязанности начальника Центрального управления снабжения РККА с 15.05.1919 по 28.06.1919 г.

ЭЙСМОНТ М.Б. — временно исполняющий обязанности начальника Центрального управления снабжения РККА с 16.12.1919—17.02.1920 г.

БАЗИЛЕВИЧ Георгий Дмитриевич (1889—1939) — начальник Центрального управления снабжения РККА в 1921—1923 гг.

Окончил Киевское военное училище в 1910 г. Участник Первой мировой войны, подполковник. Член КПСС с 1917 г. В РККА с 1918 г. В Гражданскую войну участвовал в обороне Царицына, член РВС 8-й армии,

командовал участками Юго-Восточного фронта, войсками Донской области, Украинской запасной армией, в 1920 г. войсками СКВО. После войны также командовал войсками МВО и ПриВО, в 1931—1938 гг. — секретарь комиссии и Комитета обороны СНК СССР. С 1935 г. — комкор. С 1934 г. — член комиссии советского контроля при СНК СССР. Член ВЦИК и ЦИК СССР. Депутат Верховного Совета СССР первого созыва.

УНШЛИХТ Иосиф Станиславович (1879—1938) — заместитель председателя РВС СССР и начальник снабжения РККА и Флота в 1923—1925 гг.

Член КПСС с 1900 г. Участник революции 1905—1907 гг. (Польша), Октябрьской революции 1917 г., член Петроградского ВРК. В Гражданскую войну — член РВС 16-й армии и Западного фронта. С 1921 г. — заместитель председателя ВЧК (ГПУ), в 1925—1930 гг. — заместитель председателя РВС СССР и заместитель наркомвоенмора, в 1930—1933 гг. — начальник Главного управления ГВФ, с 1935 г. — секретарь союзного Совета ЦИК СССР. С 1924 г. — член ЦРК партии, с 1925 г. — кандидат и член ЦК ВКП(б). Член ВЦИК и ЦИК СССР.

ОСЬКИН Дмитрий Прокофьевич — начальник и комиссар снабжения РККА и Флота в 1925—1926 гг.

ДЫБЕНКО Павел Ефимович (1889—1938) — начальник Управления снабжения РККА и Флота в 1926—1927 гг. Командарм 2-го ранга (с 1935 г.).

Участник революционного движения с 1907 г. С 1911 г. — матрос Балтийского флота. С 1912 г. — член КПСС. В 1917 г. — председатель Центробалта, член Петроградского ВПК и коллегии Наркомата по военным и морским делам, в 1918 г. — нарком по морским делам.

В РККА с 1918 г. В Гражданскую войну командовал группой войск на Украине, Крымской армией и дивизиями. Окончил Военную академию РККА в 1922 г. С 1922 г. — командир стрелкового корпуса, в 1925—1926 гг. — начальник Главного артиллерийского управления РККА, с 1928 г. — командующий войсками САВО, ПриВО, СибВО, ЛВО. Член РВС СССР, ВЦИК и ЦИК СССР. Депутат Верховного Совета СССР первого созыва.

КОРК Август Иванович (1887—1937) — начальник Управления снабжения РККА в 1927—1929 гг. Командарм 2-го ранга (с 1935 г.).

Окончил Академию Генерального штаба в 1914 г. Участник Первой мировой войны, подполковник. В РККА с 1918 г. В Гражданскую войну — в оперативном отделе Всероссийского главного штаба, начальник оперативного отдела штаба 9-й армии, начальник штаба Эстляндской армии, помощник командующего армией, командующий 15-й и 6-й армий. С 1921 г. — командующий войсками Харьковского военного округа, помощник командующего ВС Украины и Крыма, с 1922 г. — командующий Туркестанским фронтом, в 1924—1925 гг. — помощник командующего войсками Западного ВО, в феврале — ноябре 1925 г. командовал Кавказской Краснознаменной армией, затем войсками БВО, Западного ВО и ЛВО. Член КПСС с 1927 г. В 1929—1935 гг. — командующий войсками МВО, с 1935 г. — начальник Военной академии им. М.В. Фрунзе.

Член ЦИК СССР.

В 1929 г. Управление снабжения РККА было ликвидировано и все его структуры были подчинены Маршалу Советского Союза ВОРОШИЛОВУ Клименту Ефремовичу, занимавшему должности с ноября 1925 по

июнь 1934 года — народного комиссара по военным и морским делам РВС СССР, с 1934 по 1940 г. — народного комиссара обороны СССР.

Снабжением РККА стало заведовать Военно-хозяйственное управление, которое в 1935 г. состояло из управления продовольственного снабжения и управления обозно-вещевого снабжения.

В 1936 г. в него вошло управление снабжения горючим.

В 1939 г. вновь было восстановлено Управление снабжения РККА.

ЖИЛЬЦОВ А.И. — начальник Управления продовольственного снабжения РККА в 1937—1938 гг. Корпусной интендант.

Погиб в 1938 г.

КОСИЧ Д.К. — начальник Управления вещевого снабжения РККА. Корпусной интендант. Погиб в 1938 году.

МОВЧИН Н.Н. — начальник Управления снабжения горючим РККА с 1936 г. Комкор. Погиб в годы репрессий.

Генерал армии ХРУЛЕВ Андрей Васильевич (1892—1962).

Окончил Военно-политическую академию. В Гражданскую войну — помощник начальника и начальник политического отдела, военный комиссар кавалерийской дивизии. После войны — военный комиссар полка, дивизии, заместитель начальника политуправления военного округа, начальник Центрального финансового управления, Строительно-квартирного управления РККА, начальник Управления снабжения.

*И.Х. Баграмян с женой Тamarой
и дочкой Маргаритой, 1920-е гг.*

*Слушатели кавалерийских курсов в Ленинграде. 1924–1925 гг.
В первом ряду сидят: И.Х. Баграмян (первый справа), А.И. Еременко
(третий справа); второй ряд: Г.К. Жуков (первый справа),
К.К. Рокоссовский (пятый справа)*

Автобиография
Ивана Григорьевича Баграмяна.

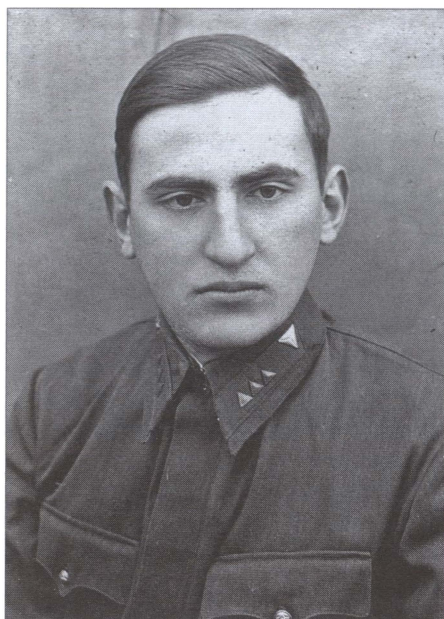
Родился 2 декабря 1897 г. в семье ткацкого фабричного рабочего на ст. Высокоселье (ныне Кировбад, Азербайджан). Отец, Закавказский Баграмян в теоретическом плане работал на Закавказской железной дороге по службе и ранней шутки. Сначала в районных районах, а затем в армянских войсках (Бригады). После 33 года (1906-1911) он переехал в район на ст. Кировбад, где и учился в 1911-1912 гг. Михаил Григорьевич Баграмян был купцом с. Гердекли Шамкеранского района (Азербайджанской ССР) до революции - землевладелец. Сейчас инвазивка, поощренный атака почтовой пенсии. Живет в баку, 1-ой Наврузова, №12, блок 3, кв. 34. Старший брат, Александр Григорьевич Баграмян род. 1895 г., член РКП(б) с 1920 г., до революции - рабочий фабрики военного ведомства в городе Эрзини. Сейчас рабочий фабрики в теоретическом конторе в Кировбаде. Друг: Азербайджанская ССР, в Кировбаде, ул. Зелима 26. Младший брат Александр Григорьевич Баграмян родился 1904 г., до революции - ученик 2-го класса в начальной школе. Был с 1926 г. членом РКП(б). 16 января 1937 г. арестован в связи с организацией НКВД Азербайджанской ССР. До ареста был начальником 2-го батальона восточного фронта. Погиб в результате ареста в неволе. Кроме рождения в 1917 г. и 1931, 1933, 1935 и 1936 гг., командовал на территории неволе в дни. Переживалась с ним еще раз. Возвращение, противоборство, задержание, нег.

Жена, два детей. Жена, Мария Александровна Баграмян, род. 1907 г. до революции - учитель, сейчас - врач в Баку. Два сына, Евгений Григорьевич

Фрагмент автобиографии И.Х. Баграмяна

В штабе Юго-Западного фронта. Слева направо: командующий ЮЗФ С.К. Тимошенко, член Военного совета ЮЗФ Н.С. Хрущев, начальник штаба ЮЗФ И.Х. Баграмян

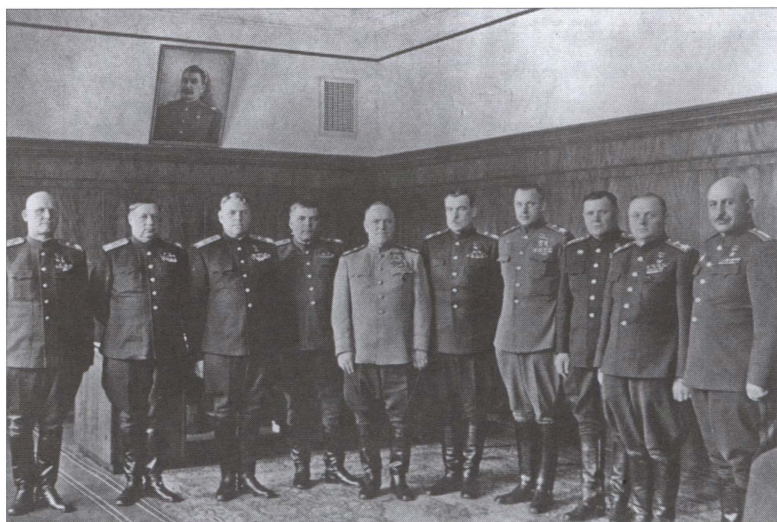
Сын И.Х. Баграмяна – Мовсес, 1941 г.

Супруги Баграмяны в 1945 г.

И.Х. Баграмян в кругу семьи

Групповой снимок командующих войсками фронтов по окончании войны с Германией, 1945 г.

Руководители партии и правительства выносят гроб с телом И.В. Сталина из Дома союзов

Вручение маршалам и адмиралам флота Советского Союза маршальских знаков отличия «Маршальская звезда» и грамот Президиума ВС СССР. Москва. Кремль. 27 апреля 1955 года. Сидят (слева направо): И.Х. Баграмян, Н.Г. Кузнецов, А. Пегов, К.Е. Ворошилов, В.И. Чуйков, А.И. Еременко

Генерал армии Баграмян принимает парад 7 ноября 1953 года в Риге

Министр обороны СССР Г.К. Жуков и его заместитель И.Х. Баграмян

Друзья

Г.К. Жуков и И.Х. Баграмян с женами на отдыхе

*Маршал Советского Союза
Иван Христофорович Баграмян*

*И.Х. Баграмян и А.Ю. Снечук,
первый секретарь ЦК Компартии Литвы*

Маршал Баграмян И.Х. с заместителями, начальниками управлений и отделов Центрального аппарата Тыла МО СССР. Справа крайним (стоит) порученец полковник Корнеев А.И. Сидят (справа налево): генерал-лейтенант Кочетков П.А., генерал-полковник Малыхин Ф.М., генерал-лейтенант Новиков М.С., маршал Баграмян И.Х., генерал-полковник Маряхин С.С., генерал-полковник Анисимов Н.П., генерал-полковник Смирнов Е.И.

Фото И.Х. Баграмяна с дарственной надписью автору

Автор и другие писатели встречают маршала Баграмяна

Маршал Баграмян подписывает свою книгу

Маршал И.Х. Баграмян

*Генерал-майор Корнеев
Алексей Иванович, помощник
и друг маршала Баграмяна*

Встреча дорогого гостя

Пионер в маршальском мундире

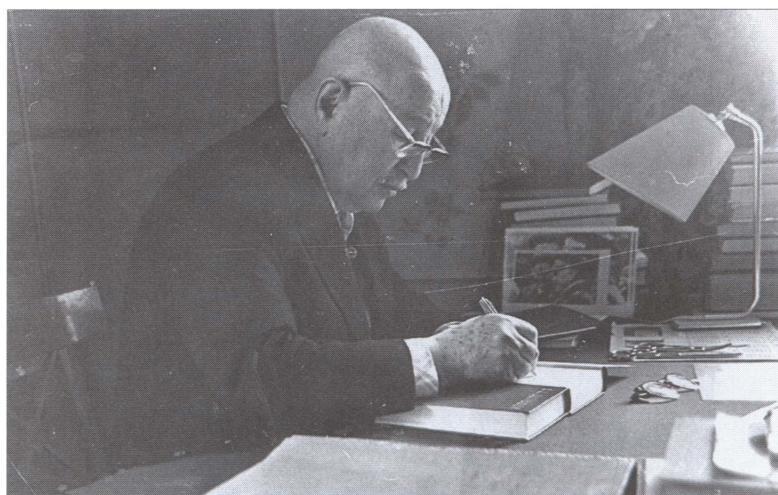
У знамени победы

Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза

Радушный хозяин готовит угощение

Дача. Автографы для близких друзей

Депутат Баграмян

Похороны маршала. На трибуне уже нет ни одного из командующих фронтами. И.Х. Баграмян ушел последним

Родные и близкие скорбят

У Кремлевской стены

С 22.07.1940 г. — главный интендант Красной Армии. С 01.08.1941 по 20.05.1943 г. — заместитель народного комиссара обороны СССР — начальник Главного управления Тыла Красной Армии, одновременно с февраля 1942 по апрель 1943 г. — народный комиссар путей сообщения СССР. С 09.06.1943 г. — начальник Тыла Красной Армии. С 21.03.1946 г. заместитель министра — начальник Тыла Вооруженных сил СССР. С августа 1950 по январь 1951 г. — заместитель военного министра СССР по тылу. С января 1951 по октябрь 1953 г. отправлен в распоряжение ЦК ВКП(б). С 29.04.1958 по 09.06.1962 г. — военный инспектор, советник группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

Генерал-полковник ВИНОГРАДОВ Василий Иванович (1895—1967).

В Красной Армии с 1918 г. В 1929 г. окончил Курсы старшего комсостава. В Гражданскую войну был командиром батальона 4-го полка. После войны — помощник командира и командир стрелкового полка, начальник Рязанского пехотного училища им. Воропилова. С 1939 г. командир стрелкового корпуса, участвовал в советско-финляндской войне 1939—1940 гг.

В Великую Отечественную войну с 3.08.1941 г. заместитель командующего по Тылу — начальник управления Тыла 30-й армии Западного фронта. С 30.10.1941 г. — находился в распоряжении начальника тыла Красной Армии. С 25.03.1942 г. — первый заместитель начальника Тыла. С 28 ноября 1944 г. — начальник штаба, первый заместитель начальника Тыла Красной Армии. С 31.08.1945 г. — заместитель Главнокомандующего Дальневосточного направления по тылу, одновременно заместитель начальника Тыла Красной Армии. С 27.04.1946 г. — заместитель началь-

ника Тыла и начальник штаба Тыла. С 18.03.1950 г. — начальник Управления службы Тыла Военного министерства. С 19.01.1951 г. — заместитель военного министра Союза ССР по Тылу. С 25.04.1953 г. — начальник Тыла Министерства обороны Союза ССР. С 2.06.1958 г. по 29.02.1960 г. — главный интендант — заместитель начальника Тыла Министерства обороны Союза ССР.

Приступив к исполнению своих новых обязанностей, Баграмян прежде всего занялся прежними, до него выполняемыми всеми службами тыла повседневными делами. Надо было кормить (три раза в день!) большое число военнослужащих на огромной территории, от Тихого океана до Черного и Северного морей, да еще за пределами советской территории в группах войск. А это не только приготовление пищи на кухнях воинских частей и учреждений, это сотни продовольственных складов и овощехранилищ, которые надо пополнять путем заключения договоров с поставщиками, различными министерствами и сельским хозяйством. Да, кроме повседневных потребностей, еще надо обновлять и пополнять неприкосновенные запасы, создаваемые на случай войны. Эти заботы Баграмян осуществлял через продовольственное управление, которое возглавлял генерал Саушин Федор Семенович.

Повседневная жизнь войск требовала еще и регулярной смены постельного и нательного белья, обеспечения обмундированием и обувью. Все это надо не только выдать со складов, но и изготовить на фабриках и в мастерских. Управлением вещевого и обозного снабжения руководил генерал-лейтенант Тармосин Филипп Григорьевич.

Горюче-смазочные материалы, их разнообразие и огромное количество заготавливало и поставляло в вой-

ска соответствующее управление во главе с генерал-полковником Никитиным В.В.

Начальником Медицинского управления был генерал Попов А.П.

К военно-учебным заведениям Тыла Вооруженных сил в описываемый период относились: Военная академия тыла и транспорта, Военно-медицинская академия, Калининградское интендантское училище и Выборгское военно-морское интендантское училище (до 1961 г.), Ярославское военное училище тыла и финансовой службы (до 1963 г.), Вольское военное училище тыла, Московское командное училище дорожных и инженерных войск, Ульяновское военно-техническое училище, Ленинградское военное училище железнодорожных войск и военных сообщений, Курсы усовершенствования офицерского состава ветеринарной службы при Московской ветеринарной академии.

Убедившись в четкости работы управлений тыла, Баграмян стал больше уделять внимания той задаче, которую поставил перед ним Президиум ЦК: политическая ситуация в мире и международные отношения тех дней. Вот о них надо сказать несколько подробнее.

Возможность возникновения войны и ведение боя и операции с применением ядерного оружия потребовала пересмотра ряда важнейших положений теории и практики тылового обеспечения войск. Особо важное значение при этом отводилось установлению степени готовности оперативного и войскового звеньев тыла к работе по обеспечению войск при внезапном возникновении боевых действий.

Возникла необходимость организации надежных связей ТВД с основными экономическими районами страны, а также войск и их органов тылового обеспечения в условиях создания противником ядерных барьеров. Следовало заново пересмотреть порядок

эшелонирования ресурсов и производственных мощностей, запасов материальных средств и сил тылового обеспечения на ТВД. В связи с возможной изоляцией группировок войск друг от друга надо было продумать порядок организации тылового обеспечения войск в этих условиях. Немаловажная роль отводилась повышению живучести тыла, оперативности его действий, надежности и устойчивости управления им, а также эффективности медицинского обеспечения в условиях массовых санитарных потерь. Стала очевидной необходимость создания в мирное время автономных и мобильных группировок сил и средств оперативного тыла на ТВД и повышения подвижности отдельных элементов тыла Центра.

Баграмян ознакомился со всеми предложениями, высказанными по этому поводу в Генеральном штабе, на различных совещаниях и в отдельных статьях, опубликованных в секретных и открытых органах печати.

Опыт учений, проведенных во второй половине 50-х годов, позволил ему определить следующие основные требования к тылу: войсковой тыл должен быть полностью подвижным, а все его средства материального обеспечения содержаться в автотранспорте (не менее чем на 3—5 суток боя); тыл общевойсковой армии необходимо было иметь максимально легким и подвижным, способным неотступно следовать за войсками. Для этого его следовало оснастить автомобильной техникой повышенной проходимости, в транспорте которой содержать запасы материальных средств, обеспечивающих ведение боевых действий на двое суток; фронтовой тыл следовало приблизить к армиям путем создания передовых баз (снабженияческих и медицинских), способных обеспечивать ведение боевых действий войсками фронта в течение двух суток; все виды транспорта должны быть использованы в интересах войск только

комплексно. Особое внимание при этом уделять широкому применению нового мощного средства подачи горючего — полевым магистральным трубопроводам и таким мобильным видам транспорта, как вертолеты и транспортные самолеты; в организационной структуре предусматривалось оснащение тыловых соединений, частей и учреждений многоцелевыми автомобилями и автопоездами повышенной проходимости, высокопроизводительными средствами механизации погрузочно-разгрузочных работ, современными средствами защиты от оружия массового поражения, средствами связи и автоматизации органов управления.

Этими проблемами и стал заниматься маршал Баграмян вместе с управлениями своего штаба, частями и подразделениями служб тыла.

Познакомимся и мы с этой большой работой начальника тыла.

* * *

Баграмян не считал необходимым изменять организационные и штатные положения продовольственной службы. Главное внимание он уделял обновлению и совершенствованию материально-технической базы.

Продовольственное обеспечение войск планировалось осуществлять по той же схеме, которая сложилась в годы Великой Отечественной войны: Центр — фронт — армия — соединение — воинская часть — подразделение. Основной источник обеспечения войск — централизованные поставки продовольствия соответствующими сбытовыми организациями различных ведомств на центральные продовольственные базы и склады, склады военных округов, групп войск, флотов. Наряду с централизованными поставками большое внимание уделялось заготовкам продовольствия из местных ресурсов своими силами и средствами. Обеспечение войск фронта

продовольствием при подготовке и ведении операции предполагалось осуществлять через продовольственные склады фронтовых баз и подвижных армейских баз. В связи с уменьшением запасов на армейских продовольственных складах возникли существенные изменения в порядке обеспечения армий и соединений. По опыту учений выяснилась необходимость регулярного подвоза продовольствия в пределах суточной потребности войск армии. Это потребовало от фронтового звена большой оперативности в работе и контроля за организацией подвоза продовольствия всеми видами транспорта.

В пределах горных и пустынных ТВД обострилась проблема обеспечения войск питьевой водой. Применение средств массового поражения обусловило вероятность заражения противником открытых источников, что практически исключало возможность их использования на длительные сроки. Учитывая это обстоятельство, на продовольственную службу были возложены дополнительные обязанности по организации устойчивой системы водоснабжения совместно с медицинской службой, инженерными и химическими войсками армий, фронта и военных округов, групп войск.

Во всех видах боевой деятельности войск у продовольственной службы появилась новая функция — осуществление мероприятий по обеспечению надежной защиты продовольствия от воздействия оружия массового поражения.

Комплекс специальных мероприятий — организационных, инженерно-технических, санитарно-профилактических, ликвидации последствий применения противником оружия массового поражения — предполагалось выполнять, взаимодействуя с химической и медицинской службами.

Предполагалось, что продовольствие, зараженное радиоактивными и отравляющими веществами, подлежало специальной обработке или уничтожению. Возможность дальнейшего использования такого продовольствия по прямому назначению определялась медицинской и ветеринарной службами.

Баграмян следил за исполнением отданных распоряжений и приказов. Проверяли и его. Однажды именно продовольственная служба была проверена Комитетом партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Наряду с хорошей работой она выявила и ряд недостатков. Маршал Баграмян по итогам работы комиссии провел совещание работников тыла и служб продовольственного снабжения военных округов, групп войск и флотов.

С обстоятельным докладом выступил первый заместитель начальника Тыла МО СССР генерал-полковник Ф.М. Малыгин. Он отметил, что за последние годы проделана значительная работа по совершенствованию материального обеспечения войск, улучшению качества питания и бесперебойному снабжению военнослужащих всеми видами довольствия.

Однако в деятельности службы продовольственного снабжения, отметил генерал-полковник Малыгин, есть еще ряд недостатков. Они касаются экономической работы, планирования и организации снабжения войск продовольствием, хранения и использования продуктов и имущества.

После доклада развернулись прения. Участники совещания поделились своими мыслями о дальнейшем улучшении материального обеспечения войск и торгово-бытового обслуживания личного состава.

В заключение выступил Маршал Советского Союза Баграмян. Он сказал:

— У нас имеются все возможности, чтобы организовать высококачественное и разнообразное питание солдат и матросов. На довольствие войск поступают продукты хорошего ассортимента и высокого качества, кухни-столовые в воинских частях оснащены современным технологическим оборудованием. Значительно увеличилась емкость продовольственных складов и холодильников, улучшилась работа военных совхозов, подсобных и прикухонных хозяйств, обеспечивающих войска мясом, картофелем, овощами, молоком и другими продуктами.

Глубоко проанализировав работу службы продовольственного снабжения, он вскрыл причины недочетов и указал пути их устранения:

— К сожалению, некоторые офицеры недооценивают значение экономической работы, не проводят экономического анализа и технико-экономических расчетов. На базах и складах иногда находится много излишнего имущества и продовольствия. Все это зачастую лежит без движения и портится, загромождает хранилища, а их в некоторых округах и на флотах еще недостаточно.

Мы слабо разъясняем личному составу тыла, что при хорошо поставленной экономической работе можно добиться значительной экономии денежных средств и материальных ценностей. Долг всех руководителей тыла — по-боевому взяться за вопросы экономии, упорно и целеустремленно вести эту работу.

Борьбе за строжайший режим экономии необходимо придать массовый размах и конкретность. Вместе с тем следует вооружить кадры тыла военно-экономическими знаниями, учить их правильно оценивать экономическую эффективность проводимых мероприятий, больше популяризировать положительный опыт, делать его достоянием всех работников тыла.

— Хорошо организованное питание, — подчеркнул в своем выступлении Баграмян, — один из важных факторов в формировании здорового политико-морального состояния личного состава и крепкой дисциплины. Для этого нужно установить строгий повседневный контроль за качеством приготовляемой пищи и соблюдением санитарно-гигиенических требований. Войсковые хозяйственники, прежде всего работники службы продовольственного снабжения, призваны постоянно улучшать специальную подготовку поваров, систематически обобщать и внедрять передовой опыт.

В округах и на флотах имеется большое количество продовольствия и имущества. Для хранения этого народного достояния необходимо создать нормальные условия. Однако не во всех округах и на флотах уделяется достаточное внимание строительству и ремонту складов, холодильников, кухонь-столовых. Недопустимо такое положение, когда на местах объекты тыла строятся в последнюю очередь, отпускаемые денежные средства на эти цели осваиваются не полностью.

Начальник Тыла МО обратил серьезное внимание участников совещания на необходимость укрепления материальной базы, на то, чтобы строить столовые только по типовым проектам, создавать такие склады и холодильники, которые отвечали бы современным требованиям.

Сейчас очень важно обеспечить закладку на зимнее хранение картофеля и овощей. Необходимо добиться полного выполнения планов заготовок, шире использовать прогрессивные методы хранения, накопленные в народном хозяйстве. Следует организовать смотры готовности к зиме столовых, складов и других объектов тыла, чтобы с наступлением зимы каждая часть, каждый корабль сохранили такую же высокую боевую

готовность, имели такие же хорошо устроенные бытовые условия, как и летом.

Необходимо повысить личную подготовку руководящего состава тыла. Бывают случаи, когда офицеры, занимающие руководящие должности, не знают основных законоположений по той или иной службе, поэтому руководят некомпетентно. Чтобы правильно руководить тылом, нужно хорошо знать работу всех его служб, особенности хранения материальных средств, правила их эксплуатации и расходования.

Многие из перечисленных недостатков в работе службы продовольственного снабжения относятся и к другим службам тыла.

Надеюсь, наше совещание послужит делу дальнейшего улучшения материального обеспечения войск и обслуживания личного состава, тем самым еще выше поднимется боевая готовность наших вооруженных сил.

* * *

Советская Армия получила ряд новых образцов техники: хлебопекарную печь ПАХ-45, предназначенную для укомплектования полевых автохлебозаводов армейского и фронтового звеньев, подвижную мельничную установку (ПМУ) производительностью 10 т муки и передвижную механизированную крупорушку (ПРК) производительностью 2,5—4 т в сутки.

В это же время полевая механизированная хлебопекарня дивизии была переименована в полевой механизированный хлебозавод (ПМХ), который оснащался хлебопекарными печами ХПК-50, тестомесильными агрегатами ТМ-3 и формовочными машинами ФМ-50. Весь технологический процесс по выпечке хлеба был механизирован. Производительность ПМХ составляла 10—12 т хлеба в сутки. Происходило совершенствование

и других средств службы: завершена реконструкция полевого мясопункта, принят на снабжение комплект передвижной мастерской по ремонту мехагрегатов службы (ПРМП), созданы новые образцы походных кухонь (типа КП-2—48, КП-2—49), макаронной установки (УМ-2,5). В середине 1950-х годов появились малогабаритные кухни типа МВК-50 и столовая типа ПКС-2М.

Напряженное положение с продовольственными ресурсами в стране вызвало необходимость жесткой централизации снабжения войск основными видами продовольствия. Это выражалось прежде всего в контроле за назначением и расходом лимита продовольственных пайков.

На основе опыта ряда тыловых и специальных учений было разработано и введено в действие Положение о продовольственном и фуражном снабжении Советской Армии и ряд других руководящих документов по продовольственной службе.

В соответствии с новым порядком распределения ресурсов в народном хозяйстве страны квартальное планирование отпуска продовольствия вооруженным силам было заменено годовым.

Вместо лимита пайков назначались фонды продовольствия на год с разбивкой по кварталам и корректировкой по конкретным периодам, связанным с реальным положением войск в мирное и военное время. Изменился и порядок поставки продовольствия. Если до 1955 года поставщиками являлись, в основном, бытовые организации соответствующих отраслей пищевой промышленности, то с 1955 года фондодержателем и поставщиком значительного перечня продуктов стало Министерство торговли СССР. Одновременно совершенствовались взаимоотношения поставщиков и довольствующих органов продовольственной службы.

Относительно небольшая часть потребности армии и флота в картофеле, овощах и молоке покрывалась за счет производства их сельскохозяйственными предприятиями Министерства обороны и прикухонными хозяйствами воинских частей. Продукция прикухонных хозяйств использовалась для улучшения питания в войсковых столовых и частично направлялась на плановое обеспечение личного состава.

В большинстве воинских частей завершилось оборудование столовых, которые имели необходимые производственные, вспомогательные, бытовые и технические помещения.

Появилась необходимость в разработке новых норм суточного довольствия на военное время. Наличие таких норм — одно из условий высокой боевой готовности вооруженных сил. Нормы довольствия разрабатывались с учетом большого морального и физического напряжения военнослужащих в условиях ведения высокоманевренных боевых действий с применением оружия массового поражения.

С 1958 года проводилась постоянная работа по совершенствованию действующих пайков. Так, структурное улучшение солдатского пайка велось поэтапно, за счет увеличения норм мясных, рыбных продуктов, сахара, замены части хлеба из муки обойной помолами сортавыми.

С 1 октября 1958 года для экипажей самолетов реактивной авиации к основным нормам установлена выдача дополнительного пайка. Введен аварийный запас для обеспечения экипажей самолетов на случай аварий и вынужденных посадок.

С 1 января 1960 года в норму солдатского пайка введено 10 г масла коровьего, а количество сахара увеличено до 45 г.

В 1961 году дополнительно введены нормы суточного довольствия для:

— детей военнослужащих, ИТР, рабочих и служащих, находящихся в интернатах при школах советских войск за границей;

— личного состава торпедных катеров;

— ИТР, рабочих и служащих плавающего состава вспомогательных судов ВМФ и базовых средств ВМФ;

— водолазов и глубоководников;

— пограничников;

— экипажей подводных лодок с учетом типа энергетической установки.

В 1963 году увеличена норма сахара до 67 г.

В 1965 году норма концентрата киселя доведена до 30 г (или до 20 г фруктов сушеных).

В 1966 году увеличена норма макаронных изделий до 40 г.

В 1967 году по норме солдатского пайка 400 г хлеба из муки пшеничной 2-го сорта заменено тем же количеством хлеба из муки 1-го сорта. Увеличены нормы масла коровьего до 20 г и сахара до 65 г.

* * *

Появление новых средств поражения предъявило повышенные требования к организации снабжения вещевым имуществом.

Возрастание роли вещевого снабжения в общей системе материального обеспечения войск в условиях применения средств массового поражения было обусловлено необходимостью усиления защитных средств военной одежды и обуви, а также разнообразием и сложностью природно-климатических условий вероятных театров военных действий, которые требовали

избирательно-конкретного обеспечения войск предметами вещевого имущества.

Определяющим фактором увеличения потребности в вещевом имуществе стала возросшая вероятность его потерь. Результаты расчетов, проведенных на многих учениях, показали, что общие потери вещевого имущества за период фронтовой наступательной операции могут составить до 30 % фактической численности войск. Это обстоятельство потребовало отказаться от традиционного порядка периодического и сезонного обеспечения войск и перейти на непрерывное, массовое, срочное и комплектное снабжение. В связи с этим появилась необходимость в разработке вопросов организации массовой замены зараженного вещевого имущества и специальной его обработки, а также пополнения израсходованных запасов. С этой целью для действующей армии были установлены повышенные размеры запасов вещевого имущества.

Создание Ракетных войск стратегического назначения, войск ПВО страны потребовало от Баграмяна не просто увеличения объема и расширения номенклатуры, а создания принципиально новых видов вещевого имущества — специальной и защитной одежды, без которой невозможно было обслуживать ракетную и другую специальную боевую технику.

Органы вещевого снабжения осуществляли планирование распределения имущества, проводили заготовки, накапливали запасы и обеспечивали их хранение и освеживание, руководили хозяйственной деятельностью подчиненных учреждений. В своей практической деятельности органы вещевого снабжения взаимодействовали с мобилизационными органами, штабом и другими службами тыла по вопросам: обеспечения мобилизационного развертывания войск и тыла; специальной подготовки службы; строительства, эксплуа-

тации и ремонта складов, войсковых бань и прачечных, мастерских и обеспечению топливом; выделения транспорта и организации перевозки учреждений службы; финансирования и порядка расчетов за местные заготовки, ремонт и другие услуги различным организациям и ведомствам народного хозяйства.

В 1956 году создается механизированная госпитальная полевая прачечная, МГПП, а через два года войска обеспечиваются новой мастерской химической чистки обмундирования, ПМХО, на базе экстракционной машины «Перун».

В 1958 году приказом министра обороны СССР № 70 была введена новая форма одежды. На снабжение генералов и офицеров вводились открытые кители и мундиры с рубашками, парадно-выходные шинели стального цвета. Значительно улучшилась форма одежды для рядового и сержантского состава, проходящего службу за границей, в частях Московского гарнизона и в особо холодных районах. Началось массовое обеспечение войск новыми предметами вещевого имущества: плащ-палатками, маскировочными костюмами, специальными образцами защитной одежды и снаряжения. Значительно возросла роль банно-прачечного обслуживания войск и ремонта вещевого имущества.

В этом же году была установлена единая форма парадно-выходного, повседневного обмундирования для офицеров, старшин сверхсрочной службы, а также полевое обмундирование для генералов. Преимуществом этой формы явилась взаимозаменяемость парадного мундира и повседневного кителя. По цвету, качеству и покрою они были одинаковы.

Новая форма выгодно отличалась от старой и качеством тканей. Для ее изготовления предусматривались камвольные чистошерстяные и полушерстяные ткани, которые имели более нарядный внешний вид.

С 1 июля 1960 года маршалам, генералам, адмиралам и офицерам в летнее время вне расположения части при повседневной форме одежды было разрешено носить верхнюю рубашку с мягкими погонами, без кителя, с брюками навыпуск или в сапоги.

* * *

Особенно большое внимание Баграмян уделял проблеме обеспечения горючим.

Оснащение вооруженных сил новым вооружением и боевой техникой сопровождалось ростом потребности в горючем. Расход горючего только за десять лет (с 1950 по 1960 г.) возрос в 3,5 раза, а авиационного горючего — более чем в 18 раз по сравнению с периодом Великой Отечественной войны.

С появлением ракетно-ядерного оружия на службу горючего были возложены функции обеспечения жидким ракетным топливом ракетных войск всех видов Вооруженных сил. Многие вопросы в этой области пришлось решать впервые и в ограниченные сроки.

Увеличение потребности войск в горючем потребовало и создания необходимых запасов горючего и технических средств, правильного их эшелонирования и укрытия. В первую очередь необходимо было определить оптимальные размеры запасов горючего по его видам в войсковом и оперативном звеньях, чтобы они обеспечивали своевременное восполнение расхода и не обременяли войска.

Потребовалось и развертывание широкого строительства складов горючего в военных округах, флотах и в Центре. Была создана сеть складов для хранения горючего общей емкостью около 4 млн м³. Наибольшего размаха строительство складов достигло во второй половине 1950-х годов (т.е. при Баграмяне), когда

функции заказчика осуществлялись органами службы горючего.

Сложности возникали с доставкой горючего войскам. Склады можно скрыть глубоко под землей, засекретить, замаскировать их расположение. А транспортировка в железнодорожных и автомобильных цистернах стала очень затруднена. С появлением высокоточной артиллерии и самонаводящихся ракет на самолетах эти бензоёмкости стали очень уязвимыми.

Баграмян и начальник Управления горюче-смазочных материалов генерал-полковник Никитин искали разрешение этих трудностей за счет создания трубопроводов на большие расстояния.

Анализ выполненных работ по созданию полевых трубопроводов и полученных результатов испытаний привел руководство УСГ МО и Баграмяна к выводу о необходимости снижения массы комплекта трубопровода ПМТ-150. Техническое решение состояло в разработке трубопровода диаметром 150 мм из легких и прочных материалов. После рассмотрения различных вариантов в качестве материала был выбран алюминиевый сплав АМГЗ. Войсковые испытания опытного образца облегченного комплекта полевого магистрального трубопровода ПМТА-150 и передвижных насосных установок ПНУ-100/200 состоялись в сентябре 1960 года.

Трасса трубопровода протяженностью 50 км проходила от Наро-Фоминска до Балабанова. Темп развертывания трубопровода существенно увеличился и составил 35—40 км/сут., что объясняется снижением массы труб.

Производительность также увеличилась до 1770 т/сут. за счет использования новых, более мощных передвижных насосных установок ПНУ-100/200. По результатам испытаний два новых образца технических средств —

полевой магистральный трубопровод ПМТА-150 и передвижная насосная установка ПНУ-100/200 — были приняты на вооружение Советской Армии приказами заместителя министра обороны маршала Баграмяна 13 октября 1960 года.

Трубопроводные войска были оснащены комплектами полевых магистральных трубопроводов, которые обрели законченный технический облик. Они полностью отвечали требованиям того времени по подаче горючего войскам. Трубопроводы могли развертываться в сложных климатических и географических условиях на практически любые необходимые расстояния с высоким темпом.

Трубопроводные бригады и отдельные трубопроводные батальоны комплектовались ПМТ-150 и ПМТ-100. Трубопроводные бригады планировалось использовать во фронтовых наступательных операциях с темпом развертывания ПМТ до 60 км/сут. и производительностью перекачки горючего до 2000 т/сут. Бригадный комплект ПМТ составлял 600 км, батальонный — 150 км. Отдельные трубопроводные батальоны планировалось использовать для развертывания во временных перегрузочных районах или для прокладки ответвлений от основных магистралей ПМТ, проложенных бригадами. Темп развертывания ПМТ одним батальоном достигал 30—40 км/сут.

21 августа 1957 года успешно прошла испытания первая в мире межконтинентальная баллистическая ракета Р-7 (8К71) на ракетном топливе — авиационном керосине повышенной плотности (80 т) и жидком кислороде (170 т). Причем ее заправка требовала подачи 400 т кислорода. Керосин из отборной нефти принимался военным представительством на Краснодарском НИИЗ. Ракета Р-7А будет состоять на вооружении до

середины 1960-х годов. Эта знаменитая «семерка» вывела в космос Ю.А. Гагарина.

Для Баграмяна прибавилось много новых забот.

Во второй половине 1958 года под его председательством собрался научно-технический совет Тыла Вооруженных сил. На этом совете был заслушан доклад начальника УСГ МО генерал-майора В.В. Никитина о совершенствовании и дальнейшем развитии полевых магистральных трубопроводов и трубопроводных подразделений.

По докладу было много вопросов от членов НТС по применению, развертыванию, механизации монтажа, перевозке оборудования и эксплуатации полевого магистрального трубопровода, высказывались сомнения в целесообразности дальнейшего развития полевых магистральных трубопроводов. Выступивший член НТС генерал А.В. Хрулев доказал перспективность применения полевых трубопроводов и резко критиковал сомневающихся в целесообразности развития полевых трубопроводов. Маршал Баграмян подвел итоги обсуждения и доказательно изложил предложения по совершенствованию и дальнейшему развитию полевых магистральных трубопроводов, а также регулярному проведению учений с применением на местности.

По предложению маршала Баграмяна существовавший комплект полевого магистрального трубопровода протяженностью в 100 км (ПМТ-100—100) был изменен на протяженность в 150 км и стал именоваться ПМТ-100—150. Такое, казалось бы, незначительное изменение имело серьезное значение. Чем длиннее протяженность трубопровода, тем больше повышаются его преимущества перед автомобильным транспортом. Эту деталь первым из всех присутствующих на НТС отметил маршал Баграмян.

В интересах совершенствования способов развертывания и эксплуатации ПМТ, обучения личного состава трубопроводчиков проводилось много разнообразных учений во все времена года, в различных условиях местности и в большинстве своем с форсированием крупных водных преград. Стали чаще проводиться учения с одно-временным развертыванием нескольких комплектов ПМТ.

Продолжая работы по развитию полевых магистральных трубопроводов, службой горючего был создан новый сборно-разборный трубопровод диаметром 150 мм (ПМТ-150—150), почти в три раза превысивший производительность ПМТ-100—150.

В июне—июле 1958 года в районе города Наро-Фоминска впервые были проведены силами 83 ОТПБ полигонные испытания трубопровода ПМТ-150 на трассе протяженностью 25 км. Работы по его развертыванию оказались более трудоемкими ввиду увеличившегося веса труб — все операции по монтажу и демонтажу тогда выполнялись только вручную. Поэтому темп развертывания трубопровода ПМТ-150 трубопроводным батальоном на первых испытаниях был ниже в сравнении с темпом развертывания ПМТ-100 и оказался равным 20 км/сут. Но производительность перекачки горючего по трубопроводу существенно увеличилась. С использованием разработанных к этому времени передвижных насосных установок ПНУ-2 она составила порядка 1500 т/сут. при перекачке дизельного топлива. По результатам полигонных испытаний было рекомендовано провести войсковые испытания опытного образца полевого магистрального трубопровода ПМТ-150.

Такие испытания были проведены также в районе города Наро-Фоминска в сентябре 1958 года. Длина трассы составила 100 км (от Наро-Фоминска до Малоярославца и обратно). В ходе испытаний был подтвержден

достигнутый ранее темп развертывания, а производительность перекачки топлива ТС-1 с использованием передвижных насосных установок ПНУ-2 составила 1200 т/сут. На основании заключения комиссии по проведению испытаний полевой магистральный трубопровод ПМТ-150 приказом заместителя министра обороны, начальника Тыла ВС СССР маршала Баграмяна от 11 ноября 1958 года № 17 был принят на вооружение Советской Армии.

В середине 1960-х годов маршал Баграмян вместе с генерал-полковником Никитиным создал новую, современную службу снабжения горючим. Она существует во всех видах вооруженных сил, в военных округах, на флотах, в армиях, на флотилиях, в корпусах, дивизиях, бригадах, полках, отдельных частях.

* * *

Служба военных сообщений представляла интересы Министерства обороны на железнодорожном, морском, речном, автомобильном и воздушном транспорте страны по вопросам его подготовки и использования для воинских перевозок, в своем составе она имела: органы ВОСО военных округов, групп войск и флотов, управления начальников передвижения войск на железных дорогах, морских и речных бассейнах, на воздушных трассах гражданской авиации, управления военных комендантов железнодорожных участков, станций, портов и аэропортов.

Новым и наиболее существенным фактором в организации воинских перевозок явилось оснащение сухопутных войск ракетами оперативно-тактического и тактического назначения и сложности их перевозки на всех видах транспорта.

Развитие железнодорожных войск, их состав и организационная структура совершенствовались с учетом

возможных объемов и условий задач, выполняемых в мирное и военное время на театре военных действий и в глубине страны. Значительному усилению войск способствовало оснащение их новейшей техникой, обеспечивающей комплексную механизацию и индустриализацию всех видов работ, связанных со строительством и восстановлением основных железнодорожных объектов.

Взросшие требования к железнодорожным войскам, их техническое перевооружение, разработка новой технологии производства работ потребовали совершенствования боевой и специальной подготовки частей и подразделений. Вся система боевой и специальной подготовки воинов-железнодорожников была построена так, что они в сжатые сроки хорошо овладевали введенной им техникой, четко действовали в условиях, приближенных к боевым.

Продолжалась в эти годы и работа минеров железнодорожных войск по обезвреживанию неразорвавшихся бомб и боеприпасов противника, оставшихся со времени Великой Отечественной войны. Со дня окончания войны и до 1967 года минерами было проверено свыше 5 тыс. километров железнодорожных путей, найдено и обезврежено более 52 тыс. взрывоопасных предметов. За этот тяжелый и опасный труд 70 воинов-железнодорожников были награждены орденами и медалями.

Маршал Баграмян присутствовал на многих учениях и наблюдал, как железнодорожные войска демонстрировали высокую боевую и специальную выучку. Например, на учении «Днепр» воины части, которой командовал подполковник М.Я. Рылов, в короткий срок навели наплавной железнодорожный мост через крупную водную преграду. Своевременный пропуск по мосту эшелонов с военной техникой обеспечил успешные

действия танковых и мотострелковых подразделений в бою с «противником».

После восстановления разрушенного в годы Великой Отечественной войны перед страной встали задачи дальнейшего развития сети железных дорог. Воины-железнодорожники активно включились в решение этой сложной задачи.

Одним из ярких примеров трудового героизма является работа военных железнодорожников на строительстве железнодорожной линии Абакан — Тайшет. Шесть лет упорного труда в сложнейших условиях увенчались победой. 31 января 1965 года из Абакана в Тайшет прибыл первый рабочий поезд.

В сложнейших условиях воинами стальных магистралей было уложено 437 км железнодорожного пути, выполнено 15,5 млн кубометров земляных работ, возведено 243 искусственных сооружения, в том числе 6 больших мостов, сдано в эксплуатацию 25,5 тыс. кв. метров жилья. За успешное выполнение заданий на строительстве линии Абакан — Тайшет 72 офицера и 45 солдат и сержантов были награждены орденами и медалями.

В апреле 1967 года у маршала Баграмяна еще одна радость — в славную летопись железнодорожных войск была внесена замечательная страница. Закончилось строительство 372-километровой линии Ивдель — Обь, начальниками строительства которой в разные годы были полковники Б.М. Васильев, И.В. Голштейн, В.А. Казимирчак. Трасса, строившаяся в интересах экономического развития огромного района, проходила по лесистой болотистой местности со сложными гидрологическими и климатическими условиями. В районе строительства совершенно отсутствовали дороги. Чтобы проложить трассу, приходилось строить специальную автодорогу — лежневку, поэтому основным способом ведения работ

было строительство «с головы». Магистраль была не только местом трудового подвига, но и полигоном для испытания новых образцов техники железнодорожных войск.

Автомобильные части начали оснащаться многоцелевыми автомобилями и автопосздами большой и особо большой грузоподъемности, высокой проходимости и с большим запасом хода, способными осуществлять подвоз и эвакуацию на большие расстояния в сложных дорожных и климатических условиях.

Новые условия ведения вооруженной борьбы и операций потребовали полностью изменить сохранившуюся со времен войны организационно-штатную структуру соединений и частей дорожных войск, привести ее в соответствие с требованиями ракетно-ядерной войны. В этот период в округах создаются дорожно-комендантские батальоны, а затем и бригады сокращенного состава.

Главными направлениями начинающихся преобразований стали: значительное повышение возможностей частей по эксплуатации и восстановлению дорог и мостов; создание более совершенной системы управления соединениями и частями, а также движением автомобильных колонн на базе штатных средств связи.

Новые организационные структуры были проверены на крупных оперативно-тыловых учениях в Прибалтийском (1959) и Прикарпатском (1960) военных округах, после чего введены в действие.

С повышением экономических возможностей страны усиливалось техническое оснащение дорожных войск, что значительно увеличивало их возможности по выполнению своих функциональных задач.

Возросло количество автомобильной и дорожно-мостовой техники, были приняты на вооружение малые автодорожные разборные мосты типа МАРМ и

понтонные парки типа ТПП и ЛПП, созданы питательные диспетчерские пункты, оснащенные современными средствами радиосвязи.

При разборке системы технического оснащения дорожных войск в основу был положен принцип использования местных материалов и табельных мостовых и дорожных конструкций.

С повышением роли и значения транспортного обеспечения войск в операциях и с целью создания оптимальных условий для комплексного использования всех видов транспорта в 1960 году органы дорожной службы Центра, военных округов, групп войск и армий были объединены с автотранспортными органами соответствующих звеньев и в качестве автодорожных управлений и отделов включены в состав службы военных сообщений.

Во второй половине 1950-х годов было принято решение о реорганизации автомобильных войск в соответствии с новым содержанием и характером войны, предполагаемыми действиями войск, устройством и работой тыла. Совершенствование организационной структуры автомобильных частей и соединений имело целью обеспечить необходимую степень управляемости ими, живучесть, увеличение грузоподъемности, более эффективное использование автомобильного транспорта.

В состав фронтовых передовых и армейских подвижных баз вводились автомобильные полки грузоподъемностью около 4000 т. Автомобильная бригада фронта имела в своем составе четыре отдельных автомобильных батальона бортовых машин и два отдельных автомобильных батальона подвоза горючего.

Автомобильные части и подразделения мотострелковых и танковых дивизий в 1961 году начали оснащаться автомобилями новых марок типа ЗИЛ-157,

ЗИЛ-164. Таким образом, в 1950—1960 годы автомобильная техника войск получила значительное развитие в качественном и количественном отношении. Большое значение придавалось повышению защитных свойств транспортных и специальных автомобилей от воздействия поражающих факторов ядерного оружия.

* * *

Качественные преобразования произошли и в медицинской службе. На ее развитие, кроме военных факторов, оказали влияние те масштабные мероприятия, которые проводились в стране в соответствии с постановлениями правительства по укреплению народного здравоохранения в целях дальнейшего улучшения медицинского обслуживания и охраны здоровья советских людей.

Баграмян заботился, чтобы на оснащение медицинской службы поступали новейшие аппаратура и оборудование, созданные на основе последних достижений электроники, радиофизики и кибернетики. В диагностике, например, начали широко применяться ультразвуковые приборы. В крупных госпиталях были созданы нейрохирургические, анестезиологические и травматологические отделения, специальные центры и лаборатории.

С принятием новой организационной структуры во многих округах и группах войск проводились тактико-специальные учения, оперативно-тыловые игры, медико-тактические летучки с целью всестороннего исследования вариантов работы. В этот период интенсивно происходили исследования возможных санитарных потерь во фронтовой наступательной операции с применением средств массового поражения, которые показали их значительное увеличение в сравнении с

предыдущим периодом, что потребовало пересмотра структуры госпитального фонда баз.

Стараниями Баграмяна и начальника медицинской службы Кувшинского серьезно укрепились материальная база военно-медицинской службы. Были построены несколько десятков госпитальных и санитарных комплексов, лечебных корпусов, поликлиник, типовых зданий для медико-санитарных батальонов, сотни медицинских пунктов и других объектов. При этом конечная емкость военных госпиталей возросла на 22 %, а санаторно-курортных учреждений на 33 %.

* * *

До назначения маршала Баграмяна начальником Тыла военная торговля подчинялась Министерству торговли СССР, что не позволяло улучшить торгово-бытовое обеспечение военных контингентов, особенно расположенных в отдаленных и режимных гарнизонах.

В силу ряда причин Главвоенторг и его органы в военных округах, группах войск и на флотах не могли стать полноправной службой, призванной осуществлять общие с другими службами тыла задачи по торговле, общественному питанию и бытовому обслуживанию военнослужащих, рабочих и служащих, членов их семей.

В интересах приближения органов военной торговли к войскам и коренного улучшения торгово-бытового обслуживания военнослужащих Совет Министров СССР передал Главвоенторг из Министерства торговли СССР в Министерство обороны СССР. Главвоенторг был реорганизован в Главное управление торговли Министерства обороны с подчинением его начальнику Тыла Министерства обороны СССР. Окружные и флотские военторги также были реорганизованы в управления

торговли соответствующих военных округов, групп войск, флотов с подчинением их соответствующим начальникам тыла. Приказом министра обороны СССР от 31 июля 1956 года № 117 было утверждено «Положение о Главном управлении торговли Министерства обороны СССР и управлении торговли военного округа, группы войск, флота».

Личный состав частей и кораблей получил возможность пользоваться услугами магазинов, киосков, автолавок, столовых, мастерских, ателье, парикмахерских. Во многих частях стали функционировать солдатские (курсантские, матросские) чайные и офицерские кафе. В крупных гарнизонах были созданы комплексы торгово-бытовых предприятий, военно-торговые центры, универсамы, салоны новобрачных, ателье мод, фотоателье, промкомбинаты и другие торгово-бытовые предприятия. Широко внедрялись такие формы обслуживания, как выездная торговля, продажа товара методом самообслуживания и в кредит, по предварительным заказам, с доставкой на дом, торговля по образцам, пошив обмундирования и обуви по индивидуальным заказам. Военная торговля получила все необходимое для выполнения своих задач и в полевых условиях.

* * *

Несколько слов о подготовке кадров работников тыла.

Маршал Баграмян был не только талантливый полководец в боях, он и в мирные дни проявлял находчивость и смелость, решал проблемы в интересах армии и государства, порой рискуя служебной карьерой.

В 1960 году Хрущев заявил с трибуны съезда о сокращении Вооруженных сил СССР на 1 миллион 200 тысяч военнослужащих. Переоценив значение атомного оружия, Никита Сергеевич решил, что вопросы войны

и победы в ней теперь будет решать не массовая армия, а ракеты.

В какой-то степени, наверное, он был прав, но волюнтаризм (за который в конце концов его и отстранили от руководства партией и страной) Хрущев проявил и в очень сложном вопросе сокращения армии. Он, как говорится, рубил сплеча, не считаясь с целесообразностью и мнением опытных военачальников. Не хотел никого слушать — сокращать, и никаких возражений! Не только офицеров в запас, но и корабли, и тяжелые бомбардировщики на металлолом!

В подкрепление своего своеволия Хрущев организовал в прессе насмешки и оскорбления над офицерами, которых почти открыто называл дармоедами.

В Военной академии им. Фрунзе весь очередной выпуск уволили в запас! Молодых, полных сил, уже получивших образование, которых три года назад выбирали как лучших из лучших, Хрущев объявил ненужными и одним росчерком пера уволил из армии. Коснулись его безобразия всех родов войск и служб, в том числе и тыла, которым руководил маршал Баграмян.

Вот что рассказал мне генерал-майор Козлов, бывший начальник тыла Гражданской обороны СССР (я уже приводил выше его рассказ о ЧП с простыней). Он был свидетелем сокращений в тыловых учреждениях.

— Под сокращение попали два училища, которые готовили кадры тыловых специалистов: Калининградское военно-интендантское и Ярославское военно-финансовое училища. На письменные и устные возражения маршала Баграмяна и генерал-полковника Дутова (начальника финансовой службы Вооруженных сил СССР) Хрущев через своих приближенных отвечал:

«Справятся с тыловыми делами обычные офицеры, любой из них может одежду раздавать и деньги считать».

Генерал Козлов, служивший в то время в одной из авиационных дивизий в Группе войск в Германии, привел такие цифры в подтверждение бед, которые натворил службе тыла Хрущев:

— В нашей дивизии из 60 должностей, подлежащих комплектованию тыловиками-специалистами, только шесть офицеров имели тыловое образование (военные училища), один — академическое, остальные, более 40 человек — медики-фельдшеры или неудавшиеся политработники.

Началась вакханалия в службах тыла — запутали учет, возросли недостатки и хищения. Службе тыла грозили большие неприятности в будущем. Маршал Баграмян, понимая это, предпринял ряд мер для спасения кадров тыловых работников. Вместе с генералом Дутовым они били тревогу в военных инстанциях: у министра, в Генштабе. Но бесполезно. Обратились в высшую в те годы власть — в Президиум ЦК КПСС, к секретарю Козлову Фролу Романовичу, который курировал вопросы обороны страны. Фрол Романович принял Баграмяна и Дутова. Внимательно их выслушал и даже согласился с их доводами, но в заключение беседы сказал:

— Не могу вам помочь, товарищи, решение принял Генеральный секретарь партии, отменить его невозможно.

Очень разочарованные, ушли воспачальники от партийного руководителя. Ситуация казалась безвыходной. В годы войны Баграмян действовал не спеша, рассудительно, но в переломный, критический момент сражения преобразался и быстрыми, решительными мерами выходил из любых трудностей. Вот и в этом случае вдруг Иван Христофорович высказал Дутову отчаянно смелую и рисковую мысль:

— В решении ЦК и Хрущева указано: сокращать армию, в том числе и наши училища, но ничего не сказано о возможности создания новых училищ!

Дутов выразил сомнение:

— Это может лишить нас не только должностей, но и погон.

— Почему? — настаивал Баграмян. — Мы люди дисциплинированные, приказ выполнили — училища сократим. Доложим о выполнении указаний. А новое будем создавать, не нарушая приказа о сокращении. О запрещении создавать новые в приказе не сказано.

Дутов согласился, тем более что для создания нового училища не надо было искать материальную базу и деньги, все было в руках начальника тыла маршала Баграмяна и в его руках — начальника финансовой службы.

И вот два больших военных руководителя, выражаясь современным языком, «без шума и пыли», на свой страх и риск создают Ярославское военное училище, не указывая в его наименовании ни тыловой, ни финансовой специализации — просто военное училище, и все! А на деле в нем организовали два батальона: первый (450 курсантов) — будущие финансисты, второй (тоже 450 курсантов) — будущие интенданты.

В августе 1961 года маршал Баграмян и генерал-полковник Дутов документально оформили свой вариант и произвели набор курсантов. В войска за подписью маршала Баграмяна была послана телеграмма (разумеется, секретная): подобрать сержантов, окончивших ранее полковые школы, старшин рот, начальников складов, заведующих столовыми и солдат со средним образованием, желающих учиться в училище и получить офицерское звание.

Генерал Козлов, продолжая рассказ, говорит:

— Я в то время был сверхсрочником, собирался поступать в Харьковское высшее ракетно-инженерное училище со сроком обучения 5 лет. Был я женат, сыну шел второй год. Рассудили мы с женой: пять лет учебы — дело

долгое, а тут предлагается получить звание офицера через два года. Так я стал курсантом Ярославского училища. Я не знал всех трудностей рождения этого училища и личного риска маршала Баграмяна, все эти подробности мне рассказал позднее сам генерал Дутов, когда я работал с ним вместе в составе оперативной группы Тыла Вооруженных сил по подготовке к запуску программы «Буря». Позднее встречался с маршалом Баграмяном в группе инспекторов. Хотел поблагодарить его за великое дело, которое он совершил для армии и службы тыла своим смелым поступком и находчивостью, но наш разговор не состоялся. А было, чем его порадовать, именно по его благословению в этом училище получили тыловое образование и стали: старшина Коробко Иван Алексеевич — генерал-полковником, старший сержант Тропинин Алексей Макарович — генерал-лейтенантом, я, сержант-сверхсрочник, — генерал-майором, сотни полковников, начальники тыла армий, отделов центрального аппарата и военных округов — выпускники этого училища.

Объединенное (замаскированное) училище позднее разделили в самостоятельные. Маршал Баграмян в сентябре 1964 года создал в Вольске Военное училище тыла, а затем и Горьковское высшее военное училище.

А в Ярославле осталось Военно-финансовое училище, детище генерал-полковника Дутова. Такова весомая лепта Ивана Христофоровича в сохранение старых и создание новых кадров офицеров тыла.

* * *

Вот такое огромное «хозяйство» лежало на плечах маршала Баграмяна. И надо было им руководить, не только сидя в кабинете, но выезжать на учения (и проводить их), в военные округа, воинские части, на различные стройки — от ракетных позиций до овощехра-

нилищ, где устранять недостатки, помогать советами и материально. И это еще не все!

Как заместителю министра обороны маршалу Баграмяну надлежало руководить:

— тылом Ракетных войск стратегического назначения;

— тылом Военно-воздушных сил;

— тылом Военно-морского флота;

— тылом Воздушно-десантных войск;

— тылом Войск противовоздушной обороны.

Насколько была эта работа трудоемкая, покажу на примере создания тыла Ракетных войск стратегического назначения.

В результате глубокого анализа международной обстановки и всестороннего учета экономических и производственных возможностей государства руководство Советского Союза, считая стратегическое ракетно-ядерное оружие главным средством сдерживания агрессивных намерений вероятных противников, 17 декабря 1959 года приняло решение о создании нового вида вооруженных сил — Ракетных войск стратегического назначения (РВСН).

Строительство и укрепление нового вида вооруженных сил проходило при всемерной помощи маршала Баграмяна и всех управлений Тыла Вооруженных сил, который он возглавлял.

Наиболее сложными в работе были 1960-е годы. В этот период было необходимо одновременно решать задачи всестороннего снабжения вновь сформированных частей и соединений, разрабатывать основы их тылового обеспечения при несении боевого дежурства, подготовке и ведении боевых действий.

Основная роль в решении задач тылового обеспечения отводилась войсковому тылу (полка, дивизиона). На тыл Центра возлагались задачи планирования и кон-

троля. Исходя из этого, создавались органы управления тылом.

В тыле РВСН были созданы отдел планирования и контроля снабжения вещевым и фондируемым имуществом, продовольствием, спецтопливом и горючим, отдел медицинского обеспечения и автотракторная служба. Возглавил тыл РВСН полковник Пономарев М.И.

С развертыванием новых ракетных соединений и частей объем работы тыла продолжал нарастать. Потребовалась реорганизация его аппарата.

Для решения задач тылового обеспечения в центральном аппарате Главного командующего РВСН был создан орган управления тылом. Его возглавил начальник тыла РВСН, генерал-майор Пономарев М.И. В состав управления тылом РВСН входили: отдел планирования и контроля; продовольственная служба; служба ракетного топлива и горючего; вещевая служба; медицинская служба; автотранспортная служба.

Огромный объем работы, важность стоящих задач, необходимость их безотлагательного решения потребовали одновременного слаживания коллектива и решения круга задач тылового обеспечения как существующих, так и вновь создаваемых ракетных частей и соединений.

Через центральные и главные управления Министерства обороны (маршала Баграмяна) довольствующие органы военных округов тыл РВСН осуществлял снабжение войск ракетным топливом, горючим, мазутом, продовольствием, вещевым имуществом, осуществлял укомплектование автотранспортной техникой и производил массовую поставку грузов в позиционные районы для строительства боевых стартовых позиций и жилых городков.

Вот, к примеру, как это осуществлялось в войсках.

В 1960 году и я на несколько месяцев стал исполнителем приказа маршала Баграмяна. Тогда я был командиром 162-го мотострелкового полка, который располагался в городке Кизил-Арват, что в 140 километрах от Апхабада, в центре пустыни Каракум. Об этом гиблом гарнизоне офицеры говорили: «Бог создал небо и землю, а дьявол — ад и Кизил-Арват». Судите сами: жара 50—60 градусов. Кругом песчаные барханы. Вода привозная: ночью водовозка набирает воду в горах Копетдага и делает один рейс к рассвету для приготовления пищи и умывания солдатам. Вторым рейсом эта водовозка привозила к полудню воду для семей комсостава.

Но это так, к слову.

В те годы в части реально стало поступать на вооружение ракетно-ядерное оружие. Полагался дивизион и нашей дивизии, она дислоцировалась в трех городах: Небит-Даг, Казанджик и Кизил-Арват. Командование решило разместить новый дивизион в нашем гарнизоне. По приказу замминистра, начальника Тыла Вооруженных сил маршала Баграмяна ракетчиков полагалось обеспечить не только казармой, парком для техники, но и жильем для офицеров. А где взять это жилье в нашей пустыне, здесь даже туркменских мазанок не хватает. В таком случае приказ маршала обязывал срочно построить жилье для ракетчиков. Вот моему полку, под мою личную ответственность было приказано построить шесть четырехквартирных одноэтажных домов. Прислали проекты. В вагонах строительные материалы, балки, доски, готовые двери, рамы для окон. Прорабом стал полковой инженер. А я — начальником стройки, поставщиком рабсилы (солдат), транспортным диспетчером (возил стройматериалы, воду, питание и солдат

на работу и в казарму). И каждый вечер докладывал в штаб дивизии, что сделано. Три месяца ни сна, ни отдыха, как в аду, в страшной жаре, на солнцепеке. В тень не скроешься, надо работать. Да и нет этой тени — вокруг барханы.

Еще раз, как и на фронте, солдаты вызывали удивление и восхищение своим невероятно тяжким трудом. Они работали самоотверженно! Это вечное русское «надо» подвигло их на настоящий трудовой подвиг. Понимали: ракеты — дело непутучное! Наши ракеты — узда для империалистов, они — залог нашей победы в случае чего! Значит — кровь из носа, по приказ должен быть выполнен! И выполнили.

Ракеты и ракетчики прибыли и расположились в назначенный срок. Офицеры и жены моего полка глядели на них из своих «финских домиков» и глинобитных лачужек без зависти, с пониманием — они особые (тогда еще не было в ходу слово «элитные»), для них все и должно быть безотказно! Наверное, в других «цивилизованных» гарнизонах спецстройки шли в более масштабных и хорошо обеспеченных условиях. В нашей пустыне Баграмян решал проблему, как говорится, хозспособом, без привлечения строительных частей, и главное — так быстрее и дешевле.

В этот период широким фронтом шли испытания и прием на вооружение новых типов баллистических ракет. Началось строительство первых позиционных районов ракетных соединений, которые, как правило, размещались в необжитых местах Урала, Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии. Начинаются проектирование и строительство подземных хранилищ горючего в отложениях каменной соли в кембрийских глинах и ледовом грунте. Мощность и численность ракет, ставящихся на боевое дежурство, быстро растет. Соответ-

ственно растет и масса заправки компонентов ракетного топлива.

Управление снабжения горючим в 1967 году было реорганизовано в Центральное управление снабжения ракетным топливом и горючим Министерства обороны СССР. Причем целесообразность этого преобразования, предложенного Баграмяном, министр обороны отклонил (по известной читателям недоброжелательности), и только после его кончины новый министр, маршал Гречко подписал соответствующий приказ.

Постаповка на боевое дежурство частей и соединений РВСН и его несение определялись как выполнение боевой задачи особой государственной важности. Поэтому должностные лица тыла постоянно чувствовали на своих плечах ответственность и принимали все меры для решения задач. Одной из сложных, крайне опасных являлась работа с компонентами ракетного топлива: их приемом, хранением, выдачей, транспортированием на БСП, заправкой ими ракет, сливом топлива в заправщики и отправкой искондicionadoнного топлива. Все операции с ракетным топливом проводились и в настоящее время проводятся на основе письменного приказа командира дивизии. Ответственным лицом, руководителем работ назначается заместитель командира дивизии по тылу.

Дальнейшее развитие получила продовольственная служба РВСН, которая решала свои задачи в сложных условиях строительства объектов позиционных районов вдали от населенных пунктов. Как правило, в первую очередь строились боевые стартовые позиции, а объекты материально-бытового назначения — в последнюю. Приходилось организовывать питание в жару и зимнюю стужу в палатках, во временных сооружениях. Одной из сложных задач продовольственной службы РВСН в

этот период была организация питания по летной норме офицерского состава боевых расчетов дежурных сил в частях, соединениях, на пунктах управления армий и Центральном командном пункте РВСН. В частях и на пунктах управления в зависимости от численности боевых расчетов строились новые столовые или приспособлялись имеющиеся помещения, заявлялось и поступало необходимое оборудование и оснащение, кухонная и столовая посуда, инвентарь. Непросто было обеспечить необходимый ассортимент продуктов, их сохранность, подготовить квалифицированный поварской состав, официанток.

В итоге оборудованные, оснащенные всем необходимым, оформленные на должном эстетическом уровне столовые явились не только местом приема пищи, но также местом, где снимались напряжение, стрессовые состояния офицерского состава и смен боевых расчетов. Не менее сложными были вопросы заготовки и хранения картофеля и овощей в условиях отсутствия нормальных хранилищ и складов.

Вещевая служба в этот период решала свои задачи также в непростых условиях, когда основной обувью всего личного состава частей и соединений являлись резиновые сапоги. Обогрев личного состава, просушка обмундирования и обуви, помывка личного состава зимой в полевых условиях требовали определенных знаний и навыков. Сложной для решения в кратчайшие сроки была задача обеспечения индивидуальными средствами защиты кожи личного состава боевых расчетов, подразделений транспортировки и хранения компонентов ракетного топлива. В ходе несения боевого дежурства, учений и тренировок органами управления, Тылом Центра, армий и дивизий нарабатывался и обобщался опыт обеспечения войск в разных условиях. К 1964 году была закончена отработка основ тылового обеспечения

соединений РСД и МКР. В 1966 году было разработано и введено временное Положение по тыловому обеспечению соединений и частей отдельных стартов, которым войска руководствовались 6 лет.

Успешному решению всех задач тылового обеспечения частей и соединений РВСН в этот сложный период во многом способствовал офицерский состав, переданный из служб Тыла Вооруженных сил, и постоянное личное внимание маршала Баграмяна.

ТЫЛ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ

В годы работы Баграмяна плло дальнейшее развитие теоретических основ боевого применения авиации и ее тылового обеспечения в современных условиях. В 1963—1965 годах вышли в свет переработанные уставы, наставления, руководства, в которых были отражены современные взгляды на роль и боевое применение частей, соединений, объединений ВВС в операциях.

Совершенствовалась также организационная структура тыла. Были введены в состав тыла объединений ВВС авиационно-технические полки, явившиеся, по существу, качественно новым тылом авиационных дивизий. Создание авиационно-технических полков явилось важным шагом в совершенствовании системы тылового обеспечения ВВС. Этим организационная структура тыла воздушной армии приводилась в необходимое соответствие с организацией войск, так как каждому звену боевого состава соответствовал необходимый орган тылового обеспечения (авиационному полку — отдельный батальон аэродромно-технического обеспечения; авиационной дивизии — авиационно-технический полк).

Опыт боевых действий на Ближнем Востоке показал высокую уязвимость самолетов, сосредоточенных на технических позициях. В результате была принята концепция защищенного базирования авиации. Само-

леты рассредоточивались на аэродроме по эскадрильным зонам, началось ускоренное сооружение обвальных железобетонных укрытий.

Это потребовало нового подхода к решению задач аэродромно-технического обеспечения, поскольку значительно возросли работы по эксплуатационному содержанию аэродромов, обеспечению подготовки самолетов к вылету в условиях их укрытого и рассредоточенного расположения.

Резко возросли объемы работ по строительству и подготовке аэродромов на ТВД. Развитие инженерно-аэродромного обеспечения в целом определялось перевооружением авиационных частей на новую материальную часть (самолеты третьего поколения). Новые типы самолетов предъявляли более жесткие требования к прочности, ровности и чистоте искусственных аэродромных покрытий. Для усиления прочности взлетно-посадочных полос укладывались на существующие покрытия монолитные железобетонные плиты с предварительным напряжением арматуры. Кроме монолитных покрытий, применялись сборные элементы из железобетонных плит с предварительным напряжением арматуры, которые укладывались на более прочные грунто-гравийные и грунто-щебеночные основания. Одновременно инженерно-аэродромная служба решала большие задачи по скоростному восстановлению разрушенных взлетных полос. На всех постоянных аэродромах были созданы и постоянно обновлялись необходимые запасы ремонтных материалов. На постоянных аэродромах строились дополнительные взлетные полосы за счет расширения прямолинейных участков рулежных дорожек или автомобильных дорог.

С 1964 года принимаются решительные меры для повышения технического оснащения частей и учреждений тыла авиации. Была разработана новая система

внедрения средств наземного обеспечения полетов. К исходу 1965 года на укомплектование тыла поставлено 4400 единиц общевойсковой тракторной техники и 2100 специальных машин.

В 1967 году была создана автотракторная и электрогазовая службы ВВС, входившие в состав их тыла.

Все это значительно повысило подвижность авиационного тыла, увеличило его возможности по обеспечению авиационных частей одновременно с двух аэродромов. В этот же период начинается оборудование централизованных систем заправки горючим и запуска авиационных двигателей на технических позициях.

ТЫЛ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

К середине 1950-х годов в стране, в основном, было завершено создание мощного ракетно-ядерного флота. Кораблестроительная программа была направлена на создание подводных лодок-ракетоносцев с атомными энергетическими установками, ракетных надводных кораблей, вооруженных современным противолодочным, противоминным и противовоздушным оружием. Много внимания было уделено развитию морской ракетной авиации, высококомобильных частей морской пехоты и береговых войск, специальных войск и органов военного управления флотом.

Принятие на вооружение принципиально новых кораблей потребовало коренного изменения количественного и качественного состава тыла флота и флотилий. Дальнейшее совершенствование кораблей, оружия и технических средств в направлении повышения их автономности, надежности и увеличения моторсурсов выдвинуло новые требования к составу тыла, его возможностям, увеличению номенклатуры и объема расходуемых силами флотов материальных средств.

Создание океанского ракетно-ядерного военно-морского флота вызвало глубокие преобразования в материально-технической базе, в составе организа-

ционной структуры как берегового, так и плавучего тыла флота.

Для обеспечения подводных лодок и соединений надводных кораблей тыл ВМФ имел в своем составе необходимое количество судов обеспечения (танкеров, рефрижераторных судов, водолеев), плавучих судоремонтных мастерских, плавдоков, судов с кислорододобывающими и компрессорными станциями, комплектов оборудования для обеспечения маневренного базирования и другой техники. Были выполнены большие работы по реконструкции имевшихся судоремонтных заводов по оборудованию пунктов базирования сил флота, усилению источников электроснабжения, паро- и теплоснабжения, водо- и воздухообеспечения.

Существенное влияние на развитие тыла ВМФ оказал выход сил флота в удаленные от отечественных баз районы морей и океанов для несения боевой службы. Перед тылом флотов встала ответственная задача непрерывного и комплексного тылового обеспечения группировок кораблей непосредственно в море. Выход корабельных сил на океанские просторы, многомесячный отрыв кораблей от своих основных пунктов базирования резко повысили роль и значение вспомогательного флота. Как правило, к обеспечению кораблей привлекались транспорт, танкеры, буксиры, водоналивные, спасательные и другие вспомогательные суда. Однако практика боевой службы потребовала создания новых судов, в большей мере удовлетворявших требованиям обеспечения кораблей в океане. Были спроектированы и построены принципиально новые корабли комплексного снабжения, танкеры, транспорты оружия, водоналивные суда, океанские буксиры, спасательные, госпитальные и другие суда обеспечения.

По мере увеличения количества кораблей, одновременно находившихся в районе боевой службы, стали формироваться временные (нештатные) отряды, дивизионы и бригады судов обеспечения. Объем подвоза материальных средств в районы боевой службы возрос в 15 раз.

Для расширения возможностей оказания квалифицированной медицинской помощи личному составу в районах боевой службы были сформированы группы медицинского усиления (корабельные хирургические группы) на кораблях и судах обеспечения, находившихся на боевой службе. Для оказания необходимой медицинской помощи экипажам атомных подводных лодок в экстремальных ситуациях были созданы и использовались на боевой службе подвижные группы радиационной безопасности.

В связи с формированием оперативных эскадр для постоянного несения боевой службы в определенных районах Мирового океана, для организации материального обеспечения в управлении эскадры предусматривалась должность помощника командира эскадры по материальному обеспечению с подчиненным ему аппаратом.

Все эти корабли и тысячи других, которые уже находились в боевом строю, обеспечивали службы тыла под руководством маршала Баграмяна продовольствием, вещевым имуществом, горюче-смазочными материалами и другим имуществом.

Непрерывно совершенствовался состав соединений, частей и учреждений тыла ВМФ. В состав тыла флотов на военное время были введены: флотские базы, передовые базы тыла флота, госпитальные базы флота, морские инженерные бригады, автомобильные полки, батальоны, роты связи тыла, отдельные технические батальоны, роты, взводы радиационно-

химической разведки, управления отделов тыла в пунктах маневренного базирования, отдельные батальоны, роты обслуживания. Наиболее существенные изменения организационной структуры тыла флотов были завершены к 1967 году.

Позднее отдел службы тыла ВМФ был преобразован в штаб тыла ВМФ, а начальник Тыла ВМФ стал заместителем ГК ВМФ по тылу.

ТЫЛ ВОЙСК ПРОТИВОВОЗДУШНОЙ ОБОРОНЫ

Развитие средств воздушного нападения вероятного противника, увеличение их дальности действий и огневой мощи вызвали необходимость дальнейшего развития средств противовоздушной обороны страны, способов их боевого применения и перестройки организационной структуры войск ПВО.

К 1954 году завершилось перевооружение истребительной авиации ПВО реактивными самолетами, осуществлялось перевооружение зенитной артиллерии на зенитно-ракетные комплексы, организационно оформлялись зенитные, ракетные и радиотехнические войска. В результате внедрения новых видов вооружения значительно расширились объем и номенклатура материальных и технических средств. На снабжение войск ПВО поступили новые виды материальных средств: зенитные и авиационные ракеты, ракетное топливо, различные спецжидкости, газы. Усложнились вопросы транспортирования, хранения и сбережения этих средств. Количественные и качественные изменения в развитии родов войск ПВО потребовали поиска новых способов их тылового обеспечения, организационной перестройки и совершенствования организационно-штатной структуры тыла войск ПВО, приведения их в соответствие с новыми

формами и способами ведения боевых действий. Забот маршалу Баграмяну все прибавлялось.

Однако, несмотря на то что войска ПВО страны оформились в самостоятельный вид вооруженных сил, в результате проведенных преобразований собственного тыла они так и не получили и по всем видам снабжения полностью зависели от военных округов и ВВС. В войсках ПВО в этот период существовали тылы зенитных, ракетных и радиотехнических частей и соединений, авиационно-технические и инженерно-аэродромные части и различные тыловые учреждения и подразделения.

Необходимость создания специализированного тыла войск ПВО страны с каждым годом становилась все очевидней. Эта проблема была назревшей и требующей своего решения. В Центре, объединениях и соединениях ПВО были созданы органы тыла истребительной авиации и введена должность начальника тыла ИА. Тыл армии ПВО включал общевойсковой тыл и тыл истребительной авиации.

В этом же году на новые штаты были переведены тыл воздушных истребительных армий ПВО и тылы корпусов ПВО. Проведенные мероприятия, несомненно, способствовали улучшению тылового обеспечения истребительной авиации ПВО, но в целом не решали проблемы создания специализированного тыла войск ПВО страны. Решение об организации такого тыла состоялось на правительственном уровне в январе 1958 года, поэтому на основании директивы Генерального штаба в августе 1958 года главнокомандующий войсками ПВО страны своим приказом объявил штат единого специализированного тыла войск ПВО страны.

В соответствии с организационной структурой войск ПВО страны их тыл включал три звена: тыл центрального

подчинения, оперативный и войсковой. Таким образом, в конце рассматриваемого периода тыл войск ПВО страны имел относительно стройную организационную структуру, позволяющую решать вопросы материального обеспечения соединений и частей родов войск ПВО страны.

* * *

Далее читатели узнают, как маршалу Баграмяну однажды пришлось одновременно осуществлять управления своего центрального аппарата и тыла всех родов войск и руководить этим гигантским объединением всех тыловых сил несколько месяцев ежедневно и ежечасно, как это бывало в боях в годы войны.

ОПЕРАЦИЯ «АНАДЫРЬ»

Что известно читателям об этой операции? Я думаю, всего несколько слов: мы посылали ракеты на Кубу. А если я сравню ее по масштабам с высадкой союзников через Ла-Манш при создании второго фронта, вы, наверное, очень удивитесь! Но это так.

Прежде чем рассказать об этой грандиозной операции, необходима небольшая ретроспекция, что ей предшествовало.

Первое выступление на Кубе против правящего режима Батисты, потворствовавшего засилью иностранного капитала, произошло 26 июля 1953 года. Группа молодежи во главе с Фиделем Кастро Рус совершила дерзкое нападение на казармы Монкада в городе Сантьяго-де-Куба. Оно закончилось неудачей. И все же это самоотверженное выступление всколыхнуло страну, нашло глубокий отклик в народе, стало как бы своеобразным сигналом.

Штурм казарм Монкада вполне правомерно считать началом кубинской революции.

Новое, более мощное выступление против диктатуры Батисты произошло 2 декабря 1956 года. Отряд патриотов, молодых, энергичных людей, которыми руководили Ф. Кастро, К. Сьенфуэгос, Э. Че Гевара, высадился на побережье Кубы, пробился в горы Сьера-Маэстро, в са-

мом центре страны. Отряд быстро пополнялся новыми бойцами из числа кубинцев, недовольных режимом, и вскоре превратился в Повстанческую армию.

Движение поддерживал весь народ. Почувствовав свою силу, руководство Повстанческой армии перешло к широким боевым действиям. Борьба развивалась успешно. Войска режима, несмотря на поддержку извне, и особенно из США, потерпели поражение. 2 января 1959 года отряды Повстанческой армии вступили в Гавану. Батиста и его приспешники бежали.

Кубинская революция сломала старую государственную машину, уничтожила аппарат насилия, создала новое правительство, которое энергично взялось за осуществление коренных социально-экономических преобразований.

Американские монополии, превратившие Кубу в свою вотчину, естественно, восприняли появление в Западном полушарии социалистического государства не только как угрозу их прибылям, но и, не без оснований, как рассадник коммунистической идеологии. Такого они никак не могли допустить. Поэтому для руководства США стало задачей номер один в зачатке задушить революционную Кубу. Вспомните выступление Черчилля в Фултоне, создание англо-американского союза для уничтожения всей коммунистической системы на планете.

Советский Союз и другие социалистические страны, наоборот, принимая во внимание концепцию самостоятельного выбора любым государством и народом своего пути развития, считали своим долгом интернационалистов сделать все возможное, чтобы Куба выстояла, превратилась в свободное, самостоятельное государство.

США разрабатывали планы военной интервенции. Формировались отряды из кубинских эмигрантов и контрреволюционных элементов. В штате Флорида, в

некоторых странах Латинской Америки спешно создавались центры, готовившие наемников для «армии освобождения». На базе Гуантанамо концентрировались крупные силы американской армии, авиации и флота. Готовилась прямая агрессия вооруженных сил.

Ранним утром 15 апреля 1961 года три группы самолетов Б-26 взлетели с никарагуанского аэродрома. Бомбовые удары потрясли Гавану, Сан-Антонио-де-лос-Баньос, Сантьяго-де-Куба. Через два дня — 17 апреля 1961 года — американские военные корабли и транспортные суда устремились в бухту Кочинас. Тут же налетели самолеты Б-26. Началась высадка десанта. Это была уже не просто провокация против Кубы, это была война.

Американцы, вооруженные первоклассным стрелковым оружием, при поддержке американских танков «Шерман» высадились с двух сторон бухты Кочинас у Плайя-Ларга и Плайя-Хирон. Малочисленная береговая охрана кубинцев оказывала отчаянное сопротивление — силы были слишком неравными. Однако ни внезапность нападения, ни огромный перевес не принесли наемникам желаемого результата: они всего лишь на несколько километров продвинулись в глубь острова по двум дорогам, захватили Плайя-Хирон.

Прибывшая Повстанческая армия под руководством Фиделя Кастро через 72 часа разгромила нападавших. Летчики потопили десантные корабли, на которых пытались бежать остатки подразделений интервентов.

Надо сказать, что победа кубинской революции, отражение интервентов свершились без помощи Советского Союза, без единого рубля, без единого советского патрона и снаряда. Военная помощь СССР началась с середины 1961 года. Кубинское руководство оказалось перед необходимостью принятия самых срочных и

действенных мер по укреплению обороны республики. В самые сжатые сроки формировались революционные вооруженные силы.

Советский Союз оказал Кубе помощь в военной технике, направил специалистов для обучения кубинцев. Военные специалисты сделали все, чтобы укрепить как можно быстрее обороноспособность страны, превратить кубинскую армию в современную, способную вести борьбу с любым противником. Между Кубой и Советским Союзом был заключен открытый (не тайный!) договор, в котором было опубликовано коммюнике. В нем говорилось: к такой договоренности стороны принуждает реальная угроза военной интервенции, нависшая над Кубой, что оружие, поставляемое Советским Союзом, предназначено исключительно для оборонительных целей. Это был вполне законный акт, поскольку международное право не ограничивает государства в их праве на покупку и продажу оружия.

Это вызвало буквально истерику в прессе США! Началась открытая подготовка к более мощной агрессии против Кубы. Задушить кубинскую революцию стало лозунгом руководителей США,

Не «забывали» они и нашу страну. Непосредственно у границ СССР на территории Турции была создана в то время военная база США с 50 ракетными установками «Юпитер», способными нести ядерные боеголовки. Эти ракеты по дальности перекрывали всю европейскую часть Советского Союза и были гораздо мощнее бомб, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки.

Советский Союз неоднократно предостерегал правительство США о недопустимости провокаций против революционной Кубы и нашей страны, об их возможных опасных последствиях, но все эти предостережения игнорировались. Нужно было принимать ответные меры.

В конце мая 1962 года в Кремле состоялось заседание Совета обороны под председательством Хрущева. Перед этим заседанием Хрущев встретился с Микояном, который побывал на Кубе и рассказал о тяжелом ее положении, о постоянных полетах американских самолетов, о несомненном нападении на Кубу крупных сил США в скором времени. Хрущев побеседовал и с министром обороны, спросил его:

— Сколько надо американцам времени, чтобы захватить кубинский остров?

— Три, пять дней, — ответил Малиновский. — Не больше недели.

— Помочь практически не успеем. А сколько надо времени американским ракетами, размещенным в Турции, для удара по нашим городам?

— Десять минут, — ответил министр.

— А нашим ракетами для ответного удара?

— Двадцать пять минут для достижения американской территории.

После этих неутешительных бесед Хрущев решил собрать Совет обороны, на нем присутствовали все члены Президиума ЦК КПСС, его секретари, руководство Министерства обороны. Был поставлен один вопрос: каким образом предотвратить вооруженную агрессию против дружественной Кубы, если политические и дипломатические меры не дадут желаемого эффекта? Хрущев предложил перебросить на Кубу для усиления ее обороны некоторое количество наших ракет с обслуживающим их военным персоналом. Члены Президиума засомневались: это вызовет острую реакцию со стороны Соединенных Штатов. Не вспыхнет ли пожар ядерной войны?

Дебаты продолжались долго. И все же большинство поддержало Хрущева: вооруженную силу можно сдерживать только вооруженной силой. Постановили: Совми-

ну, Министерству обороны и Министерству морского флота организовать скрытую перевозку войск и боевой техники на Кубу.

Это решение было оформлено протоколом заседания. Все члены Президиума ЦК его подписали. Так было принято решение о перевозке войск и ракет на Кубу.

Настала очередь действовать военным. Здесь я возвращаюсь к повествованию о Баграмяне и его роли в подготовке и осуществлении операции, которой было дано кодовое название «Анадырь». Для маскировки она организовывалась как учение на севере, поэтому и название такое северное. В дальнейшем изложении событий мне во многом помог мой старый друг, генерал армии Грибков Анатолий Иванович, за что я ему очень благодарен. В то время он был генерал-лейтенантом, на должности заместителя начальника оперативного управления Генштаба.

В его кабинет пришел с заседания Совета обороны заместитель начальника Генерального штаба генерал-полковник Иванов Семён Павлович. Он показал записи, сделанные в Кремле, и сказал:

— Вот это нужно немедленно переписать набело, от руки, машинистке пока не давать. Разрешаю привлечь к работе только твоего заместителя генерала Елиссеева и полковника Котова. Кроме вас троих, к работе никого не привлекать...

Втроем они трудились несколько суток и составили рабочий документ — предложения, отражающие решение Совета обороны. Тогда это было строжайшим секретом, да и в наши дни, когда Анатолий Иванович посвящал в его содержание, меня охватывал трепет.

Как бы лаконично ни были сформулированы положения названного документа, он довольно объемист, и я постараюсь изложить его содержание коротко, чтобы читателю был понятен его смысл, дополнив

необходимыми комментариями, пояснениями генерала Грибкова.

Перед Группой советских войск на о. Куба была поставлена задача во взаимодействии с кубинскими РВС не допустить высадки противника на территорию острова ни с моря, ни с воздуха и превратить его в неприступную крепость.

Ракетным войскам Группы (ракетная дивизия) предусматривалось быть в готовности в случае развязывания войны империалистами США, по сигналу из Москвы нанести удары по важнейшим объектам на территории агрессора. Для выполнения указанной задачи было намечено разместить три полка ракет средней дальности: Р-12 — 24 пусковые установки и два полка ракет Р-14 — 16 пусковых установок. Всего 40 ракетных установок с дальностью действия ракет от 2 до 4,5 тыс. км. Досягаемость ракет обеспечивала поражение важнейших объектов на территории США.

Сухопутные войска Группы (четыре отдельных мотострелковых полка) имели задачу прикрыть ракетные и другие технические войска, управление Группы и быть в готовности оказать помощь кубинским РВС в уничтожении морских, воздушных десантов противника и контрреволюционных групп в случае их высадки на территорию Республики Куба.

Однако основной их задачей считалось прикрытие ракетных войск. Это предусматривалось осуществлять путем непосредственной обороны районов их стартовых позиций, а также нанесения ударов по противнику на дальних подступах к этим районам.

Для непосредственной обороны ракетных частей от нападения диверсионно-разведывательных и контрреволюционных групп, а также небольших воздушных десантов было предусмотрено выделение по одному мотострелковому батальону на каждый ракетный полк.

Для выполнения второй задачи — оказания помощи кубинским вооруженным силам в уничтожении морских и воздушных десантов противника в случае высадки их на территорию Республики Куба — намечалось использовать мотострелковые полки как высокоподвижную, маневренную силу для нанесения контрударов по десантам противника в составе контрударных группировок кубинских войск, на которые возлагалась задача непосредственной обороны побережья.

В связи с тем, что мотострелковые полки должны были располагаться отдельно и на большом расстоянии друг от друга (70, 350, 400 км), ведение совместных боевых действий ими не предусматривалось. Для каждого полка назначалась зона боевых действий шириной до 200 км по фронту. Глубина этой зоны включала весь остров, от северного до южного побережья, и составляла 30—150 км.

Три отдельных ракетных дивизиона «Луна» (шесть пусковых установок) планировалось применять совместно с мотострелковыми полками. В соответствии с этим они оперативно подчинялись командирам мотострелковых полков и должны были располагаться в районах дислокации. Выбор объектов для удара представлялся командирам мотострелковых полков.

Военно-воздушным силам Группы войск (ИАП, два полка Фронтовых крылатых ракет (ФКР), эскадрилья Ил-28, вертолетный полк) предусматривались задачи по уничтожению морских и воздушных десантов противника во взаимодействии с сухопутными войсками, силами ВМФ и с соединениями кубинских РВС, а также предполагалось нанесение ударов по военно-морской базе США Гуантанамо.

Частям военно-морского флота (эскадра надводных кораблей, эскадра ПЛ, бригада РК, полк «Сопка») ставилась задача совместно с ВВС и сухопутными войсками

Группы во взаимодействии с кубинскими РВС уничтожать боевые корабли и десантно-высадочные средства противника, не допускать высадки морских десантов на основных десантно доступных направлениях.

Кроме того, флот должен был охранять наши транспортные суда на близлежащих к острову коммуникациях, блокировать минами военно-морскую базу Гуантанамо, а также вести разведку в западных и восточных районах Кубы с целью выявления боевых кораблей и десантно-высадочных средств противника.

Войска противовоздушной обороны (две дивизии ПВО — 144 ПУ С-75) должны были не допустить вторжения в воздушное пространство Республики Куба иностранных самолетов-нарушителей и нанесения ими ударов по войскам Группы, кубинским РВС, важнейшим политическим, административным и промышленным центрам, военно-морским базам, портам и аэродромам.

Радиолокационное обеспечение боевых действий истребительной авиации и зенитно-ракетных войск должно было осуществляться радиотехническими войсками Группы и кубинских РВС. Создание единой радиолокационной системы могло обеспечить ведение радиолокационной разведки над всей территорией Кубы с высот от 50 м до практического потолка действий РЛС, а также позволяло обнаружить воздушные цели на средних высотах на удалении до 200 км.

Тыловым частям ставилась задача обеспечить жизнь и боевую деятельность войск Группы всем необходимым, иметь трехмесячные запасы продовольствия и горючего.

(Здесь вставляю мой комментарий: в фразе «Тыловым частям обеспечить», по сути дела, предусматривалась работа Баграмяна и его подчиненных по превращению этого документа в реальные действия.)

Генерал-полковник Иванов доложил этот план начальнику Генерального штаба и министру обороны. Подготовленные предложения Министерство обороны СССР 24 мая 1962 года представило руководству страны.

Генерал армии Грибков дал мне подлинные записи генерала Иванова, сделанные им на заседании Президиума ЦК КПСС:

«24.5.62 г. С чтением записки выступил т. Малиновский. С соображением выступил Н.С. Хрущев. Выступили: тт. Козлов Ф.Р., Брежнев Л.И., Косыгин А.Н., Микоян А.И., Воронов Г.И., Полянский В.С., Куусинен О.В., все остальные члены Президиума и выступавшие согласились и одобрили решение.

Решение — мероприятие “Анадырь” одобрить целиком и единогласно.

Документ хранить в МО. По получении согласия Ф. Кастро его утвердить.

Направить комиссию к Ф. Кастро для переговоров: т. Рашидова Ш.Р., Бирюзова С.С., Иванова С.П. и с ними группу товарищей.

Лететь в понедельник-вторник 28—29 мая».

Рашидову была поставлена одна задача: выяснить, как отнесется Фидель, если мы предложим ему решение о создании Группы советских войск на Кубе.

По прибытии в Гавану делегация была незамедлительно принята Ф. Кастро и Р. Кастро, которым изложила содержание документа, принятого на заседании Президиума ЦК КПСС 24 мая. Ф. Кастро одобрил его. Он высказался в том смысле, что, если это мероприятие послужит делу победы мирового социализма, борьбе народов против угнетения их империализмом янки, Куба согласна пойти на риск и взять на себя долю от-

ветственности за установку советских ракет. У Рапидова и Маршала Советского Союза Бирюзова сложилось мнение, что кубинское руководство расценивало свои действия как помощь Советскому Союзу в достижении его целей, а не наоборот.

Вскоре после возвращения нашей делегации в Москву состоялось новое заседание Президиума ЦК КПСС по этому вопросу. Его решения как раз и явились основой для реализации плана операции «Анадыр» в жизнь.

Вот запись об этом заседании:

«10 июня 1962 г. в 10.00. Присутствовали все члены Президиума ЦК КПСС, кандидаты в чл. Презид., тт. Громыко А.А., Малиновский Р.Я., Захаров М.В., Епишев А.А., Бирюзов С.С., Чуйков В.И. и секретари ЦК.

Заслушав о результатах поездки на о. Куба тов. Рашидова Ш.Р. и Бирюзова С.С., состоялось обсуждение существа вопроса, после этого т. Малиновский Р.Я. зачитал ранее подготовленную Министерством обороны записку, и все проголосовали “за”».

Еще в начале работы по планированию Баграмян выделил от штаба тыла генерал-лейтенанта Пилипенко в группу генерала Грибкова. Сам Иван Христофорович был полностью в курсе дел, потому что присутствовал на заседаниях Совета обороны. После утверждения предложений Генерального штаба он повседневно занимался реализацией плана операции «Анадыр». Все осуществлялось совместно с Генеральным штабом. Начальник Генерального штаба маршал Захаров непосредственно заниматься «Анадырем» поручил своему заместителю, генерал-полковнику Иванову и генерал-лейтенанту Горькову.

Большую сложность представляли расчеты по погрузке войск на суда Министерства морского флота. Его министр В.Г. Бакаев выделил для работы по операции «Анадырь» заместителя начальника одного из главных управлений министерства Е. Карамзина, прекрасно разбиравшегося в интересующих нас вопросах. Он предложил:

— Сделаем так. Здесь у меня планы всех судов тех классов, которые будут поданы вам под погрузку войск и техники. Вы будете называть количество людей и военной техники с указанием ее габаритов, а я буду их «размещать» на судах. Скажу, где и что ставить, сколько ставить, куда поместим вапих воинов со всем их добром.

Это была долгая, изнурительная работа, которой не виделось конца, но она была необходима. Надо было выполнить 150 корабле-рейсов.

Все отработанные данные направлялись в порты погрузки начальникам оперативных групп Генерального штаба, находившимся там. Одновременно главнокомандующим видами вооруженных сил отдавались распоряжения, какие подчиненные им части и когда направлять в порты погрузки.

Нужно отметить, что телефонные разговоры с оперативными группами в местах погрузки были строжайше запрещены. При необходимости принять действенные меры или решить какой-либо важный вопрос из Москвы выезжали генералы или офицеры соответствующего управления и на месте разбирались, что и как делать.

Перевозка личного состава и техники морем производилась на пассажирских и сухогрузных судах торгового флота из портов Балтийского, Черного и Баренцева морей (Кронштадт, Лиепая, Балтийск, Севастополь, Феодосия, Николаев, Поты, Мурманск).

В портах погрузки личный состав готовил технику и имущество к перевозке по морю. В этот же период

капитаны судов со всем личным составом морских эскадронов проводили занятия по технике безопасности при погрузке и разгрузке вооружения и имущества. Особое внимание обращалось на приобретение навыков подъема, размещения и крепления техники на судах. Проводились инструктаж о правилах поведения личного состава в случаях стихийных бедствий, обучение правилам пользования индивидуальными и групповыми средствами спасения на море.

Время на погрузку одного морского транспорта с использованием порталных и судовых кранов составляло 2—3 суток. При этом тяжелая техника (танки, САУ, спецмашины) грузилась в нижние трюмы, а более легкая техника и автомашины — в твиндеки и на палубы. Для перевозки одной дивизии ПВО требовалось 12 судов водоизмещением 15—17 тыс. т, мотострелковый полк (три мотострелковых батальона и танковый) должен был перевозиться тремя грузовыми и двумя пассажирскими судами.

Чтобы представить сложность подготовительной работы Баграмяна и служб тыла, покажу только одну его заботу: всего отправлялись 51 тыс. человек, и всех надо было для маскировки переодеть в гражданскую одежду! У Баграмяна были резервы в службе вещевого снабжения, но все они представляли военное обмундирование. Он не мог предположить, что ему придется осуществлять такое массовое переодевание в штатские рубашки, брюки, пиджаки, ботинки. К тому же в короткий срок. Но все были экипированы вовремя.

Теперь представьте — чем кормить эту армаду? Путь ее продлится 25—30 дней на расстояние более 10 тыс. километров, никаких баз снабжения, подсобных хозяйств на этой дистанции нет. Все надо брать с собой сразу. Да и на месте прибытия, как говорится, не к теще в гости приехали, самим кормиться придется.

А с горючим как быть? Потребность в нем немалая. Причем всем разное — автомашинам, танкам, самолетам. В чем везти? Где заливать? Где сливать? Какие меры безопасности?

У неспосвященного (у меня, например) — голова кругом от таких ребусов.

Но у маршала Баграмяна все службы работали четко, достигалось это предельным напряжением сил тылови-ков на всех уровнях.

С транспортировкой горючего разрешили трудности оригинально, быстро, просто и дешево, без дополнительных затрат: снимали цистерны с колес и грузили в трюмы сухогрузов! Без перекачки, без создания новых емкостей, просто и остроумно.

Случались небольшие неувязки, без этого не бывает. Однажды произошла даже комическая ситуация. Проверяющие из Политуправления в одном из портов обнаружили и доложили начальнику Генштаба:

— У тылови-ков беспорядок: при погрузке валяются на пирсе лыжи, валенки.

Начальник Генштаба спросил Баграмяна:

— Иван Христофорович, что там твои хозяйственники имущество разбрасывают?

Баграмян с улыбкой ответил:

— Я очень рад, что это заметили. У нас маскировка идет под учения на севере. Вот я и приказал для дезинформации посторонних взоров разбросать несколько лыж и валенок.

Захаров посмеялся, одобрил:

— Ну, Иван Христофорович, ты и в современных условиях опыт Гражданской войны применяешь.

В целях дезинформации, когда комфортабельный теплоход «Нахимов», на котором было размещено около 2 тыс. военнослужащих, уходил из Черного моря, в газете «Заря Востока» была помещена небольшая заметка:

«На теплоходе “Нахимов” впервые отправляются туристы на Кубу». Расписано, сколько палуб, ресторанов, бассейнов и других удобств. А эти так называемые туристы — в основном, молодые солдаты, не успевшие отрастить себе прическу. Они были вынуждены любоваться красотами природы не с палуб, а из иллюминаторов.

Приведу пример, как четко работали исполнители приказов. Вот цитата из воспоминаний маршала Язова, в дни проведения операции «Анадырь» он был полковником, командиром вновь создаваемого полка:

«...под расписку вручили директиву, началась бурная работа по формированию отдельного мотострелкового полка.

В разработке плана формирования полка непосредственное участие принял начальник штаба дивизии полковник С.И. Сидоренко. Офицеры и личный состав подбирались со всего округа, но костяк составлял полк, которым я командовал. Техника поставлялась только новая, непосредственно с заводов-изготовителей. Автомобили “ЗИЛ” своим ходом шли из Москвы, “ГАЗ-66” поступали эшелонами с ленинградской базы хранения, самоходные артиллерийские установки (САУ) также поставлял округ. Одновременно с получением техники проходило реформирование подразделений.

В конце июня меня и начальника артиллерии подполковника Н.Е. Титаренко вызвал к себе начальник штаба округа генерал-лейтенант А.М. Паришков. Доложив командиру дивизии о вызове, в шесть часов утра я и Н.Е. Титаренко на газике выехали в Ленинград.

В штабе округа пропуска нам уже были заказаны. Алексей Михайлович ждал нас в кабинете. Он был немногословен.

— Вылетайте в Лиенаю. Сегодня туда прибывает танковый батальон, танки Т-55А, командир бата-

льона подполковник Анатолий Сергеевич Ширяев из Киевского военного округа. Из Московского военного округа туда прибывает отдельным эшелоном батарея ПТУРС "Малютка". Командир батареи капитан Г.С. Дихтяр. Проведите строевой смотр. Составьте акты приема техники и личного состава в шести экземплярах. Погрузкой и отправкой в район учения занимаются Главный штаб Сухопутных войск и Генеральный штаб. Все ясно?

— Ясно!

Вот документы, командировочные предписания, пропуска на военно-морскую базу и билеты на рейс. Вылет в 11.00 с Пулковского аэропорта. Вашу машину оставьте в комендатуре. Вас отправят на гостевой "Волге".

В Лиенае мы без приключений добрались до военно-морской базы. Через час эшелоны начали прибывать один за другим. С первым прибыл командир танкового батальона подполковник А.С. Ширяев — бодрый, энергичный, подтянутый. Он коротко доложил о составе батальона, о себе, как и я, он был фронтовиком.

Строевой смотр провели на другой день на строевом плацу базы. Был задан единственный вопрос: "Куда отправляемся?" Я отвечал, что на учения, в какой район — узнаете позднее.

Вместе с командиром базы и капитаном теплохода "Красноград" мы осмотрели корабль. Пришли к выводу, что необходимо провести большие работы по подготовке помещений, чтобы личный состав мог в пути учиться и отдыхать.

Вернувшись в Ленинград, я доложил начальнику штаба округа, что принял в состав полка танковый батальон и батарею ПТУРС. В штабе получил информацию о том, сколько будет выделено транспорта, какие необходимо провести мероприятия по подготовке подразделений и как лучше обеспечить полк всем необходимым для дли-

тельного самообеспечения в отрыве от постоянных баз снабжения...

В начале июля формирование нового полка было закончено. Солдаты были как на подбор, второго и третьего годов службы. Особенно хорошую выучку прошли воины из северных дивизий, на одиночных стрельбах и тактических учениях они показывали высокие результаты...

В штабе дивизии на основании директивы штаба округа нам выделили сухогрузы “Ковров”, “Сретенск”, теплоходы “Эстония” и “Победа”. “Красноград” уже из Лиенаи вышел в море.

В конце июля — начале августа началась погрузка в железнодорожные эшелоны на станции Громово, что в семи километрах от Саперного. Первым уходил 1-й мотострелковый батальон Виктора Еремина, недавнего выпускника академии им. М.В. Фрунзе. Провожających было много: жены, дети, сослуживцы, родители, друзья и, конечно же, начальники. Был какой-то особый настрой, играл оркестр, все шутили, и тени уныния не было на лицах.

Эшелоны уходили каждые два-три дня, все меньше оставалось техники на танкодроме, все меньше людей оставалось в городке. Я с остальными, а их насчитывалось 500 человек, убыл из Саперного 18 августа.

Городок моряков, где нам предстояло разместиться, был безлюдным. Распоряжался в городке представитель Генерального штаба, он и встречал, и размещал, и советовал, кому в какое гражданское платье переодеться. На переодевание ушли сутки, солдаты да и офицеры не узнавали друг друга. В шутку стали называть себя “аграриями”, специалистами по сахару. Я до самого последнего момента ходил в форме, переоделся в гражданское только на “Победе”.

(Кстати, “Победа” — это тот самый лайнер, на котором некоторые читатели, наверно, совершали туристические поездки.)

“Победа” бросила якорь на большом рейде. Сразу же приступили к погрузке продовольствия, медицинского имущества и оборудования, боеприпасов, оружия. В 24.00 подошли паромы для перевозки людей из Кронштадта к “Победе”. Я шел на втором пароме. На “рейде большом” стояла тишина, на легких волнах лениво покачивалась стальная громадина с поднятыми стрелами кранов, через ситец белой дымки все ярче вырисовывались очертания “Победы” и гирлянда огней на спущенном трапе.

Генерал-полковник, два полковника и я поднялись в капитанскую каюту. Капитан представился: “Иван Михайлович Письменный”. Ему вручили телеграмму, подписанную министром гражданского торгового флота и министром обороны.

Генерал вручил два пакета: “Первый откроете после прохода проливов, второй... Впрочем, об этом узнаете из первого пакета”. Пригласили в каюту офицера КГБ, и в его присутствии в сейф капитана положили пакеты, опечатав их тремя печатями. Все должны узнать только в море».

Я перечитываю эти цитаты и невольно люблюсь — только у военных такая пунктуальность, собранность, быстрота без суеты в очень сложной и ответственной ситуации.

Дальше опять о работе Баграмяна. У тыловиков тоже все было организовано, без срывов. Запасы материальных средств создавались на срок от 3 месяцев до 1 года. В этой работе Иван Христофорович проявил весь свой талант, опыт и организаторские способности.

Кроме создания запасов материальных средств (продовольствия, горюче-смазочных материалов, вещевого имущества), большая работа была проведена по формированию медицинских учреждений — госпиталей различного профиля, специальных санитарных отрядов, лабораторий.

Недостатки обнаружили в пути, в основном, непредвиденные. Раньше не приходилось снабжать морские переходы на такие большие расстояния, да еще в особых климатических условиях. В трюмах сливочное масло при высокой температуре стало подтаивать, появились масляные лужи.

Едва ли не половина личного состава страдала морской болезнью. (Говорят, всю жизнь страдал адмирал Нельсон, хотя больше времени находился на кораблях, чем на суше.) К счастью, даже страдавшие морской болезнью, за исключением очень редких случаев, не потеряли боеспособности, стойко переносили все тяготы и лишения.

Предприимчивые воины вскрыли две бочки с солеными огурцами и съели их. Это облегчило им качку. Но пришлось устанавливать очередь в невместительные корабельные галюны. Беда одна не приходит. Старшему врачу полка майору А.И. Жирнову вместе с судовым врачом пришлось делать операцию сержанту — приступ острого аппендицита. Прошла нормально.

Выход личного состава на палубу был ограничен, а при подходе к Багамским островам, когда начинались облеты морских транспортов самолетами американских ВВС и сопровождение кораблями США, вообще запрещался. Люки твиндсков, где размещался личный состав, покрывались брезентовыми чехлами. Воздух в таких случаях подавался только по вентиляционным устройствам. Условия пребывания в твиндеках в то время были очень тяжелыми, температура воздуха до-

стигала 50 градусов. Пицца выдавалась два раза и только в темное время. Подышать выходили на палубу ночью, небольшими группами поочередно.

Занятие боевых позиций ракетами и сухопутными войсками, организация взаимодействия с кубинской армией в компетенцию Баграмяна не входили. Этим занимались командующий группой генерал армии Плиев, представители Генерального штаба, командиры наших и кубинских частей.

А повседневным обеспечением продовольствием, горючим и прочими тыловыми потребностями занимался командированный Баграмяном генерал-лейтенант Пилипенко. Самому Ивану Христофоровичу вылететь на Кубу не разрешили: на ваших плечах, сказали ему, все вооруженные силы, десятки военных округов, группы войск, строительство многих жилых и хозяйственных объектов, оборонные заказы в промышленности, заготовки в сельском хозяйстве и многое другое, вам ни на один день нельзя отлучаться из страны.

Организационная структура тыла и снабжения советских войск на Кубе во многом определялись особенностями операции «Анадырь».

Сложилась следующая схема материального обеспечения группировки войск: Центр (Тыл Вооруженных сил) — Группа войск — войсковые части. В соответствии с этой схемой действовали три плеча подвоза.

Центр доставлял грузы морским путем до портов назначения, тыл Группы войск из портов автотранспортом перевозил их на свои склады. Необходимое количество продуктов питания, обмундирования, ГСМ, медикаментов и других предметов довольствия завозилось на полковые склады.

Тыл состоял из нескольких служб и складов с запасами материальных средств, включая автотранспортные, ремонтные подразделения и медицинские учреждения.

Его службами в то время руководили: вещевой — подполковник А.Н. Любивый, продовольственного снабжения — подполковник Н.М. Чухарев, горюче-смазочных материалов — полковник М.Д. Огарков, квартирной — майор Р.Л. Сокур.

Службы тыла Группы функционировали нормально, не допускали срывов в обеспечении войск видами довольствия, помогали полковым службам в организации быта и боевой деятельности личного состава частей и подразделений группировки войск.

Много сил, настойчивости и творческой энергии потребовалось для обустройства войск. Без преувеличения можно сказать, что организацией быта занимались все начальники — от командира до командующего войсками и все имеющиеся службы. В условиях тропического климата Кубы этот вопрос приобретал исключительную важность. Было необходимо в каждой части, на корабле создать оптимальные условия для полноценного отдыха личного состава, чтобы каждый военнослужащий после тяжелого труда и напряженной службы в изнурительных климатических условиях мог быстро восстановить силы и приобрести душевную уверенность.

Важнейшей задачей тыла являлась организация питания личного состава. Убывая на Кубу, все воинские части были обеспечены продовольствием на 45 суток. Продукты питания по нормам довольствия были выданы в ассортименте. Однако во время морского перехода по теплым морям и первых недель пребывания в тропических климатических условиях они начали портиться. Это обстоятельство вызвало беспокойство у Военного совета, командиров, работников тыла. Медицинская служба совместно с продовольственной производила выбраковку испорченных продуктов, остальные после тщательной переборки шли в пищу. По мере поступления из Советского Союза продовольствия и

холодильных установок острота проблемы постепенно спадала.

Со временем пиццешколки стали работать лучше, качество пицци повысилось, расширился ассортимент продуктов. Из местных сельскохозяйственных кооперативов стали поступать птица, рыба, овощи, фрукты.

Пицца готовилась в полевых кухнях, хлеб пекли в полковых хлебопекарнях. Во многих частях с помощью кубинцев были созданы прикухонные хозяйства по разведению свинопоголовья, что обеспечивало увеличение мясного рациона в суточных нормах питания.

Для эффективной организации бытовых условий имелась необходимая, хорошо подготовленная база. Каждая войсковая часть автономно, без особой помощи была в состоянии осуществить размещение, помывку личного состава, организовать трехразовое питание, отдых и медицинское обслуживание личного состава.

В тыле мотострелкового полка функционировали служба горюче-смазочных материалов, продовольственная и вещевая службы, а также мастерские по ремонту обуви и обмундирования.

В полку работали две столовые (офицерская и солдатская), хлебопекарня. Транспортные перевозки обеспечивала автомобильная рота. Штат тыла состоял из 55 военнослужащих, в том числе 8 офицеров и 6 служащих. Медико-санитарное обеспечение выполняла медицинская служба в количестве 18 человек (в том числе 3 офицера-врача).

На Кубе железнодорожная сеть не развита, поэтому вся тяжесть перевозок материальных средств внутри острова приходилась на автомобильный транспорт.

С прибытием советских войск интенсивность эксплуатации автомобильных дорог значительно возросла. Из портов разгрузки вся специальная боевая техника,

аппаратура, военное имущество перевозились к месту дислокации на гусеничных и колесных машинах.

От водителей требовались особое внимание и профессионализм.

С раннего утра до позднего вечера, а иногда круглосуточно армейские машины находились в рейсах. Частые дожди осложняли движение автотранспорта.

В ходе воинских перевозок ежедневно несколько сотен машин находились в рейсах. Требовался подвоз горюче-смазочных материалов, продуктов питания, питьевой воды и воды для хозяйственных нужд. Большая нагрузка ложилась на плечи водителей, которые с высокой самоотдачей, как в босвой обстановке, несли свою нелегкую службу.

Объем работ, выполненных тылом в тех тяжелых условиях, очень велик. Только за первые четыре месяца было построено более 350 километров посейных и грунтовых дорог, подъездных путей к боевым порядкам войск. За этот период перевезено на автомобильном транспорте из морских портов к местам дислокации войск свыше 300 тыс. тонн различных грузов военного и бытового назначения.

Не стану обременять читателей сложными политическими, дипломатическими, разведывательными материалами, объединенными в одно название — «Карибский кризис». Они к службе тыла, возглавляемой Баграмяном, прямого отношения не имеют. Но приведу финал, «развязку» столкновения двух систем, которая едва не привела к ядерной войне и мировой катастрофе.

Как и следовало ожидать, американская разведка выявила доставку ракет на Кубу, и США начали предпринимать контрмеры.

Американцы рассчитывали осуществить вторжение на Кубу одновременным внезапным ударом крупных

сил флота, авиации и сухопутных войск с основных десантно доступных направлений с целью расчленения РВС на отдельные изолированные группировки и овладения островом.

Для того чтобы воспрепятствовать оказанию Кубинской Республике помощи извне, предусматривалась блокада острова на дальних и ближних подступах.

Всего силы вторжения насчитывали до семи дивизий, до 600 танков, свыше 2000 орудий и минометов, до 12 НУРС «Онест Джон». К операции планировалось привлечь также до 140 кораблей и 430 истребителей-бомбардировщиков и палубных штурмовиков.

22 октября в 19.00 по вашингтонскому времени президент Д. Кеннеди выступил по радио и телевидению с обращением к нации, в котором охарактеризовал обстановку в Карибском бассейне, указал на опасность установки советских ракет на Кубе. В заключение своей речи президент сказал, что будет рассматривать любой пуск ракеты с ядерной боеголовкой с территории Кубы в направлении территории какого-либо государства Западного полушария как удар Советского Союза по Соединенным Штатам, требующий ответного удара по территории Советского Союза в полном объеме всеми имеющимися средствами.

Это выступление президента и предпринятые вслед за ним правительством США дипломатические и военные шаги явились кульминационным моментом Карибского кризиса. Две великие державы, столкнувшись в единоборстве, находились в полушаге от катастрофы, от кровавой ее развязки.

Судите сами, что ожидало каждого человека (и не только в СССР и США, а на всей планете), если бы взорвались подготовленные атомные бомбы и ракеты. Напомню, каждая из них мощнее взорванных в Хиросиме и Нагасаки в десятки и даже сотни раз!

Ученые предсказывали всемирную катастрофу: от массовых атомных бомб произойдет цепная реакция, вспыхнет и сгорит атмосфера земного шара, в основном состоящая из кислорода. И даже если атмосфера выдержит этот удар, радиация после взрывов погубит все живое на Земле. Я думаю, доказывать этот фактический конец света не надо, достаточно припомнить то, что произошло в Чернобыле. А там был не взрыв — выплеск реактора. Его смертоносные последствия и сегодня и еще сотню лет будут губить людей и окружающую природу на сотни километров.

Мощности наших 40 ракет Р-12 и Р-14, завезенных на Кубу, хватило бы для того, чтобы накрыть всю территорию США от Тихого до Атлантического океана. И конфликтующие стороны поняли (слава Богу!) эту вселенскую угрозу в случае их неразумных решений.

В Москве заседания Президиума ЦК КПСС проходили ежедневно. На них тщательно оценивалась обстановка, выработывались различные варианты решений, вытекавших из нее.

Брат президента, Роберт Кеннеди встретился с послом СССР в США А.Ф. Добрыниным и от имени президента заявил устный ультиматум — если советские баллистические ракеты не будут немедленно убраны с Кубы, США вынуждены начать боевые действия против нее не позднее, чем в первые дни следующей недели, т.е. 28 или 29 октября. Он добавил также, что президент во что бы то ни стало хочет избежать войны, но с каждым часом риск военной катастрофы возрастает. Сторонам нужно договориться в ближайшие часы.

Как только Хрущев получил сообщение Добрынина о заявлении Д. Кеннеди, было принято решение немедленно дать позитивный ответ, тем более что в обмен на вывод ракет президент США гарантировал ненападение

на Кубу не только самих Сосдиненных Штатов, но и их союзников.

Было решено передать ответ по Московскому центральному радио открытым текстом. Промедление было подобно смерти. Вот выдержка из обращения Хрущева к президенту Кеннеди, переданного по радио и опубликованного в газете «Правда» 28 октября 1962 года:

«Думаю, что можно было бы быстро завершить конфликт и нормализовать положение, и тогда люди вздохнули бы полной грудью, считая, что государственные деятели, которые облечены ответственностью, обладают трезвым умом и сознанием своей ответственности, умением решать сложные вопросы и не доводить дело до военной катастрофы.

Поэтому я вношу предложение: мы согласны вывезти те средства с Кубы, которые Вы считаете наступательными средствами. Согласны это осуществить и заявить в ООН об этом обязательстве. Ваши представители сделают заявление о том, что США, со своей стороны, учитывая беспокойство и озабоченность со стороны Советского государства, вывезут свои аналогичные средства из Турции...»

Президент США не замедлил с ответом:

«Уважаемый господин председатель! Я сразу же отвечаю на Ваше послание от 28 октября, переданное по радио, хотя я еще не получил официального текста, так как придаю огромное значение тому, чтобы действовать быстро в целях разрешения кубинского кризиса. Я думаю, что Вы и я при той огромной ответственности, которую мы несем за поддержание мира, сознавали, что события приближались к такому положению, когда они

могли выйти из-под контроля. Поэтому я приветствую Ваше послание и считаю его важным вкладом в дело обеспечения мира...»

Слава Богу, конфликт был исчерпан!

На Баграмяна и его службу тыла свалились заботы при обратной перевозке войск, ракет, всего, что передавали кубинцам. Обращаю внимание лишь на то, что на Кубу маршал отправлял все это со своей территории, имея в распоряжении все свои тыловые учреждения, а при возвращении их на Кубе не было.

Помогали кубинцы? Да, помогали. Но учтите и психологический фактор после всего случившегося. Помощь была со скрипом, не от души. Фактически мы их обрекли на еще большие неприятности, и теперь, как говорится, умываем руки. Но, как бы ни было трудно, все вывезли, без потерь среди личного состава и ракетного вооружения. Был приказ передать кубинской армии танки, зенитные орудия, машины, стрелковое оружие, и не только передать, но и научить кубинских солдат и офицеров пользоваться всем этим.

Приведу еще цитату из книги Язова «Удары судьбы»:

«Я почувствовал какую-то опустошенность. Полк перестал существовать как боевая единица. Я догадывался: ликвидационный акт утвердят, сопоставив то, что мы получили, с тем, что передали кубинцам. Поэтому я пригласил в Гавану начальников служб материально ответственных с документами. В течение двух дней они решили все вопросы. Казалось, все вопросы решены, но, когда возвратились в Ольгин и стали готовиться к отъезду, по радио предупредили: надвигается ураган, имя ему "Флора". Ураган сопровождался ливнями, реки вышли из берегов, так мы оказались отрезанными от

Сантьяго-де-Куба. К исходу 28 сентября ураган затих, переместился в сторону Мексиканского залива. Из Гаваны сообщили: “Белицк” вышел, утром 30 сентября встречайте у причала в Сантьяго-де-Куба.

Когда мы загрузились, снова сгустились тучи, это ураган “Флора”, развернувшись в Мексиканском заливе, опять пошел в сторону провинции Ориенте.

“Белицк” бился о стенки причала, и капитан принял решение встать в заливе на два якоря. Новый теплоход за несколько часов из “белой чайки” превратился в ржавую посудину. На восьмые сутки ветер затих, и вся эта круговерть, которая обмывала нас больше недели, начала рассеиваться и ослабевать. Мы просигналили, попросили, чтобы к нам подошел катер. Через час на катере я направил Мороза в штаб армии доложить обстановку. У нас осталось продуктов всего на 12 суток. Как потом рассказал Александр Иванович, проехать по городу было непросто. Вырванные с корнями деревья завалили улицу.

В заливе простояли девять суток, и, положившись на единодушный порыв “вперед!”, мы вышли в открытое море, до дома оставалось 15—16 суток. Не успели отойти на несколько миль от залива, как над нами пронеслись два боевых самолета США. В течение дня они кружили над теплоходом. Солдаты бросали в самолеты гнилую картошку, дескать, нас не запугаешь.

Теплоход “Белицк” по сравнению с “Победой” имел приличную скорость. Судно было не загружено, и потому его болтало, иногда винт оголялся и бился о волны. Особенно густым туман был при подходе к Ла-Маншу. Гудок за гудком плыл над туманной гладью, этот звук сеял в душе тревогу и смятение.

Предчувствие меня не обмануло. В калининградском порту увидел странную картину, из машины высаживаются солдаты, вооруженные карабинами. Пока мы

пришвартовывались к причалу, нас по всему периметру окружили вооруженные солдаты.

Когда спустили трап, я представился генералу, поинтересовался, что сие означает. Почетный караул или встреча уголовников? Он ответил: “Я не знаю, кто вы, предъявите документы. Я требую переодеть всех в военную форму. Только тогда разрешу оставить корабль”.

Пришлось объяснять, обмундирование не надевали больше года, и видеть солдат в панاماх, в шинелях с воротничками, объединенными крысами, зрелище грустное. Генерал ответил: “Я выполняю приказ”.

Объясняться дальше было бесполезно. Поднимаясь по трапу, впервые призадумался: “Кто же ты, Россия, своим детям? Мать? Мачеха?” Собрал в твиндеке офицеров и объявил: “Час на переодевание”.

Привезли нас в городок мотострелковой дивизии. Надо отдать должное генералу Андрею Власовичу Боллибруху, начальнику штаба армии: организовал работу так, что даже ночью машинистки печатали проходные свидетельства. Офицерам выписывали направления в те округа, из которых они прибыли: в Ленинградский, Киевский, Московский.

24 октября я в последний раз построил полк и вручил всем документы. С каждым солдатом и офицером попрощался по-братски. У многих непрошено навернулись слезы на глазах. Мы понимали, что слово “кубинец” станет символом для нас, как позже — “афганец”».

Генерал армии Грибков рассказал мне такую подробность о тыловом завершении операции «Анадырь»:

«Когда после кризиса, в конце ноября, я прилетел с Кубы, где был представителем Министерства обороны, состоялся обстоятельный разговор с Иваном Христофоровичем о положении дел с материальным обеспечением

группы войск. Он в тот же день собрал начальников по всем видам довольствия и дал им необходимые указания по улучшению состояния дел в тыловом обеспечении. Через несколько дней он отправил группу офицеров из всех служб тыла на Кубу, с тем чтобы они на месте разобрались и приняли необходимые меры по всем возникающим вопросам».

Так завершилась эта кубинская авантюра Хрущева. Имела она соответствующие неприятные последствия и для Никиты Сергеевича. Его экстравагантные решения и выходки пресекли товарищи по партии: 14 октября 1964 года на Пленуме Президиума ЦК КПСС Хрущев был освобожден от должности Первого секретаря ЦК партии за «субъективизм и волюнтаризм».

В медицине существует предположение, что скоропостижная форма раковой болезни возникает из-за сильного стресса. Последствия неудачной операции «Анадырь» явились большим стрессом для некоторых военачальников, ответственных за ее проведение: через 5 лет в марте 1967 года скончался от рака маршал Малиновский, через 8 лет умер бывший Верховный главнокомандующий Хрущев, вслед за ним — бывший начальник Генштаба маршал Захаров.

Ивана Христофоровича тоже не миновали стрессовые переживания. Неслучайно он сказал: «Много мы пережили в типичные после войны». Службы тыла на всех этапах операции «Анадырь» полностью справились со своими обязанностями. Но осуществить все это было очень и очень нелегко.

Он продолжал работать в должности начальника Тыла Вооруженных сил и заместителя министра обороны до 1968 года.

После смерти Малиновского министром обороны (в апреле 1967 года) был назначен маршал Гречко Ан-

дрей Антонович, ученик Баграмяна по академии Генштаба. Гречко очень уважал Ивана Христофоровича, но годы шли, Баграмяну скоро исполнится 70 лет, а в армии насчет предельного возраста службы существует определенный порядок, и, как бы ни было неприятно, министр обороны однажды завел разговор на эту тему:

— Какие планы на будущее, Иван Христофорович?

Баграмян понял намек и, чтобы облегчить разговор министру, прямо сказал:

— Отмечу 70-летие, отпраздную День Победы в масе и подам вам рапорт об освобождении от должности.

Гречко выполнил пожелание Баграмяна, после этих праздников принял его рапорт, а Политбюро ЦК КПСС удовлетворило просьбу маршала Баграмяна об освобождении от должности заместителя министра и начальника Тыла Вооруженных сил СССР. Министр обороны назначил маршала Баграмяна в январе 1968 года Генеральным инспектором Группы инспекторов при министре обороны. Сам Баграмян об этой крутой перемене в службе сказал:

«Первое время я переживал, что переход от такой бурной деятельности к более спокойной будет для меня нелегким, а теперь убедился, что принял правильное решение и ныне живу полной жизнью. Мне приятно сознавать, что я успел осуществить основные замыслы по перестройке и совершенствованию Тыла Вооруженных сил. Моему преемнику остается лишь дальше совершенствовать тыловое обеспечение».

Должность Баграмян передал своему первому заместителю генерал-полковнику Маряхину В.В., которого высоко ценил и считал достойным преемником.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ИНСПЕКТОР

Постановлением Совета Министров СССР от 30.01.1958 года была создана Группа генеральных инспекторов Министерства обороны СССР с задачей: использовать в интересах обороны страны накопленные знания и опыт лиц высшего руководящего состава. На должности генеральных инспекторов назначались маршалы Советского Союза, адмиралы флота Советского Союза, главные маршалы видов вооруженных сил и родов войск.

На должности военных инспекторов-советников назначались генералы армии, маршалы видов вооруженных сил и родов войск и адмиралы флота. Их работой были выезды в войска на маневры, командно-штабные и другие учения, разработка и изучение важнейших вопросов строительства вооруженных сил, теории военного искусства, чтение лекций, руководство государственными экзаменационными комиссиями в военных академиях и училищах, выполнение личных поручений министра обороны и начальника Генерального штаба.

Приказом министра обороны маршала Гречко от 25.01.1968 года маршал Баграмян назначен Генеральным инспектором. Через год, 10.01.1969 года маршал Баграмян назначен старшим Группы инспекторов.

В этой группе были очень известные и уважаемые военачальники: маршалы Чуйков, Москаленко, главные маршалы Бронетанковых войск Ротмистров, Бабаджанян, генералы армии Лященко, Лучинский и другие.

Наряду с выездами на учения и по различным поручениям министра обороны Баграмян выезжал за рубеж.

Весной 1974 года, когда в Париже начал демонстрироваться советский фильм «Огненная дуга», посвященный Курский битве, французское телевидение решило организовать дискуссию. Для участия в этой дискуссии были приглашены известные французские, английские, немецкие военные историки, среди них западногерманский историк Клинк, автор объемистой и весьма тенденциозной монографии об операции «Цитадель», бывший командир полка 78-й штурмовой дивизии вермахта полковник Холлендер, командир эскадрильи «Нормандия — Неман», участвовавший в Курской битве Пьер Пуйяд.

Вспоминая французских летчиков из полка «Нормандия—Неман», которые в 1944 году сражались под его командованием, Баграмян говорил: «Это были храбрые, верные товарищи. При всей своей занятости я старался лично вручать им боевые награды. Все они в один голос говорили мне, что после войны наступит эра сотрудничества Советского Союза и стран Запада».

Советскую делегацию, возглавляемую маршалом Советского Союза Баграмяном, в которую входили генерал Н. Ломов, полковник Б. Соловьев, на Северном вокзале Парижа встречали высокопоставленные лица из французского Министерства национальной обороны, работники советского посольства, а также представители армянской общины Франции.

Состоялись встречи в ЦК французской компартии, в обществе «Франция — СССР», в культурном союзе французских армян.

Дискуссия в Париже привлекла внимание широкой французской общественности, печати.

В начале дискуссии выступил Пьер Пуйяд. Затем члены западногерманской делегации, не жалея сил, пытались уменьшить значение Курской битвы, победы Советской Армии, пытались смягчить и оправдать злодеяния гитлеровской армии. Они договорились даже до того, что гигантское сражение под Курском пытались сравнить со второстепенной операцией — высадкой англо-американских войск в Сицилии.

Естественно, советские представители дали достойный отпор всем этим инсинуациям. Баграмян со свойственной ему точностью и прямоотой сделал глубокий, обстоятельный анализ Курской битвы, не имевшей себе равных в истории войн, говорил об источниках победы Советской Армии.

— Дискуссия привлекла внимание широчайших кругов общественности Европы, — говорил И.Х. Баграмян. — Учитывая это, многотысячный коллектив французского телевидения даже прервал на время забастовку, чтобы провести передачи из зала, в котором мы заседали. Дискуссия развернулась острая. Ведь на Западе до сих пор в ходу всякие домыслы о Курской битве, причем больше других изощряются западногерманские историки и мемуаристы. Поэтому нашей делегации не раз приходилось неопровержимыми фактами разоблачать и открытые, и тщательно замаскированные попытки фальсифицировать историю.

И в нашей стране были попытки исказить, по-своему истолковать события минувшей войны, исходя из политических, очернительских намерений «демократических» разрушителей Советского Союза. Появились и

добросовестно заблуждающиеся, даже крупные военачальники. Например, маршал Чуйков стал доказывать в печати, что Берлинскую операцию надо было проводить сразу после Висло-Одерской, без паузы и закончить войну на несколько месяцев раньше и с меньшими потерями.

Дискуссия на эту тему приобретала широкий, а главное, нежелательный негативный характер. Была создана специальная комиссия, в которую включен и маршал Баграмян. Комиссия объективно рассмотрела и оценила обстановку тех дней.

Гитлеровское командование спешно готовило контрмеры. Угроза была реальной. Генерал-полковник Гудериан так писал об этом замысле: «Несмецкое командование намеревалось нанести мощный контрудар силами группы армий «Висла» с молниеносной быстротой, пока русские не подтянули к фронту крупные силы или пока они не разгадали наших намерений».

В группе армий «Висла» было до 40 дивизий, да еще в Штеттине находилась 3-я танковая армия, если бы эти силы нанесли удар по тылам фронта Жукова, произошла бы катастрофа. Советские части, ушедшие далеко вперед, израсходовали к этому времени запасы горючего, боеприпасов, продовольствия. Все службы обеспечения отстали. Удар противника пришелся бы именно по ним. Трагическая развязка казалась неотвратимой.

В этих вроде бы безвыходных условиях (резервы Ставки, если бы она их дала, не успели оказать помощь) Жуков проявил исключительную находчивость, связанную с огромным риском. Но риск этот был основан на точных расчетах маршала. Он сам говорил об этом так: «Рисковать следует, но нельзя зарываться».

Войска 2-го Белорусского фронта должны были разгромить гитлеровцев в Восточной Померании и тем обеспечить фланг 1-го Белорусского фронта, но они

не справлялись с этой задачей. Жуков понимал: окончательный исход Висло-Одерской операции и успехи, достигнутые в ней, теперь зависят от ликвидации немецкой группировки в Восточной Померании. Можно было обезопасить свой фланг, прикрыв его частью сил. Но удержат ли они мощный удар группы армий «Висла»? Вот в этом случае будет риск, не подкрепленный расчетом, а по принципу «или — или». Это был не жуковский вариант; он привык решать проблемы с твердой уверенностью в успехе и поэтому принимает решение — развернуть в сторону нависшей угрозы четыре общевойсковые и две танковые армии совместно со 2-м Белорусским фронтом, в короткий срок уничтожить группу армий «Висла» и затем быстро вернуть войска на берлинское направление до того, как противник создаст здесь группировку, способную наносить контрудары.

Легко и просто рассуждать нам о повороте войск на новое направление. Представьте себе, что такое шесть армий и как невероятно трудно повернуть такую армаду для переноса ее ударной силы с запада на север, в сторону Балтийского побережья.

И все это состоялось: и поворот наших армий, и удар по гитлеровской армаде «Висла», и полный ее разгром усилиями войск Жукова и Рокоссовского. К сожалению, нет возможности описывать происходившие там тяжелые и кровопролитные сражения — они длились почти два месяца и завершились нашей победой в конце марта 1945 года.

Если бы не была ликвидирована угроза удара во фланг, 40 немецких дивизий «захлопнули» бы войска Жукова, устремленные на Берлин, и взятие немецкой столицы не состоялось бы.

Все это было разъяснено оппонентам Жукова, и кривотолки были сняты. Мнение Баграмяна, конечно же, имело весомое значение.

* * *

Генерал армии Грибков рассказал мне о встречах с Баграмяном на армянской земле.

— Я был командующим войсками 7-й гвардейской армии в Ереване. Иван Христофорович был депутатом Верховного Совета СССР от Эчмиадзинского избирательного округа — там дислоцировались части 7-й гвардейской армии.

Каждый его приезд в Армению был значительным для меня. Встречи и беседы с ним обогащали меня в вопросах истории армянского народа. Интересны были его рассказы о своем детстве и юношестве, о революционных годах, когда молодому человеку трудно было ориентироваться — кто за красных, а кто за белых. Баграмян избрал верный путь.

Иван Христофорович был внимательным собеседником, всегда выслушивал, не перебивая. Свои обещания в ответ на мои просьбы всегда точно выполнял. В армии всегда были различные проблемы — то ГСМ хотелось иметь побольше для боевой подготовки войск, то палаток новых несгораемых или штабных машин хотелось получить в первую очередь.

Он говорил:

— Напиши мне памятную записку, что тебе необходимо.

Записку он клал в карман и по возможности помогал.

Иван Христофорович любил свою малую родину — Армению и большую родину — Советский Союз.

Как-то в 1966 году прилетел в очередной раз в Ереван, а в это время намечался Пленум ЦК Компартии Армении. Я тогда был членом ЦК и членом Бюро ЦК, депутатом Верховного Совета Армении. На этом пленуме намечалось освобождение Первого секретаря ЦК За-

робяна и избрание нового Первого секретаря, Антона Ервандовича Кочиняна.

Иван Христофорович сказал мне, что он не имеет желания присутствовать на этом Пленуме как член ЦК КПСС. Да и вы, прибавил он, Анатолий Иванович, скажите о своей занятости по службе, чтобы нам с вами не сидеть и не слушать, как он выразился, «перебранку» за власть. Так мы и сделали. Иван Христофорович попросил меня свозить его на реку Аракс, чтобы посмотреть поближе на гору Арарат и на старые земли Армении. Мы отправились в район Маркары, на границу, туда, где мост через Аракс разделен белой пограничной полосой.

Предварительно я предупредил начальника погранзаставы о нашем приезде и сказал ему, чтобы были приняты меры безопасности. Он так и сделал. На всякий случай по обе стороны от въезда на мост разместили снайперов и автоматчиков.

Баграмян заслушал начальника погранзаставы об охраняемой границе, о поведении турок на границе и затем спросил:

— А можно пройти по мосту до белой линии?

— Конечно, можно. Вам все можно, товарищ маршал.

И вот мы втроем вступили на этот мост и дошли до линии, отделяющей Советский Союз от Турции. Иван Христофорович одной ногой переступил за белую линию, с минуту молча постоял, мы тоже молчали, не мешали его думам, и затем сказал:

— Вот я и побывал на исконно армянской земле, мысленно оказался в Карсе и других памятных местах, где пришлось воевать.

Потом, когда мы сидели у пограничников на заставе и пили чай, Иван Христофорович рассказал нам о том, как он в составе 1-го Армянского кавалерийского полка

сражался против наступавших на Закавказье турецких войск в районе Карса, а затем участвовал в Сардарабадском сражении. Иван Христофорович говорил, что армянский народ никогда не забудет турецкого геноцида, когда было уничтожено около 1,5 миллиона мирных жителей Армении. Он с любовью отзывался о русских солдатах, которые спасали от смерти стариков и детей. Баграмян был в полном смысле интернационалистом. Где бы он ни работал, он всегда подчеркивал необходимость крепить дружбу между народами, особенно с русским народом.

Прошло много лет после моей службы в Закавказье, и сегодня, когда рассказываю вам о встречах с Баграмяном, о полюбившейся мне Армении и армянском народе, думаю о том, что случилось в конце 1980-х и начале 1990-х годов в этой республике. Откуда такой взрыв ненависти к своим соседям? Откуда нелюбовь некоторой части армян к русским?

Когда читаю сообщения из Армении, с трудом верю в то, что там происходит. Как это могло случиться? Кто толкнул народы на межнациональную вражду, посягнул на вековую дружбу между соседями, особенно с русским народом? Кто разжигает враждебное отношение к напему солдату, к российской армии, к которой армянский народ всегда относился с величайшей любовью? История знает множество примеров, когда именно русский солдат спасал армянский народ от физического уничтожения.

Свои чаяния об освобождении от многовекового ига Турции и Персии армянский народ всегда связывал с Россией.

Мне вспоминаются высказывания великих армянских мыслителей, ученых, писателей, художников, артистов, которые завещали своему народу как зеницу ока сохранять и преумножать дружбу народов.

Великий писатель и просветитель Хачатур Абовян писал: *«Армяне мои, благословляйте приход русских и сами живите душа в душу, любите друг друга, уважайте друг друга взаимно — вспомните предков наших...»*

...Да будет благословен тот час, когда русские благословленной своей стопой вступили на нашу землю и развеяли проклятый злобный дух кизилбашей...

...Пока есть у нас дыхание на устах, день и ночью должны мы вспоминать пережитые нами дни и, увидя лицо русского, всякий раз перекреститься и прославить бога.

...Русские восстановили Армению. Как возможно армянам, пока дышат они, забыть деяния русских?»

Он призывал армянский народ приобщаться к науке путем тесного сближения с русской культурой и в первую очередь овладеть знанием русского языка. *«Этим, только этим и никакими другими средствами сможем мы объединиться с великой русской нацией, имя которой всем, даже иноземцам, внушает любовь...»*

Мне кажется, лучших слов о важности дружбы наших народов не найти. С ним перекликался Ованес Туманян, который писал, что *«наше будущее, как я и говорил всегда, и вы это знаете, связано с Россией, а чем свободнее будет Россия, тем лучше для всего мира»*. Запечатательные слова, лучше не скажешь.

Хочу привести слова друга Баграмяна, художника Мартироса Сарьяна: *«С самых первых дней пробуждения моего сознания наряду с армянским языком я изучал, как родное и дорогое, русский и украинский языки. Воспитывался я в семье, где со стороны старших в детях внедрялась любовь к своему народу и уважение к человеку труда, к какой бы национальности он ни принадлежал»*. И далее М. Сарьян писал: *«И сегодня, вспоминая, как в далекие годы детства мой отец и его русские и украинские друзья вместе трудились и помогали друг другу,*

меня охватывает радостное чувство гордости за великую дружбу народов Советского Союза — залог счастья и радости простых людей мира».

Генерал армии Грибков в конце нашей беседы сказал:

— Хочется пожелать армянскому народу крепить взаимную дружбу Армении и России. Эта дружба всегда выручала в трудное время. Счастья вам и процветания. Верю, что очень скоро Армения и Россия снова будут стоять в одном строю.

Я счастлив, что так близко знал и общался с выдающимся полководцем Великой Отечественной войны — Иваном Христофоровичем Баграмяном — и проходил воинскую службу на его родине.

Сам Баграмян, будучи интернационалистом, в книге «Мои воспоминания» так писал о российско-армянском братстве:

«Западные армяне, которых в середине XIX века было около трех миллионов, на историческом опыте убедились, что с присоединением Восточной Армении к России она стала развиваться, как составная часть великой державы, а русские армяне, как их тогда называли, в отличие от турецких армян, находятся в несравненно более благоприятных условиях общественно-политической и национальной жизни, испытывая благотворное воздействие прогрессивной культуры и освободительной борьбы русского народа.

Как среди восточных, так и среди западных армян постепенно утвердилась надежда, что при содействии Российского государства они, возможно, смогут создать автономию или самостоятельное армянское государство. Западные армяне мечтали об освобождении от султанского ига и объединении со своими восточными братьями. Так, издавна, еще со времен Петра Великого,

возникла и в последующем развилась русская ориентация армянского народа.

Армянской молодежи, вступившей в жизнь в начале ХХ века, старшие постоянно рассказывали о положительной роли России в жизни нашего народа. Нам не раз говорили и о том, что многие сыны Армении еще в прошлые века добровольно вступали в Русскую армию, доблестно сражались бок о бок с русскими солдатами. Мы знали о генерале Мадатове, который участвовал в составе армии Кутузова в разгроме войск Наполеона, а в последующем стал одним из видных военачальников Русской армии, освободившей часть территории Закавказья, находившейся под персидским господством. Нам говорили о генерале Бебутове, который во главе русского экспедиционного корпуса принимал участие в разгроме турецких войск на Кавказе во время Крымской войны, о генералах-армянах Лорис-Меликове, Лазареве, Тер-Гукасове, Алхазове, Шелковникове и других, которые, командуя в русско-турецкой войне 1877—1878 годов крупными соединениями войск на Кавказском фронте, выиграли не одно блестящее сражение, прославившее русское оружие.

Будучи уверены, что освобождение Западной Армении связано лишь с помощью России, на основе братского союза с великим русским народом, широкие круги армянского народа с самого начала русско-турецкой войны создали для участия в боевых действиях ряд добровольческих отрядов, которые плечом к плечу с русскими воинами самоотверженно сражались против турецких орд».

* * *

В группе инспекторов у Баграмяна появилось больше свободного времени. Он чаще бывал в театрах, особенно в Художественном. Навещал Центральный дом литераторов. Писатели приглашали полководцев на

традиционные встречи, бывали у нас маршалы Жуков, Чуйков, адмирал Холостяков.

На День Победы 9 мая 1976 года пригласили маршала Баграмяна.

Эти праздники мы проводили без торжественных речей, по-своему, по-писательски: сотрудницы Дома литераторов переодевались в военную форму, надевали «кирзачи», разворачивали в фойе госпитальную палатку, в которой накрывали столик с алюминиевыми кружками, нарезали соленые огурцы. Каждого прибывающего ветерана (или гостя) встречали «наркомовскими» стаграммами в кружке и кусочком огурца на закуску.

Затем, когда все были в сборе, председатель секции военной и военно-морской литературы полковник в отставке Матвей Крючкин, по случаю праздника в офицерской форме, подавал команду:

— Становись!

Писатели выстраивались в две шеренги (в последующие годы, по мере убытия ветеранов в мир иной, строились в одну шеренгу).

— Равняйся! Носочки, носочки на одной линии! Грудь четвертого человека! Онисим Прут, подтяни живот! Ошанин, не высовывай свои очки!

Крючкин командовал с особым строевым шиком. Он знал много армейских присказок и прибауток, построение было веселым, жизнерадостным.

И какой это был уникальный строй! Борис Полевой, Константин Симонов, Юрий Бондарев, Сергей Смирнов, Александр Чаковский, Владимир Бушан, Сергей Наровчатов, Михаил Алексеев, Иван Стаднюк, Александр Кривицкий, Константин Ваншенкин, Михаил Львов, Михаил Колесников, Евгений Долматовский, Вадим Кожевников, Василий Субботин, Анатолий Рыбаков...

Всех перечислить не могу, да простят меня и не обидятся не упомянутые, называю в первую очередь тех, кого уже нет сегодня с нами, и тех, кто по-настоящему «понюхал пороху».

Крючкин проводил стросвую (вечернюю) поверку, называя имена писателей, и они громко отзывались: «Я», «Здесь», «Присутствую» (это, конечно, вызывало смех).

После поверки наш командир дал команду «Смирно!», рубил великолепным строевым шагом, четко ударив каблуком о каблук, остановился (в этот день) перед Баграмяном. И громко доложил:

— Товарищ Маршал Советского Союза, батальон писателей построен и готов выполнять любые приказания!

Баграмян вышел перед серединой строя, поднял руку к головному убору.

— Здравствуйте, товарищи писатели!

Мы крикнули от души:

— Здравия желаем, товарищ Маршал Советского Союза!

— Поздравляю вас со светлым Праздником Победы!

И мы опять изо всех сил грянули:

— Ура!!!

Крючкин строгим, особенно торжественным голосом произнес:

— Писателям, Героям Советского Союза, возложить цветы к мемориальной доске с именами погибших писателей!

И летчица Наталья Кравцова, летчик Генрих Гофман, артиллерист Михаил Борисов и я подошли к мраморной доске, возложили цветы и некоторое время мы, весь строй и маршал Баграмян, стояли молча, по стойке «смирно».

После этого официального ритуала маршал Баграмян со всеми писателями отправился в Дубовый зал, где ждали накрытые праздничные столы (на деньги фронтовиков, собранные в складчину, это тоже традиция. В последние годы по той же грустной причине малочисленности ветеранов Литфонду и Дому литераторов приходится денежки добавлять).

Когда сели за столы, первым предоставили слово маршалу Баграмяну, попросили его рассказать, где и как он встретил День Победы.

Иван Христофорович, не торопясь, поднялся, несколько секунд подумал, обвел присутствующих веселым взором и стал рассказывать:

— Первого мая до нас долетела радостная весть: Знамя Победы развеивается над рейхстагом! А еще через день — сообщение о безоговорочной капитуляции остатков гарнизона германской столицы. Этот акт мы уже восприняли как прелюдию к общей и безоговорочной капитуляции фашистской Германии.

...А тем временем я подготовил завершающий удар по окопавшим восточное устья Вислы вражеским частям.

К северо-западу от Вислы к последнему удару готовились соединения генерала А.П. Белобородова. Я послал к нему своего представителя, чтобы согласовать наши действия. Завершающий удар мы готовили с исключительной тщательностью, принимали все меры, чтобы он обошелся без серьезных потерь.

Не успели мы развернуть наступление в полную силу, как мне позвонил начальник Генерального штаба Антонов и передал указание Сталина — во избежание ненужного кровопролития предъявить прижатым к морю гитлеровским недобиткам ультиматум. 8 мая мы разбросали в расположении немецких войск листовки с текстом подписанного мною ультиматума, которым

фашистам предписывалось сложить оружие. И если не подчинитесь, 10.00 9 мая 1945 года, говорилось в листовке, будете беспощадно уничтожены.

В ночь на 9 мая мне опять позвонил генерал Антонов: «Все, конец. Германия безоговорочно капитулировала! Только что в Берлине представители всех трех видов вооруженных сил Германии подписали соответствующий акт. Поздравляю, дорогой Иван Христофорович!» Узнав о том, что ультиматум окруженным фашистам предъявлен, Антонов сказал на прощание: «Если к назначенному часу не сложат оружия, добивайте! Желаю успехов».

Верные своему обещанию, мы не пускали в ход оружия до установленного часа. Однако, как оказалось, фашисты понимали лишь язык силы. И мы применили ее. Этот последний удар вынудил капитулировать перед нашими армиями около 30 тысяч солдат и офицеров немецко-фашистских войск во главе с тремя генералами.

Так вот и получилось, что, когда во всех городах и селах нашего несобъятного государства бурлило невиданное ликование, в День Великой Победы мы еще продолжали оружием утверждать ее.

Писатели аплодировали, не жалея ладоней.

О том, как дружно и потешно проходило писательское застолье, передавать не берусь, потому что сие «ни словом сказать, ни пером описать». Скажу одно: Баграмян был очень доволен, уходя, всех нас поблагодарил и сказал:

— Никогда еще не был на таком красивом и веселом празднике. Спасибо вам, дорогие друзья!

Баграмян не только дружил с писателями, он и сам написал несколько книг. В 1965 году Политиздат выпустил книгу И.Х. Баграмяна «Город-воин на Днепре», посвященную героической обороне столицы Украины,

ее защитникам. Спустя шесть лет вышла первая книга воспоминаний И.Х. Баграмяна «Так начиналась война».

Дарил ее сослуживцам, боевым друзьям по фронту, землякам, подарил и мне с такой надписью:

«Дорогой Владимир Васильевич! Пусть этот мой скромный труд всегда напоминает Вам, активному участнику войны, о былом и незабываемом.

15 мая 1972 года. С искренним уважением, И. Баграмян».

В 1977 году издана еще одна книга воспоминаний маршала — «Так мы шли к Победе». К этому времени он прочитал несколько подаренных мной книг, и надпись его стала более теплой:

«Глубокоуважаемому Владимиру Васильевичу Карпову, выдающемуся войсковому разведчику Великой Отечественной войны, на память о былом и незабываемом.

28.3.79 г. И. Баграмян».

Иван Христофорович показывал мне рукописи этих книг. Некоторые писатели, зная о моей дружбе с маршалом, спрашивали, не помогал ли я ему в написании мемуаров. Я и тогда, и сейчас заявляю: не был я ни литзаписчиком, ни литобработчиком. И вообще ему никто не помогал, писал сам, он был для этого достаточно эрудированный и начитанный.

Помогал генерал Корнцев, который ездил в архивы, отдавал готовые рукописи машинисткам и сам с разрешения Ивана Христофоровича занимался некоторым косметическим редактированием.

В 1980 году издательство «Айастан» выпустило «Мои воспоминания». В этой книге маршал подробно

рассказывает о детстве, юношеских годах, молодости, о годах службы в армянском кавалерийском полку, в 5-й кавалерийской дивизии им. Блинова, вплоть до учебы в Военной академии им. М.В. Фрунзе. Дальнейший рассказ в этой книге — краткое изложение первых двух книг воспоминаний о Великой Отечественной войне.

Книги Баграмяна отличаются достоверностью и хорошим языком. В последние годы жизни Баграмян работал над серией очерков о своих боевых соратниках — Г.К. Жукове, А.М. Василевском, К.К. Рокоссовском, Б.М. Шапошникове, С.К. Тимошенко, И.С. Коневе, Д.М. Карбышеве и других.

Книга эта под названием «Великого народа сыновья» увидела свет в 1984 году, уже после смерти Баграмяна.

Центральный дом литераторов провел вечер памяти адмирала Флота СССР, земляка Баграмяна Ивана (Овансса) Степановича Исакова. Вечер вел Константин Симонов. Присутствовал в числе гостей Иван Христофорович, он был близким другом Исакова.

Несколько лет назад Иван Степанович в одной из бесед сказал о Баграмяне:

— Я всегда удивлялся и восхищался его трудоспособностью, любовью к работе, его удивительным мужеством и несгибаемой волей...

Если сказать, что Баграмян — талантливый полководец, значит, мало сказать. Великая Отечественная выдвинула целую плеяду талантливых советских полководцев, которые сломали хребет фашистского вермахта. Если сказать, что Иван Христофорович был большим стратегом и умел глубоко и дальновидно связывать тактические и стратегические задачи, значит, тоже мало сказать. Хотя эти качества он проявил на очень трудном и сложном участке советско-германского фронта. Ис-

тинные полководцы должны уметь сочетать тактику со стратегией.

Во время войны я внимательно следил за операциями Баграмяна. А после войны мы имели возможность лично обсуждать эти операции. Вот тогда меня поражало аналитическое, гибкое мышление Ивана Христофоровича в рассуждениях. Я уже не говорю о его человеческих незаурядных качествах. За все это его любят и уважают.

На вечере памяти Исакова в ЦДЛ Баграмян в своем выступлении сказал:

— Иван Степанович Исаков был одним из самых выдающихся людей нашей армии и флота, нашей Родины. Он был кристально чистым, очень талантливым человеком, одним из тех редких талантов, которые я встречал на своем веку. Он был высокоодаренным человеком во всех отношениях — настоящий моряк, флотоводец, очень любимый и почитаемый на флоте; ученый, пользующийся большим авторитетом среди ученых; писатель, высокоуважаемый среди литераторов.

Он был человеком незаурядной эрудиции, подкупал своей скромностью, принципиальностью, добрым отношением к людям.

Он любил жизнь, любил людей. Несмотря на тяжелый недуг, никогда не унывал, боролся, трудился...

Под «тяжелым недугом» Баграмян имел в виду мужественную борьбу Исакова за жизнь после тяжелого ранения в октябре 1942 года под Туапсе. Осколок авиабомбы раздробил ногу. Ее пришлось ампутировать. Весь 1943 год Исаков пролежал в госпитале. Встал вопрос об увольнении в отставку. Но когда доложили об этом Сталину, он якобы сказал: «Мне нужна его голова, а не ноги». И Исаков еще долго служил на флоте, был заместителем наркома Военно-морского флота адмирала

Кузнецова Николая Герасимовича. Он бывал у Баграмяна на даче в Баковке. Ивану Христофоровичу пришлось пережить тяжелую утрату друга, в 1967 году он был на похоронах адмирала Исакова Ивана (Ованеса) Степановича.

Иван Христофорович встречался с писателями не только в Доме литераторов, и всегда это были встречи добрых друзей. Вот посмотрите на фотографию — на ней Баграмян едет на фаэтоне с поэтами Алексеем Сурковым и Михаилом Лукоциным. Эта встреча произошла в Ленинакане в 1968 году, тогда Баграмян был удостоен звания «Почетный гражданин Ленинакана», где в далекие годы Гражданской войны произошло боевое крещение будущего маршала.

* * *

Известная советская писательница Мариэтта Сергеевна Шагинян многие годы дружила с Иваном Христофоровичем. Я был неоднократным очевидцем их встреч в городке писателей Переделкино, куда Баграмян приезжал ее навестить.

Я тоже дружил с Мариэттой Сергеевной много лет, вплоть до ее кончины. Она из больницы написала мне последнюю записку. Мы не раз отдыхали вместе в Доме творчества «Дубулты» в Прибалтике. Часто встречались в Москве по нашим писательским делам, она печатала свои произведения в журнале «Октябрь», где я работал первым заместителем главного редактора, а потом в «Новом мире», в котором я был уже главным редактором. Всегда просила меня читать ее рукописи первым и относилась к моему мнению и замечаниям уважительно. А вообще она не терпела и не позволяла никому что-то править в ее рукописях. Билась с редакторами беспощадно за каждую запятую. Мне она однажды сказала, улыбаясь лукаво:

— Что мне может посоветовать или исправить редактор? Я каждое слово подбирала в текст, как ювелир вставляет драгоценные камни в свои изделия. Обычно я говорю редакторам, что я хотела сказать своим сочинением, а потом вынимаю из ушей слуховой аппарат, и пусть они говорят, что угодно.

Она была глухая и без слухового аппарата не слышала. Однажды я ее спросил:

— Мариэтта Сергеевна, наверное, трудно вам без слуха, окружающий вас мир — неполный, в одной зримой плоскости.

Она весело воскликнула:

— Что вы, Владимир Васильевич, я счастлива, избавлена от массы неприятностей, которые слышите вы постоянно!

Позволю себе рассказать один эпизод из наших встреч с Мариэттой Сергеевной (только не воспринимайте его за хвастовство, просто хочу показать ее отношение ко мне).

Летом в 1971 году я жил и работал в Доме творчества «Переделкино», а Шагинян получила наконец литфондовскую дачу. В том году скончался председатель Союза писателей России Леонид Соболев; дачу, которую он занимал, отремонтировали и передали Мариэтте Сергеевне.

Сидел я и работал в своей комнате, когда раздался легкий стук в дверь.

— Можно к вам? — спросила робко Мариэтта Сергеевна. — Я не отвлекаю вас от работы? Хотя что я говорю, конечно, отвлекаю. Но особое обстоятельство вынуждает...

— Всегда рад вас видеть, что у вас стряслось? Какое особое обстоятельство?

Ничего не объяснив, Мариэтта Сергеевна поманила меня пальчиком.

— Идемте.

Мы выпили с территории Дома творчества и пришли к даче, которую выделили Шагинян. Двухэтажная дача сияла и пахла свежими красками после ремонта.

Мариэтта Сергеевна достала из сумки большую связку ключей, долго искала нужный — от входной двери. Все это молча. Наконец нашла, отомкнула, отворила дверь и мне:

— Заходите.

— Только после вас.

— Нет, идите первым.

— Мариэтта Сергеевна, я достаточно хорошо воспитан, чтобы не позволять себе входить прежде женщины.

— Нет. Вы должны войти в этот дом первым. Я вас для этого и пригласила.

— Обычно в новое жилье первой впускают кошку. Что же, вы меня привели в качестве кота?

— Вот именно! Входите, входите!

Она подталкивала меня в дверь. Я вошел в холл, потом она завела меня в кухню, во все комнаты на первом этаже. И даже в туалет! Затем мы тоже проделали и на втором этаже.

На балконе она как-то очень мило сказала:

— Мой предшественник был моряк, может быть, больной, он выходил на этот балкон и ощущал себя, как на капитанском мостике.

Сказано это было с большим уважением и сочувствием Соболеву.

А мне она объяснила:

— Насчет кота вы очень точно догадались. Я пригласила вас как своего лучшего друга, который посмотрит на всю эту роскошь без зависти. Добрым глазом. Порадуется за меня. Я не хотела, чтобы сюда вошел первым какой-нибудь человек, который хотя бы втайне мне по-

завидовал. Не будет тогда у меня счастливой жизни в этой даче. Вас я знаю как очень доброго и порядочного человека.

Все долгие годы дружбы с Шагинян в Переделкине и за его пределами я старался быть именно таким для нее человеком. А пережили мы с Мариэтой Сергеевной за эти годы очень много хороших и трудных дней.

Вот одно из радостных событий, имеющих отношение к Баграмяну.

В мае 1972 года было опубликовано Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о присуждении Ленинской премии М.С. Шагинян за трилогию о Ленине: «Билет по истории», «Семья Ульяновых», «Четыре урока у Ленина» и за роман-хронику «Первая Всероссийская».

Мариэтта Сергеевна решила отметить это событие в Центральном доме литераторов и стала приглашать гостей, находясь еще в Ленинграде. Она прислала мне телеграмму:

«Приглашаю дорогих друзей вас Жентю (моя жена) 12 мая пятницу семи часам вечер дом литераторов на банкет Буду Москве день Победы.

Обнимаю обоих Мариэтта Шагинян».

Шагинян не была уверена, дошла ли до меня телеграмма. И вот эта глухая, полуслепая, с трудом передвигающая ноги старая женщина... отправляется в Матвеевскую! Находит дом, в котором мы жили. Но в эти часы мы отсутствовали. Мариэтта Сергеевна просит у соседей клочок бумаги и пишет мне записку:

«Дорогой Владимир Васильевич.

Приехала к Вам в гости в 6 ч. 10 минут звать Вас завтра, 12-го, к 7-ми часам в клуб писателей ко мне на банкет, вход со стороны Воровского, д. 50 (здание старо-

го клуба), зал направо. Приезжайте обязательно (будет Баграмян). Очень жаль, что не застала. Спасибо за все письма, горячий привет Жене и Карпышкам.

Ваша М. Шагинян

т. 151 25 09

или дочери 241 34 17».

В назначенное время я был в Доме литераторов, поздравил Мариэтту Сергеевну, преподнес ей цветы. Вскоре приехал Баграмян, он очень нежно обнимал хрупкую Мариэтту Сергеевну. Она была счастлива, прильнула к его широкой груди.

Иван Христофорович подошел ко мне, обнял, похлопал по плечу.

— Рад тебя видеть, мой дорогой разведчик.

Он стал рассказывать, какой был я лихой на фронте.

Мариетта Сергеевна Шагинян восхищалась И.Х. Баграмяна своими энциклопедическими знаниями, смелостью поставленных вопросов, страстным словом публициста, трудоспособностью. Он очень высоко ценил и уважал ее.

Мариетта Сергеевна, очень скупая на похвалы, считала, что у И.Х. Баграмяна незаурядный полководческий талант, который завидно сочетался с такими человеческими качествами, как мудрость государственного деятеля, человеколюбие, доброта, уважение к подчиненным...

С братьями Микоянами у Ивана Христофоровича были особо дружеские отношения. Анастас Иванович приезжал к нему чаще всего вечером и засиживался долго. Было о чем поговорить и о чем вспомнить двум заслуженным ветеранам партии и государства.

Авиаконструктор знаменитых МиГов Артем Иванович Микоян обычно приезжал на дачу к Ивану Христофоровичу в субботу или в воскресенье. Они играли в

шахматы, а когда садились за нарды, то их потом оторвать от игры было невозможно. Сражались, как говорится, вовсю — азартно, шумно, с шутками. В нарды иногда приходил играть и Анастас Иванович.

Пришел Анастас Иванович Микоян, ласково обнимал и поздравлял Мариэтту Сергеевну с наградой. Ко мне тоже подошел. Обнял. Мы были и раньше знакомы.

Банкет был теплый, семейный, в кабинете парткома, который не мог вместить много друзей. Были только самые близкие; Баграмяна и Микояна Мариэтта Сергеевна посадила рядом с собой. Меня удивило то, что Мариэтта Сергеевна пригласила редакторов издательств и журналов, с которыми обычно билась из-за каждой запятой.

Гости сказали Мариэтте Сергеевне много добрых слов и пожеланий.

Иван Христофорович, как всегда, неторопливо, солидно, но в то же время очень тепло и ласково поблагодарил Шагинян за творчество, которым она просвещает людей.

В заключение ввечера сказала слово Шагинян. Седая, но величественная, она с любовью смотрела на нас.

Я записал для себя выступление Мариэтты Сергеевны:

— Мы сегодня много говорили и шутили по поводу редакторов и моей неговорчивости при работе с ними. Всякое бывало. Но я должна сказать, товарищи, хороший редактор — это большой помощник и даже учитель писателя. Кто не учится, считает себя познавшим все, — ошибается. Тот, кто не учится, замкнулся, изолировал себя от познания, ничего значительного создать не сможет. У писателя много источников познания жизни. И один из учителей его — редактор. Я училась у редакторов, даже тех, с которыми не соглашалась. Однажды я спутала Бебеля с Каутским, я приписала

Бебелю суждения по аграрному вопросу, которые в действительности высказал Каутский. Редактор этой ошибки не заметил, потому что полностью положился на меня. Он не проверил, а надо было проверить, это его обязанность, и обижаться на него нечего. Так и было с ошибкой напечатано. Это и мне наука...

О премии. Я очень благодарна за высокую оценку моего труда. Но все же пусть премия не будет итогом жизни. Так много еще замыслов. Я хотела бы, чтоб это была середина жизни.

Недавно я была у большого человека и художника Сарьяна. На днях он умер. Мне повезло, если так можно выразиться в данном случае. Для меня лично было большой радостью видеть этого человека, застать его живым. Как в басне говорится: «Послал вороне Бог кусочек сыра». Вот и мне послал Бог эти счастливые минуты. Я знала Сарьяна давно, любила его замечательное, солнечное искусство. И в недавний приезд мой в Армению навестила художника. Он был совсем плох, отнялись ноги и руки. Мы сидели и разговаривали с ним. Я гладила его безжизненные пальцы. Как мне жалко было эти пальцы, создавшие столько замечательных картин. Теперь эти пальцы почти не двигались. А глаза Сарьяна были полны жизни. Он и говорил о жизни. Я, как сейчас, слышу его слова: «Быть в жизни, творить, ошибаться, делать иногда глупости — все это и есть жизнь. Жизнь — это самое большое и значительное из всего, что есть на земле».

Вот и давайте выпьем за это самое дорогое — за Жизнь!

Когда расходились, Баграмян, пожимая мне руку, сказал:

— Заходи, Володя, не забывай старика.

Кстати, в очередной раз наш разговор на его квартире начался с Сарьяна. В кабинете Ивана Христофо-

ровича висела картина Сарьяна «Арарат». Обратив на нее внимание, я сказал:

— Как хорошо сказала Мариэтта Сергеевна о Сарьяне.

— Умница! — поддержал Баграмян. — А с Сарьяном я дружил много лет. Эту картину он мне подарил. Мартирос Сергеевич — из тех великих творцов, произведения которых бессмертны, принадлежат истории, их надо принимать целиком — принимать видение и понимание жизни художником, его философию или вовсе не принимать. Средины не может быть. Сарьян — гордость и слава нашего народа. Его произведениями будут восхищаться, и не одно поколение, как это происходит с творчеством великих мастеров прошлых веков.

Чем мне нравится мой портрет, написанный Сарьяном? Прежде всего настроением. Безмятежное, спокойное настроение военного человека после Победы, в мирное время. Человека, пережившего войну, охваченного думами и мыслями о будущем... Есть в нем уверенность, гордость за победившую армию, за победивший народ, за победившую страну...

Об этом портрете Сарьян сказал:

«Когда после войны я впервые увидел Баграмяна, даже немного был смущен — передо мной стоял обыкновенный, простой человек в военной форме, с ладной осанкой, скромный, несколько стеснительный. Но я почувствовал в нем большую силу, мощь, волю, доброту. Здесь уж я не ошибся. Баграмян не просто герой — он народный герой, в нем воплощены мужество нашего народа, его боевой дух. Вот таким я и пытался изобразить на холсте нашего героя, земляка, нашего Ованеса».

В тот день Иван Христофорович подарил мне свою фотографию.

— Я не художник, у меня нет нарисованного портрета, а фотографию я тебе на память подарю.

Достал из книжного шкафа снимок, на котором он был в гражданском костюме, домашний, улыбающийся, и написал на нем:

*«Володе Карпову.
Баграмян».*

Так он звал меня всегда наедине, наверное, вспоминая своего разведчика на 1-м Прибалтийском фронте старшего лейтенанта Володю — стройного, еще юношу, с черными усишками под носом.

Писатели не забывали Баграмяна и после ухода его из жизни. Вот пригласительный билет на 23 февраля 1983 года.

Уважаемый товарищ!

Комиссия по военно-художественной литературе
Московской писательской организации и
Правление Центрального Дома
литераторов им. А. А. Фадсева
приглашают Вас на
ВЕЧЕР

из цикла:

«СОВЕТСКИЕ ПОЛКОВОДЦЫ»

Дважды Герой Советского Союза,

Маршал Советского Союза

Иван Христофорович

БАГРАМЯН

(1897—1982 гг.)

Председательствует

С.А. ДАНГУЛОВ

Выступают:

генерал армии,

Герой Советского Союза

С.П. ИВАНОВ

маршал авиации,
Герой Советского Союза
С.И. РУДЕНКО

секретарь ЦК ВЛКСМ
Д.А. ОХРОМИЙ

генерал-полковник,
Герой Советского Союза
П.С. СЕМЕНОВ

генерал-лейтенант
М.Г. ГРИГОРЕНКО

генерал-лейтенант
Н.А. АНТИПЕНКО

вице-адмирал
В.С. ЧЕРОКОВ

Писатели
М.Г. БРАГИН,
С.М. БОРЗУНОВ,
Е.З. ВОРОБЬЕВ

Вечере принимают участие
мастера искусств

В пригласительный билет надо внести поправку. Не помню, по какой причине (кажется, заболел) Дангулов не приехал, и мне поручили вести этот вечер. Что я и совершил с удовольствием, рассказав и о своих встречах с Иваном Христофоровичем.

Вечер состоится
В понедельник, 28 февраля 1983 г.,
В Большом зале

Начало в 19 часов

Адрес ЦДЛ: ул. Герцена, 53

Просзд автобусами: 6, 39, 107.

Троллейбусами: Б, 10, 5, 8

До остановки

«Площадь Восстания»

Метро «Краснопресненская».

Хочу напомнить, что Баграмян был еще и пожизненный кавалерист. Он начинал военную службу в кавалерии, командовал эскадромом и кавалерийским полком. Любовь к лошадям у него сохранилась до конца жизни.

Приведу для иллюстрации короткие отрывки из воспоминаний тоже пожизненного «лошадника» Бобылева:

«С Баграмяном я познакомился в первые послевоенные годы в Манеже, куда он, как истинный кавалерист, заглядывал всякий раз, когда приезжал в Москву по служебным делам.

В ту пору он был еще генералом армии, командующим войсками Прибалтийского военного округа. Ему подарил Буденный золотисто-рыжего коня по кличке Деловой. Он ему очень нравился, на нем он принимал военные парады в Прибалтийском военном округе, и мы не раз вспоминали при наших встречах эту лошадь. Позднее, в конце 70-х и начале 80-х годов я бывал у него на даче в Баковке. Дача Ивана Христофоровича располагалась по соседству с

дачей Семена Михайловича Буденного (его, к сожалению, уже в это время не было в живых), и Семен Михайлович присутствовал среди нас только в воспоминаниях. А им не было конца.

Несколько раз я приглашал Баграмяна в Московскую ветеринарную академию. Он всегда очень интересно и с юмором выступал перед студентами и профессорско-преподавательским составом академии.

Как жаль, что мы не стенографировали эти интересные и увлекательные встречи с легендарным полководцем.

В один из таких его приездов ныне покойный ректор МВА профессор В.М. Данилевский даже издал приказ о зачислении маршала И.Х. Баграмяна почетным студентом академии. После того как этот приказ огласили и в зале академии отгремели бурные аплодисменты присутствующих, Иван Христофорович встал и шутливо произнес: «Что же, теперь мне придется сдавать зачеты и экзамены?» Переполненный зал снова взорвался овацией.

23 апреля 1982 года мы в академии отмечали 100-летие со дня рождения Семена Михайловича Буденного. На это торжество приехал Баграмян.

После официальной части, во время которой были сказаны, кажется, все слова любви и уважения к Семену Михайловичу, мы собрались за дружеским праздничным столом на кафедре разведения сельскохозяйственных животных. Не успели мы сесть за стол, я, как председательствовавший на официальной части, под ее впечатлением встал и решил произнести тост в честь Ивана Христофоровича, а он неожиданно поднялся и своим негромким голосом сказал: “Подожди! Давайте встанем и помолчим минутку!” Все поняли его и моментально встали, а мне было немного совестно.

Приезд И.Х. Баграмяна в МВА был событием не только для студентов и преподавателей академии, это была радость встречи друзей-однополчан Ивана Христофоровича, которые всегда приезжали в этот день в академию и занимали первые ряды.

Однажды мы отмечали день рождения Баграмяна в ЦДСА, где генерал-лейтенант, Герой Советского Союза М.Г. Григоренко произнес великолепный тост. Речь шла о том, кого боялись из маршалов, а кого не боялись. Баграмян утверждал, что его не боялись. В ответ Михаил Георгиевич Григоренко произнес следующее: "Боялись всех, но боялись по-разному. Одних боялись потому, что голову могли снести, а вас, Иван Христофорович, боялись как бы в чем-нибудь не подвести". И это сущая правда. Думаюется, к первым относились Г.К. Жуков, И.Г. Конев, А.И. Еременко, ко вторым — А.М. Василевский, И.Х. Баграмян, К.К. Рокоссовский, К.А. Мерецков.

Иван Христофорович был исключительно интересным собеседником. Всегда корректный, тактичный и с располагающей улыбкой. У него было большое чувство юмора. Вести разговоры с ним можно было часами. Огромный жизненный опыт, широкая эрудиция, бесчисленные встречи с незаурядными людьми, многолетние наблюдения и широта суждений по самым разнообразным вопросам характеризуют этого легендарного полководца с самой положительной стороны. Он был доступен, радушен. Был добрым и очень справедливым военачальником.

Неуклонно следуя своему житейскому правилу, благородству и мудрости, Иван Христофорович всегда очень глубоко вникал в суть каждого вопроса, особенно когда это касалось судьбы офицера или солдата. Он всегда видел за бумажными личными делами живого человека. При рассмотрении дисциплинарных проступков тщательно

анализировал все “за” и “против” и отстаивал право человека в тех случаях, когда оно кем-либо попиралось.

Немного на моем веку было полководцев, обладающих таким обаянием, как Баграмян. От него шли мощные лучи света, притягивающие даже тогда, когда он вежливо ругал провинившегося.

И еще один эпизод. Не помню точно, в каком году мы собрались в Грановском переулке на открытие мемориальной доски Семену Михайловичу Буденному на доме, в котором он жил несколько десятилетий. Среди собравшихся был и Иван Христофорович Баграмян. Он, как всегда, произнес великолепную речь. Я не могу забыть выражение его лица, звук его голоса, когда он выступал возле мемориальной доски. Такая глубина чувств, такая нежность выражались в его словах, посвященных легендарному командарму Первой Конной Армии.

Баграмян оставил очень интересные воспоминания о Великой Отечественной войне, о своих современниках — выдающихся полководцах. Все книги: “Так начиналась война”, “Так шли мы к Победе”, “Мои воспоминания”, “Великого народа сыновья” — написаны им очень ярко, простым и доходчивым языком.

Его книги читаются с большим интересом. И это не удивительно. В каждую из них он не только вложил душу, но и очень много труда. Однажды я имел возможность лично убедиться в его кропотливости при работе над рукописью.

Как-то я написал для журнала “Коневодство и конный спорт” статью с воспоминанием о генерал-майоре П.П. Зеленском. Зная, что Иван Христофорович хорошо был знаком с покойным Петром Павловичем Зеленским, я решил показать ему статью и попросил внести поправки, если он что-либо найдет неточное. Как обычно, Иван Христофорович любезно согласился и предложил мне приехать к нему на дачу в Баковку. По наивности я

предполагал, что он быстро пробежит написанную мною статью и кое-что подправит. Каково же было мое удивление, когда он тщательно начал ее редактировать, так, что ему мог позавидовать профессиональный редактор. Признаюсь, он преподал мне очень хороший урок, как надо работать с рукописью, и я до сих пор это вспоминаю. Мне было стыдно за то, что я отнял у него много времени и должен был принести ему свои извинения. На что он скромно заметил: “Ну, что ты извиняешься? Я ведь должен был немножко подкорректировать”.

Бывают люди очень уважаемые и в свое время знаменитые. Они честно осуществляли и выполняли в жизни все, что им было положено, но затем, достигнув пенсионного возраста, сложили поработавшие руки и остановились среди быстро бегущей вперед жизни. Их сердце, когда-то горячее и отзывчивое, стало биться иным ритмом, безучастным к явлениям окружающей их действительности.

Но есть и другие люди — немногие, редкие. В житейской битве они не складывают оружия. Их натура работает неутомимо, ничто не остается им чуждым. Они умирают, как солдаты, — в ратном строю. Вступая в жизнь с одним поколением, они делятся знанием с другим, работают рука об руку с третьим, подводят итоги мысли с четвертым, указывают идеалы пятому. Они не “переживают” себя. Для них жить — не значит только существовать. Их взор и мысли всегда устремлены в будущее с лучшей частью современного им общества. К числу таких людей принадлежал и Иван Христофорович Баграмян.

Он был “последним из могикан”, последним из великих полководцев Великой Отечественной войны и достойно завершил яркую, но уже уходящую в историю эпоху боевой славы Советской Армии. С кончиной Ивана Христофоровича целая военная эпоха отошла в прошлое».

* * *

К слову, об интересе и участии в современной жизни.

Когда Баграмян достиг солидного возраста, внимание всего мира захватили космонавты. Особенно наши — начиная с Юры Гагарина, они взлетали в космос один за другим.

Эти небожители покорили своими подвигами и старого боевого полководца, он не только побывал у них в гостях, но и подружился с ними.

Вот как вспоминает об этом дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт, генерал-лейтенант авиации Георгий Тимофеевич Берговой:

«Приехал Иван Христофорович с группой генералов и адмиралов. Ознакомились с космической техникой. Я рассказал о подготовке и тренировке космонавтов, о будущих космических полетах.

Надо было видеть, с каким вниманием и интересом осматривал Иван Христофорович космическую технику!

После осмотра техники он, улыбаясь, многозначительно сказал:

— Вот если бы эту технику нам пораньше!.. Мы, наверное, по-другому разговаривали бы тогда...

Побывали в музее. Мы подарили ему альбом Звездного городка и значок, на котором были изображены буденновка, красноармеец с саблей в руках на фоне, символизирующей ракету. Это все как бы олицетворяло идею — от клинка до космической ракеты.

И вот после этого посещения Звездного городка прошло несколько дней.

Однажды звонит Иван Христофорович и приглашает меня и начальника политотдела к себе на дачу.

Мы приехали. Он сердечно и тепло принял нас. Завязалась душевная беседа. Я должен сказать, что он вообще умел создавать непринужденную обстановку в беседе.

— То, что я увидел в Звездном городке, в музее космонавтики, считаю, надо дополнить... — сказал Иван Христофорович, достал одну из своих маршальских сабель и передал нам. — Это для музея. Вот теперь по-настоящему — от клика до космического корабля. И клинок есть, и космический корабль... Целая эпоха!

Баграмян подарил музею также бинокль, кобуру...»

* * *

И еще о вживании в современность, о неподверженности старению.

Баграмяна часто называли «комсомольским маршалом». Он этим гордился. Гордился, что ему выпала честь командовать многомиллионной армией советских юношей и девушек...

И действительно, почти десять лет, с мая 1973 года по сентябрь 1982 года, Баграмян возглавлял Центральный штаб Всесоюзного похода комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа.

Едва ли не всюду он лично участвовал в молодежных слетах и вахтах памяти героям войны.

— Всесоюзный поход — замечательное патриотическое движение, — говорил маршал. — В нем проявились разносторонние качества советской молодежи — трудовой энтузиазм и забота о сохранении исторических документов, сыновья забота о ветеранах войны и увлеченность военно-прикладными видами спорта. Огромную радость испытываешь, когда видишь, с каким энтузиазмом следопыты занимаются поиском исторических реликвий. Память о подвиге будет рождать стремление к подвигу.

ПЕЧАЛИ И РАДОСТИ

В молодости, в годы Гражданской войны из-за неустроенности быта, недосдания Иван Христофорович заболел туберкулезом. Опасаясь, что могут уволить из армии, он скрывал это. Но болезнь обострилась, особенно в 1924 году, во время учебы в Ленинграде на курсах комсостава. Сказывались большие перегрузки старательного слушателя. Не хотелось увольняться, потерять такую интересную и полезную учебу да и несомненные перспективы в службе.

Тамара Амаяковна лечила его домашними и дедовскими средствами: усиленным питанием — масло, яйца, сметана. А в те годы все это стоило очень дорого и было почти недоступно при скромном комсоставском окладе. Жена продала украшения, полученные от мамы в приданое: кольца, серьги, браслет.

Иван Христофорович выдержал нагрузки, закончил курсы и продолжал служить, командовал полком. Болезнь отступила. Невероятные перегрузки в годы войны Баграмян тоже преодолел, здоровье не подвело. Его ангел-хранитель Тамара Амаяковна постоянно заботилась о муже.

Бывая на квартире Баграмяна, встречаясь с Тамарой Амаяковной, я отмечал про себя ее удивительное обаяние и приветливость. Она была очень красива, хотя

немножко располнела с годами. Когда она входила в комнату, будто прибавлялось солнечных лучей. Аура домашнего уюта и доброжелательности постоянно царилла в ее доме.

Во взоре, в словах Ивана Христофоровича, обращенных к жене, светились нежнейшая мягкость и любовь, которую он питал к ней больше полвека совместной жизни.

Позднее, когда не было уже обоих на этом свете, их внучка Карина рассказала мне, как начиналась их жизнь:

— Это романтическая история. Бабушка с дедушкой познакомились в Ленинкане, где стоял его полк. Они полюбили друг друга с первого взгляда, но дедушка был вынужден уехать на службу в другое место. А в это время бабушкина семья попала в беду и напелся человек — офицер, который спас их. После этого Тамару (будущую мою бабушку) отдали ему в жены. Надо учитывать, что все это происходило на Кавказе, а там обычаи не позволяют девушке идти против воли родителей. Она вышла замуж и уже была беременна, когда ее муж погиб. В 1922 году, узнав о том, что любимая овдовела, Ваня (будущий мой дедушка) приехал и посватался к ней. Для традиций Кавказа это был смелый шаг — брать в жены женщину, которая уже была замужем и у которой есть ребенок. Но Ваню это не остановило. Он женился на Тамаре, а ее сына Мовсеса всегда считал своим. Они прожили вместе долгую жизнь, у них родилась дочь Маргарита, они вместе прошли через все испытания, справили золотую свадьбу. И до конца жизни сохранили эту пламенную любовь.

Дедушка всю жизнь писал жене нежные письма, даже ненадолго уезжая в командировки. А во время войны свои послания отправлял при первой возможно-

сти в паузах между боями. Он называл жену ласковыми именами — Тамурик, Тамусик, Тамули-джан. Бабушка сохранила эти письма.

Карина достала из книжного шкафа несколько пачек конвертов.

— Может быть, вы отберете для своей книги некоторые из них, как иллюстрацию их многолетней нестареющей, неугасающей любви.

Конечно же, я воспользовался этим разрешением Карины и привожу несколько писем из разных периодов долгой жизни и переписки Ивана Христофоровича.

«9 февраля 1920 г.

Гор. Александровск

Здравствуй, моя родная Тамара!

Вот уже прошло восемь долгих месяцев, как ты уехала к родным. Не буду писать подробностей моей жизни в этот промежуток времени, а только скажу кратко: “Я мучился и страдал”.

Тамара, радость моя! Почему ничего не пишешь мне? Неужели ты уже изменила свои отношения ко мне? Или ты сердита на меня? Такуш, Шаво и Жанна получают от тебя письма, и только я один ничего не получаю.

Тамара! С Арменом ты прислала секретку Жанны, в которой ни одного слова не говорилось обо мне. Твои слова к Жанне “Передай привет всем знакомым” привели меня в бешенство. Вот подумай, как было тяжело мне читать эти строки. Из близкого человека я превратился в просто знакомого.

Тамара, радость моя! Наверное, Такуш писала тебе, что я чуть было не приехал за тобой, но в Эривани меня обманули, что Чананаб татарами занят, и мне пришлось отставить свою поездку.

Тамара, родная! Пиши, не забывай бедного Ваню...»

«16.V.26 г. Тамара-джан!

После семидневных мучений наконец дошли до своего лагеря и кое-как устроились. Сегодня первый день, как я немного свободен от работы. И вот пользуюсь этим временем для того, чтобы написать тебе несколько слов.

Тамара-джан! Тебя, наверное, больше всего беспокоят мое здоровье и питание в лагере. Так вот, я так же здоров, как и при тебе. Даже за дни похода пополнил немало. Открыта великолепная столовая, где обед и ужин в течение месяца обходятся в 22 р. 50 к. Обеды вкусные и сытные. Немного лучше канакырских...

Тамара-джан! Напиши, как ты доехала и как наши встретили тебя? Откровенно говоря, и сейчас точно не знаю, где ты — в деревне или в Гандже. Поэтому решил письмо одно направить в Ганджу, а телеграмму в Чардахлы, чтобы ты не беспокоилась. В общем, пиши скорей, где ты находишься.

Тамара-джан! Теперь о финансах. Отдаленные до сих пор еще не получены. Есть слухи, что в июле дадут. Напиши, когда и сколько прислать тебе денег. Да, забыл написать, что перед выездом из Эривани был на курортной комиссии. Не хотели признать меня туберкулезным. Записали меня в Гурзуф (в Крыму) на курорт во вторую очередь. Эта очередь, кажется, должна ехать в июле месяце. Но я хочу отказаться и не поехать вовсе. Напиши свое мнение. Относительно комнаты еще не ходил в город. Сегодня думаю пойти. Скучаю без тебя!.. Следи за собой... Когда приедешь, обниму тебя крепко-крепко... А пока целую тебя мысленно крепко-крепко. Привет нашим. Твой Ваня».

«1 августа 1926 г.

Абастумани

Тамара-джан!

Вот уже седьмой день в Абастумани. 5/VII осматривал меня консультант. Определил продуктивный про-

цесс в легких и назначил вливание кальция, продуктивный процесс — не активный. На мой вопрос, чем я болен, он ответил, что туберкулезом 1-й степени. За эти шесть дней прибавил только 2 ф[унта]. Питание в сравнении с дилижанским неважное. Мне приходится докупать яйца и икру.

Тамара-джан! Ты знаешь мой характер. После каждого осмотра врача на меня нападает уныние, я проклинаю все на свете, мучаюсь за тебя и Маргушу, и все кажется пропавшим в жизни. И так день за днем проходит в однообразии, в скуке...

Тамара-джан! Меня еще одна мысль угнетает. За полтора года моей болезни я мог заразить тебя и Маргушу. Ведь это ужасно. Зачем вы должны мучиться из-за меня?

Тамара-джан! Ты должна следить очень хорошо за собой и Маргушей. Если и ты заболеешь, то мне будет очень трудно жить. Ради нашего счастья, ради наших детей я прошу тебя беречь себя. Главное — в питании, питайся, питайся и питайся. Не жалея на это денег. Пусть у тебя не будет приличного платья, но зато будешь здорова. Так запомни, дорогая. Если нужны тебе будут деньги, пришли мне телеграмму. Я напишу Езнаку, он пришлет. Только телеграмму необходимо прислать мне до 15—20 августа, после чего полк будет на маневрах.

Каким нашла в Чананабе Мусика? Наверно, вырос. Поцелуй его звонко в правую щеку за меня. Как Маргушенька, не поправляется ли? Я до сих пор не забываю, как она рыдала за мной в день отъезда из Эривани. Береги ее...

Ну, как мама с папой поживают? Передай им привет и горячий поцелуй. Передай папе, что я очень сожалею, что не приходится приехать в Чананаб, повидать его и немного выпить...

Тамара-джан! Напиши правду, не соскучилась ли ты по мне. Я страшно скучаю по тебе, Маргушеньке и Мусике. Пиши, дорогая, пиши, моя славная Тамо! Буду ждать. Целую крепко, крепко, крепко.

Весь твой и всегда твой Ваня».

Одно из писем во время учебы в академии Фрунзе.

«18.06.31 г.

Тамара-джан! Представь себе, что буквально нет ни одной минуты, чтобы свободно отдохнуть и заняться личными делами. Нагрузка большая. Единственный день отдыха, который формально числится свободным, бывает занят больше остальных. В этот день обыкновенно готовимся по политэкономии, по “Капиталу” Маркса. Задание бывает обычно проработать стр[аниц] 60—70. А это, по Марксу, надо помножить еще в три раза, т.к. буквально приходится каждое выражение читать несколько раз, чтобы понять, что тут сказано. В эти же дни подтягиваем все свои хвосты по другим предметам.

И ты поверь, что прямо нет времени писать письма. Я сейчас страшно беспокоюсь об Абгаре и ничего не могу сделать. Надо писать, но нет времени. Напиши ты, прошу.

Тамара-джан! В том письме я просил Мусика и Марго мне написать письма о своих занятиях и успехах. Ты им скажи, пусть напишут.

Тамара-джан! Надеюсь, что тебе сейчас стало легче... Ты должна особенно следить за собой. Здоровье нажить нельзя, его, скорее, теряют. Поэтому ты не отказывай себе в питании. При хорошем питании и спокойной жизни (а это сейчас возможно) можно поправиться. Так что еще раз прошу: следи за собой.

Тамулик-джан! В последнем твоём письме слово [искреннее] на меня произвело сильное впечатление. Признаться, я бесконечно был рад, я словно тебя почувствовал. Это слово лишний раз убедило меня в твоей глубокой привязанности ко мне...

Тамулик-джан! Радость моя, пришли из снимков что-либо. Я забыл взять твою карточку и детей. Пришли. Фотография — тоже связь. Да, забыл сообщить тебе, что я ударник и до сих пор иду на лучших отметках в отделении. Пока кругом "хорошо". Приеду в Москву 1 октября. Осталось всего 2 месяца и 12 дней. Поцелуй детей.

Целую тебя крепко, крепко. Жду письма. Твой Ваня».

Писем в годы войны написано много. Привожу только одно из них, но читатели должны представить, в какие роковые дни оно написано — начало осени 1941 года, когда армии отступали и все напрягали последние силы, чтобы остановить врага.

«Тамара-джан, при мысли, что это последнее письмо, которое я пишу тебе в Москву и не знаю еще, когда и куда придется тебе писать, после этого чувство досады поднимает во мне бурю негодования против злой судьбы.

Тамара-джан, радость моя, жизнь моя, если бы ты знала, какой сильной и горячей любовью люблю тебя. Тысячи верст разделят нас на несколько месяцев. Выход один — письма и честность, а для тебя еще и здоровье. Прошу, умоляю тебя, пиши. Пиши как можно чаще мне, говори со мною через бумагу и карандаш. Остальное все — то есть тебя, мою сладость, я смогу представить вблизи от меня с этими словами на устах. Тамара-джан, Тамо-джан, мой адрес тебе известен. Самым тяжёлым преступлением передо мной будет с твоей стороны писать редко. Буду ждать письма

ровно через каждые пять дней. Уверен, что ты мою просьбу сумеешь выполнить, если хоть немного любишь меня. Да, Тамара-джан, так, золотко мое, с чувством глубокого сожаления приходится прощаться с тобой. Так прощай же, дорогая, прощай, моя жизнь, прощай, моя верная спутница жизни. До скорого и счастливого свидания. Весь твой и навсегда преданный тебе Ваня. Целую тысячу раз. Сентябрь 1941».

Карина, грустно улыбаясь, говорит:

— Уже будучи пожилым человеком, дедушка, уходя на работу, иногда оставлял бабушке записку: «Я тебя люблю».

В еще улыбчивых глазах Карины заблестели слезинки, подошли горестные воспоминания о кончине бабушки.

— Она тяжело болела, лежала в больнице на улице Грановского, мы часто навещали ее. Дедушка почти не отходил от ее постели. Кстати, в соседней палате находился ваш коллега — писатель Валентин Катаев. Он, слава Богу, выздоровел, а бабушка скончалась. Ее похоронили на армянском кладбище, напротив Ваганьковского.

Я не распрашивал Карину, как перенес Иван Христофорович этот тяжелейший удар судьбы. Думаю, читателям нетрудно представить его состояние даже по нескольким приведенным выше его письмам.

Карина коротко завершила эту печальную часть нашей беседы:

— Меня отправили на нашу дачу в Баковке, чтобы я не путалась под ногами. Через несколько дней дедушка приехал на дачу. По тому, как он вышел из машины, я поняла: случилось что-то ужасное! Он подошел ко мне и сказал: «Нашей бабули больше нет с нами», — и заплакал. После бабушкиной смерти он изменился —

спик, начались проблемы со здоровьем — он узнал, где находится сердце, которое до этого никогда не болело.

Мне очень жаль Тамару Амаяковну, Ивана Христофоровича да и мою молодую собеседницу. Чтобы как-то отвлечь ее от грустных воспоминаний, перевожу разговор на более приятную для нее и для меня тему. Тем более что у нас в жизни оказались сближающие обстоятельства: Карина вместе с моей дочерью Олей училась в Военном институте иностранных языков. Они однокашницы. У них жизнь сложилась одинаково не только в годы учебы. Обе они получили звание лейтенанта, как и полагается, вышли замуж и через некоторое время разошлись с мужьями. Они очень самостоятельные! Обе растят сыновей: Карина — Андрюшеньку, Оля — Мишеньку, которые учатся (в 2006 году) в третьем классе.

И Карина, и Оля удостоены высокого звания полковник и служат в Российской армии по сей день! Разница у них только в одном — Карина вторично вышла замуж, а моя Оля все еще ждет своего суженого принца.

Во второй половине 1970-х годов Баграмян, уже не обсергасмый Тамарой Амаяковной, несколько раз простудился. На юг, в Сочи, выезжать не разрешили врачи: там жарко, нехорошо для сердца. Советовали отдыхать в Прибалтике. Но здесь сыро, дожди, море холодное. Он четыре года подряд съездил в Прибалтику и четыре раза возвращался оттуда с тяжелой простудой. А в конце 1977 года вывезли его из Риги в Москву с воспалением легких и положили в правительственную больницу на Мичуринском проспекте. Болезнь протекала очень тяжело.

Ну а теперь пора приступить к изложению той части главы, которая называется «радости». Уж так устроена наша жизнь: в ней постоянно перемежаются печали и радости. Причем и то и другое часто приходят неожиданно.

Находившийся рядом с маршалом в эти дни в больнице генерал Корнеев мне рассказал:

— Иван Христофорович был в безнадежном состоянии. Консилиум во главе с академиком Блохиным, не оглашая широко диагноза, мне сказал: месяца три-четыре, не больше, осталось жить Ивану Христофоровичу. Я почти постоянно находился при нем, только вечером отправлялся домой.

Утром присажую, захожу в палату и вижу: с каждым днем ему все хуже. Угасает. Лежит молча. Иногда приоткрывает один глаз и опять в полусон, в полузабытье.

И вдруг — о, радость! О, счастье! В газете «Правда» опубликован:

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О награждении Героя Советского Союза
Маршала Советского Союза Баграмяна И.Х.
орденом Ленина и второй медалью
«Золотая Звезда»

1 декабря 1977 г.

За заслуги перед Вооруженными Силами СССР, мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны, и в связи с восьмидесятилетием со дня рождения наградить Героя Советского Союза Маршала Советского Союза Баграмяна Ивана Христофоровича орденом Ленина, второй медалью «Золотая Звезда» и соорудить бронзовый бюст на родине героя.

*Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
Л. БРЕЖНЕВ
Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ*

Я показал газету Ивану Христофоровичу, прочитал указ. Он оживился. Сел. Я подложил ему под спину подушку. Стал поздравлять его. Тут и врачи пришли, тоже поздравляют. Около десяти утра звонок по внутреннему телефону. Я поднял трубку. Дежурный врач говорит:

— Приехал товарищ Косыгин, хочет поздравить маршала. Примет?

Я передаю это Ивану Христофоровичу. Он просто засиял.

— Конечно, пусть заходит! — А мне говорит: — Достань из шкафа китель и рубашку, одень меня. Не могу же я Председателя Совета Министров в белье принимать.

Он пересел в кресло. Я помог надеть форму. Вошел Косыгин, с цветами, веселый, улыбающийся, обнял Ивана Христофоровича, тепло поздравил с высокой наградой, пожелал скорого выздоровления.

После визита Алексея Николаевича Иван Христофорович повеселел, глаза засияли, даже цвет лица стал лучше. А тут опять звонок — приехал поздравлять начальник Генерального штаба маршал Огарков. И тоже с цветами, с подарком, с добрыми пожеланиями. За ним последовали один за другим Микоян, замминистра генерал армии Куркоткин, Главком Сухопутных войск генерал армии Павловский. Дочка Маргарита с мужем Сергеем, внуки Карина и Ванечка приехали, обнимали, целовали дедушку.

В середине дня целая правительственная делегация: заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР Кузнецов Василий Васильевич, Секретарь Президиума Георгадзе, заместитель министра генерал армии Соколов, начальник Главного политического управления генерал армии Епишев. Собрались врачи, гости.

Кузнецов торжественно зачитал Указ Верховного Совета, вручил Золотую Звезду Героя Советского Союза и орден Ленина, поздравил сам и все присутствующие.

Эта награда дала Баграмяну прилив новой жизненной энергии, как говорят спортсмены, открыла второе дыхание. К вечеру он уже не выглядел тяжело больным. Окрыленный высокой наградой и добрыми пожеланиями друзей, он вдруг сказал:

— Вызывай машину! Поседу домой. Не могу я здесь принимать гостей. Надо накрыть стол. Чтобы все было, как полагается.

Врачи сначала отговаривали — не полагается так уезжать больному. Но, видя, как ему помогло это вдохновение, решили не препятствовать ради его же пользы.

Баграмян поехал на квартиру в Сивцевом Вражке и несколько дней принимал гостей «как полагается», с кавказским гостеприимством.

Кроме посетителей, шли со всех концов страны поздравительные телеграммы. Их было очень много, все привести невозможно, покажу только одну, она отражает чувства других почитателей, и самое главное — от кого была эта телеграмма:

ВЫСОКОЧТИМОМУ МАРШАЛУ ОВАНЕСУ БАГРАМЯНУ!

Весь армянский народ, как в нашей советской родной Отчизне, так и за рубежом, в эти дни гордится и ликует, что в связи с Вашим 80-летием Вы снова удостоились самых высоких наград Советского государства.

Гордясь по праву, армянский народ никогда не забудет, что в дни Великой Отечественной войны, будучи на первой линии огня, на протяжении 4-х лет подряд Вы под своим командованием вели армии от победы к победе и как истинный сын мужественного армянского народа

славой героя увенчали имя свое в ряду героев советских братских народов.

Ваше лучезарное имя, подобно имени полководца Андрианика, будут с признательностью помнить века, как наивысший пример патриотизма.

Из Святого Эчмиадзина сердечно приветствуем Ваше доблестное 80-летие и славные заслуги и желаем нескончаемых дней доброго здоровья...

Вы будете лучезарны и незабвенны всегда!

Вам, маршал именитый, — наша любовь, наше уважение, наше восхищение и наше благословение!

ВАЗГЕН I

Католикос всех армян

В свои 80 лет Баграмян будто воскрес, болезни как не бывало! Радостное событие продлило ему жизнь еще на 5 лет!

Дача в Баковке была его любимым местом обитания. Сюда он приезжал на субботу и воскресенье, когда «был при должности». Здесь жил постоянно в последние годы, писал мемуары, гулял в яблоневом саду. Он принадлежал к тому типу людей, которые не могут жить без постоянного общения с друзьями, соратниками, товарищами. В субботу и воскресенье, в праздничные дни приезжали дочь, внуки, гости.

У него был обширный круг друзей и знакомых — военные, ученые, писатели, музыканты, художники, государственные деятели и простые люди. Люди тянулись к нему. Он встречал приветливо, искренне был рад их приходу, беседовал с ними, был очень внимателен к ним.

Гулял с ними по дачной аллее, сидел в беседке, рассказывал эпизоды из своей богатой и интересной жизни. Он умел увлечь своим рассказом. Его всегда внимательно слушали.

Любил играть в шахматы или нарды. Умел готовить шаплык, как заправский кулинар.

Он был земным человеком, в общении с людьми находил истинное наслаждение.

Баграмян был большим ценителем искусства. Он тонко чувствовал музыку, любил театр, хорошо понимал живопись. Его можно было часто увидеть на вернисажах, в театрах.

Художники и скульпторы создавали портреты маршала, документалисты запечатляли его образ на киноплёнке, писатели и журналисты писали книги и очерки о нём.

И.Х. Баграмяну очень нравился портрет, написанный Мартиросом Сергеевичем Сарьяном. Надо признаться, маршал вообще высоко ценил искусство художника. В квартире И.Х. Баграмяна на стене висела картина «Арарат», подаренная Сарьяном.

Мартирос Сергеевич нежно любил и уважал полководца.

Это было давно. Как-то вместе с Сариком, сыном Сарьяна, пришли мы в мастерскую Варпет. Разговор зашел о великих и достойных сынах армянского народа, начиная с далеких времен, из глубин истории...

— Наш народ всегда был мирным, — сказал Варпет. — Но часто нас заставляли брать в руки оружие, защищать Родину, ее честь. В такие критические ситуации борьбу нашего народа возглавляли вышедшие из народных недр восначальники, которые проявляли чудеса мужества и героизма. Такой гигантской фигурой, богатырем мне представлялся наш Ованес Баграмян.

В первой половине дня после утренней прогулки по большому яблоневому саду, когда маршалу не надо было уезжать по делу, он садился писать. Писал мемуары, воспоминания о своих боевых друзьях, статьи, рецензии на книги и фильмы по заказу редакций.

Во второй половине дня он принимал гостей — избирателей из далекой Армении, ветеранов войны, фронтовых друзей из других городов, людей искусства и литературы.

И засиживались они иногда до позднего вечера.

Из музыкантов Баграмян очень любил Арама Ильича Хачатуряна. «Хачатурян — вулкан, который еще не все изверг, — говорил он. — Мне кажется, свой шедевр он еще создаст...»

Хачатурян, автор Второй симфонии и симфонической поэмы «Сталинградская битва», в свою очередь, глубоко уважал Баграмяна как полководца и человека. «О войне и о героях еще напишу, — как-то сказал Арам Ильич, — не знаю, что это будет — симфония, поэма, а может, оратория. Но знаю, что это будет нечто героическое о народе-победителе, о воинах и полководцах, о мужестве и храбрости...

И каждый раз, когда встречаюсь с Иваном Христофоровичем, я чувствую себя в долгу перед ним».

Народный художник СССР Налбандян вспоминает:

— С Иваном Христофоровичем я познакомился после войны, в 1946 году, в Риге. Он сразу пленил меня своей человечностью, вниманием, добротой. Когда он согласился, чтобы я писал его портрет, возник вопрос — как. Мы с ним обсудили этот вопрос и пришли к выводу: в шинели. Тем болсе на дворе была зима. Хотелось ближе к натуре.

Через две недели работа была завершена — Иван Христофорович изображен во весь рост в шинели...

С тех пор у нас продолжалась дружба.

Спустя восемь лет я написал новый портрет Баграмяна в 1954 году. Этот портрет сейчас находится в Музее революции в Армении.

Третий раз я написал маршала в 1981 году, на даче в Баковкс. В этот раз я увидел его задумчивым, оза-

боченным, но по-прежнему добрым, спокойным, уверенным.

К каждому новому портрету мною было сделано много зарисовок. И каждый раз в этом необыкновенно мудром человеке находил я что-то новое, интересное, что и пытался воспроизвести на холсте.

Композитор Экимян говорит:

— С тех пор как мне посчастливилось познакомиться с Баграмяном, он стал для меня самым дорогим человеком, свособразным камертоном. Я часто приезжал к нему со своими песнями. Иногда он становился первым их слушателем. Иван Христофорович очень любил песню, народную песню, тонко чувствовал мелодию.

Баграмян подтверждает это:

— Я очень люблю песни Алексея Экимяна. Они мне нравятся задушевностью, искренностью, мелодичностью. Многие из них настолько близки и нравятся, что мне кажется, я их слышал очень давно, еще в раннем детстве...

Песня должна схватывать за душу, мелодия должна запомниться надолго, навязчиво преследовать тебя. Вот такая песня остается в народе, народ ее поет...

Художник Федор Митрофанович Копяхин юношей попал на фронт. Демобилизовавшись, после войны с отличием закончил Московский государственный художественный институт им. В.И. Сурикова. Посвятив себя живописи, он много ездил по стране. Темой его творчества стали пейзажи и люди советской Родины, сильные и духом, и физически. Много он писал о войне, о героях военной поры. Это были портреты военачальников, ветеранов войны, людей мирного труда.

Он написал портрет и Баграмяна.

— Я всегда стремился показать богатство души людей, судьба которых меня волновала, — говорил Федор Митрофанович. — Это удавалось только большим тру-

дом, постижением в процессе общения. Помню волнение, с которым я шел на первую встречу с Баграмяном. Но потом, после одного-двух сеансов я был удивлен, насколько он был человечен, добр, мудр, тактичен, деликатен со всеми. Домашняя обстановка, где мы работали, располагала к общению. Иван Христофорович оказался человеком большой, многосторонней культуры, знакомым со многими художниками и писателями. Мы много говорили о предназначении искусства, и он неизменно проявлял тонкое знание этого предмета.

Так создавался на полотне образ человека мудрого и воинственного, но очень доброго, внимательного, хлебосольного.

Довелось мне наблюдать и интересные эпизоды из повседневной жизни. Однажды пришла к нему девушка и попросила книгу мемуаров для больного отца, воевавшего на его фронте. Он с большой охотой подарил ее. Многим помогал он своим авторитетом.

Иван Христофорович особенно приветливо встречал ветеранов, участников войны, любил их по-братски. Это видно из его слов, сказанных однажды при выступлении по Центральному телевидению:

— Сердце радуется каждый раз, когда я вижу ветеранов в строю. Так держать! Это говорит вам ваш бывший командующий. Мы должны жить и здравствовать, чтобы рассказать подрастающему поколению о революционных и ратных подвигах наших людей, грудью своей отстоявших свободу и независимость любимой Отчизны в ожесточенной битве с фашизмом.

Мы с честью вышли из этой жестокой борьбы, вышли сильными, обогащенными военным и жизненным опытом.

...Много лет прошло с тех памятных, незабываемых лет. Ваш героический подвиг никогда не забудется. Он сохранится вечно в памяти народной.

Как быстро пролетело время, друзья! Словно вчера это было. Мы все — молодые, красивые, крепкие... Впрочем, мы и сейчас крепки духом и нашей фронтовой, нерушимой дружбой.

Иван Христофорович хорошо играл в шахматы. Не любил проигрывать. Но, даже сражаясь с чемпионом мира Тиграном Петросяном, замечая, что «противник» начинает играть «снисходительно», заявлял:

— Если вы и дальше будете так играть, я прекращаю партию.

Он вообще любил спорт. Утром занимался гимнастикой. Много времени уделял ходьбе. Любил футбол. Часто бывал на стадионе. Ездил на стадион со своим земляком, Главным маршалом Бронстанковых войск Амазаспом Хачатуровичем Бабаджаняном. Он болел за московский «Спартак», Бабаджанян — за ЦСКА. А за «Арарат» болели вместе.

Надо сказать и о неслегких депутатских обязанностях. Знаю об этом не понаслышке, самого дважды удостоили такого почетного звания. Баграмян был бессменным депутатом Верховного Совета СССР с 1946 года. К нему приходили сотни избирателей (и не избирателей), и все с такими просьбами и проблемами, которых никто, кроме депутата, разрешить не может. И он решал! Но, кроме личных общений, шла еще и огромная почта.

Писали со всех концов страны: из Латвии, с Дальнего Востока, из Сибири и, конечно, из Армении...

Это были письма друзей, однополчан, письма-воспоминания фронтовиков, пожелавших поздравить своего бывшего командующего фронтом с юбилейной датой или праздником, письма-отзывы на книги-воспоминания маршала о войне, письма-просьбы от различных учреждений, колхозов, от ветеранов войны оказать содействие в решении того или иного вопроса: жилищного, устройства на работу, приема в военное

училище, до самого простого, вплоть до приобретения мебели...

И ни одно письмо не было оставлено без ответа.

Со свойственной ему добросовестностью Баграмян вникал в суть вопроса, просьбы и на своем депутатском бланке обращался в соответствующие организации. И вопросы решались.

Тогда к маршалу шли письма благодарности.

— Депутат — избранник народа, — говорил Баграмян. — Нельзя не оправдать его доверие. Раз написали письмо, обратились ко мне как к депутату, значит, написавший связывает с этим письмом надежды, с нетерпением ждет ответа. В письме часто автор раскрывается, делится с тобой. Как можно безразлично относиться к письмам? За каждым письмом надо увидеть человека. Безразличие убивает людей, озлобляет их...

Одно письмо, полученное Баграмяном еще во время войны, он выделил из всех, хранил дома в кабинете, рассказал о нем и мне.

Письмо прислала из Америки Апаит Баграмян. Она пишет:

«Уважаемый земляк, друг или брат! Не знаю, как обращаться к Вам, Вы меня не знаете, хотя давно стали для меня родным человеком.

Я американка армянского происхождения, которая любит Советскую Армению, является другом Советского Союза...»

Далее в письме рассказывалось, как в далеком детстве семью этой женщины, жившую в турецкой Армении, настигли бандиты-изуверы, как она бежала в Россию. У нее был брат Ованесс (Иван), который восстал против турок в Первой мировой войне, и о нем ничего неизвестно.

«Пожертвовала я для Красной Армии и для детей павших в бою советских воинов свое ожерелье и золотое кольцо — все, что имела. Отдала свои сбережения в фонд постройки эскадрильи “Давид Сасунский”.

В первые годы тяжело дышалось, как будто переставало биться сердце. Свободно вздохнули, когда радио сообщило о большой победе Красной Армии под Сталинградом. Радио! Прекрасное творение человека! По радио в первый раз я услышала Ваше имя, далекий мой брат!.. Фамилия у нас с Вами одна — Баграмян. И брата моего звали Иваном (Ованесом). Неужели Вы не мой брат? Не может быть, чтобы не сбылись мои мечты, — продолжала Аняит. — На днях зашла ко мне подруга, американка — художник. Посмотрела она на Ваш портрет, вырезанный мною из журнала и прикрепленный к стене, и вскрикнула: “О боже мой, как похож этот человек на вашего сына! Не родственники ли вы?”

И, повернувшись ко мне, она удивилась: “Что вы так побледнели, Аняит, что случилось?”

После этого я твердо решила написать Вам это письмо. Ответьте мне хотя бы двумя строками, если вы даже не мой брат. Если не одна мать нас родила, все равно вы мой брат. Пусть природа дарует Вам долгую жизнь и пусть здравствует наша любимая Советская Армения. Разрешите подписать так: Ваша сестра».

Иван Христофорович ответил незнакомой женщине:

«Дорогая сестра! Письмо Ваше очень взволновало меня. Я родился на Кавказе, но не в турецкой Армении, и до сегодняшнего дня не было у меня сестры по имени Аняит. Но Вы можете считать меня своим родным братом. Нас не родила одна мать, но родил нас один народ и одарил общими чувствами. Отныне я буду знать,

что у меня есть сестра за далеким океаном. Ваш брат Ованес...»

Баграмян навсегда запомнил эту женщину.

Несколько раз, встречаясь случайно с группами туристов из Америки, в гостинице, в театре, на симпозиумах, Баграмян спрашивал: «Нет ли среди вас Анаит Баграмян?»

Но встретиться им так и не довелось.

После этого отступления, отвлекающего от грустных воспоминаний, придется вернуться к той части названия главы, которая обозначена как «печали».

Судьба не ограничилась жестоким отъемом любимой жены, она поразила кровоточащее сердце Ивана Христофоровича еще одной бедой — трагически погиб сын Мовсес!

Мовсеса Иван Христофорович хотел бы видеть военным. И была на это возможность — Мовсес учился в Студии военных художников имени Грекова. В нее он поступил во время срочной службы в армии. Имел тогда звание старшины. Выезжал в 1943 году со студийцами на фронт для зарисовок эпизодов войны. Но в армии служить не остался и художником-баталистом не стал. Вырос в профессионального художника со своим индивидуальным стилем. Он пейзажист колоритный, эмоциональный, с особым ощущением цвета и света. Но, будучи пейзажистом, Мовсес все же написал и портрет отца, при всех наградах, со спокойным, мудрым лицом человека, много свершившего, на груди которого только орденов Ленина — семь и две Золотые Звезды Героя. Но дело даже не в наградах — отцу уже за восемьдесят, а лицо его, взор, осанка говорят о том, что он — маршал, готовый, если надо, руководить и сражениями за Родину.

К сожалению, этот портрет, созданный в 1980 году, был последней крупной картиной Мовсеса. Я попросил Карину рассказать, как произошла эта беда.

— Мовсес был художник, и жена его, Наташа, тоже художница. У них была своя квартира, у Мовсеса еще и мастерская. Оба они были невероятные собачники и кошатники. Причем не разводили каких-нибудь породистых, а подбирали побитых, покалеченных, кем-то выброшенных и бездомных. Им даже подбрасывали животных, зная, что они не оставят без помощи.

Соседи их уважали. Жили они хорошо. Но однажды Наташа заждалась Мовсеса к обеду. Звонила в мастерскую — не отвечает. Тогда она пошла за ним сама. Дверь в мастерскую оказалась открытой, а на полу лежал убитый Мовсес. Кто совершил это злодеяние, не раскрыто по сей день. Да и не было настойчивого расследования. Дедунка, конечно, мог бы добиться при его авторитете более внимательного поиска преступника, но он в те дни лежал тяжело больным. Ему не решились сообщить о гибели сына. Это добило бы его.

Все же сказали и об этой утрате, но после похорон.

Надо ли говорить о страданиях отца, потерявшего сына?

О его переживаниях я бы мог рассказать «со знанием дела», за месяц до написания этих строк, в конце 2005 года, умер мой сын Василий. Остановилось сердце. Было ему 47 лет, офицер запаса, главный редактор одной из небольших московских газет.

Но, как бы ни было тяжело, жизнь продолжалась, и, как полагается солдату, потерявшему друга на поле боя, Иван Христофорович старался «оставаться в строю». Да и я, грешный, глушил горе напряженной работой над этой книгой.

А Иван Христофорович в те дни напрягал остатки сил, создавая очерки о своих соратниках по войне. В эти

трудные дни он часто вспоминал родные края, хотелось побывать, полюбоваться, получить прилив сил от благодатной кавказской природы, от земляков, которые любили и привечали его при таких встречах.

Об этих встречах помнили и писали, они приносили радость, прибавляли силы. Вот несколько слов из воспоминаний профессора, доктора исторических наук Рачья Симоняна:

«Каждый приезд Ованеса Баграмяна в родную Армению превращался для трудящихся республики в настоящий праздник.

И это не случайно. Ованес Баграмян стал легендарным для нас. Он собой олицетворял военный гений армянского народа. В его собирательном образе мы видели героев национально-освободительного движения нашего народа, воинов Сардарпатской битвы и героев Гражданской и Отечественной войн.

Каждый раз, когда этот прославленный сын нашего народа приезжал в Армению, мы с чувством высокой ответственности докладывали ему о достигнутом.

Мы твердо знали, что успехи нашего народа вызывали бесконечную гордость в его душе.

Пока будет жив наш народ, вечно будет бессмертное имя Ованеса Баграмяна».

С историком перекликаются слова поэтессы Сильвы Капутикян:

«Баграмян неотделимо от судьбы в жизни народа жил, боролся, вместе с ним грустил, радовался, в свою очередь, сам внося ценный вклад в эту жизнь и его судьбу. Он участник Сардарпатского сражения, Гражданской войны в Армении, в последний войне скрестил оружие с врагом далеко от Армении, возглавляя многонациональные полки Советской Армии на полях Великой Отечественной войны, он вдохновлял на ратный подвиг многие тысячи бойцов.

И когда пришла победа, когда маршал Баграмян стал передким гостем родной Армении, когда он, исполненного сложения, в парадной маршальской форме, еще больше подчеркивающей его мужество, стал часто появляться на наших трибунах, на наших праздниках в торжествах — целый край, целый народ, веками терзаемый, восставший против насилия и непокоренный, полюбил его, приласкал, сроднился с ним, заполнил им свою тоску по героям, ставшим легендой, историей, и по праву гордился им.

Таким был для вас маршал Баграмян, один из выдающихся полководцев Советской страны, честный гражданин, человек добрый — силой своей, строгостью, сердечный, помогающий всем, каждому протягивающий руку помощи.

Баграмян очень гордился успехами и достижениями Советской Армении. Об этом он всегда говорил во время своих бесчисленных встреч с трудящимися республики — Ширакской долины, Лорийского края, Севанского бассейна. Он восхищался неповторимыми красотами прекрасного курорта Дилижана и воспетого поэтами Арагаца, замысловатыми очертаниями Зангезурских скал и виноградными плантациями Араратской долины. Народ всюду встречал маршала хлебом и солью, музыкой и танцами.

Эти встречи превращались в настоящий праздник...»

Баграмян для молодежи был символом для подражания, образцом, «делать жизнь с кого». Об этом пишет известный армянский писатель Вардгес Петросян:

«Маршала Баграмяна я впервые увидел в 1947 году. Он был для нас человеком-легендой. И случилось так, что эту легенду я должен был увидеть вблизи. Иван Христо-

форович (тогда он был еще генералом армии) приехал в Ереван, на предвыборную встречу с избирателями.

Я тогда учился в 8-м классе, писал стихи, рисовал. Кто-то заметил мое стихотворение о легендарном полководце (оно было напечатано в газете "Пионер калч") и решил, что прославленного генерала от имени детей Армении должен приветствовать я.

Вся наша школа ликовала, все завидовали мне, даже учителя. Было трудное послевоенное время, и, чтобы я выглядел более или менее "элегантно", школьные товарищи принесли все самое лучшее, что имели: обувь, сорочку, костюм. Так меня одели-обули всем классом. Только пионерский галстук был свой, собственный.

Встреча должна была состояться в зале филармонии, и задолго до ее начала здание было окружено народом — все хотели видеть Баграмяна...

Помню, дрожащим голосом наизусть я читал мое стихотворение, потом подошел к Баграмяну и подарил портрет, который нарисовал тоже я. И только тут я вблизи увидел человека-легенду. Он плакал. Легенда плакала. Иван Христофорович поцеловал меня, и вдруг я оказался за столом президиума между ним и первым секретарем ЦК КП Армении Г.А. Арутюняном.

Прошло более 40 лет с того дня, но я и сейчас волнуясь: я сидел рядом с Баграмяном, он разговаривал со мной, легко гладил по голове, улыбался. Кстати, через месяц после этой встречи меня вызвали в горсовет и сообщили, что нам предоставляют новую квартиру. Оказывается, об этом из Риги просил Баграмян. И я вспомнил, что, когда Иван Христофорович расспрашивал меня, какая у нас семья, где, как я живу, я ответил, что нас семь человек, живем в полуподвале, в одной сырой комнате... "Значит, он не забыл, помнил", — промелькнуло в голове. Я стоял тогда перед председателем горсовета, а на глазах — слезы...

Потом Ивана Христофоровича я видел много раз, но подойти к нему смелости не хватало. И вот в 1963 году, когда я работал редактором газеты "Пионер канч", мне сказали, что маршал приехал в Армению, должен поехать в Цахкадзор к пионерам, и что я должен быть в числе сопровождающих.

Это был изумительный, незабываемый день...

И только за обедом я осмелился подойти к маршалу и рассказать о моей первой встрече с ним, о той квартире, которая в вашей семье именовалась "квартира Баграмяна". Маршал вспомнил, обнял и прижал меня к груди.

Он был сильным человеком. Я еще раз убедился, что истинная доброта — удел сильных.

После этой новой встречи я посылал ему все свои книги и однажды получил бесценный дар — его мемуары с автографом.

Он пришел из легенды и ушел в легенду. Но для меня он остался навсегда близким человеком, добрым дядей из моего трудного детства. И я всегда горжусь, что вырос и стал человеком в "квартире Баграмяна"».

Я не могу завершить повествование похоронами. Это будет неправильно. Похороны — это ритуал прощания с дорогим, заслуженным человеком. Но этому печальному расставанию предшествовала большая, прекрасная, счастливая жизнь. Не в смерти, а в жизни смысл и итог бытия человека!

И вот этот большой, величественный итог заслуг, совершенных для Отечества и близких людей, должен вызывать в нас утешительную благодарность.

Великие заслуги маршала Баграмяна как полководца отмечены в некрологе от имени народа руководством страны. Напомню читателям: моя задача была познакомить вас с деятельностью Баграмяна в послевоенные годы и особенно в то десятилетие, ког-

да он возглавлял Тыл Вооруженных сил СССР. Как я выполнил это обещание, судить вам. Но объективные итоги проделанной работы маршалом Баграмяном видны независимо ни от моего, ни от вашего желания или нежелания. Плоды его трудов очевидны, как состоявшиеся дела и как продолжающиеся и сегодня его начинания.

Прежде всего надо отметить — деятельность Баграмяна проходила в эпоху появления ядерного оружия, что произвело полный переворот в теории и в практике боевых действий войск. Баграмяну пришлось изучить возможности нового оружия. Вместе со своими начальниками управлений, тоже опытными и образованными работниками тыла, создать новую теорию организации тыла, которая превратилась в надежный инструмент управления всем процессом его строительства и развития: она обеспечивала научный подход в планировании и практическом осуществлении мероприятий по совершенствованию тыла, определения перспектив его развития.

Развитие Тыла Вооруженных сил определялось законами вооруженной борьбы и военно-экономическими законами, являлось результатом разрешения постоянно возникающих противоречий между увеличивающимися потребностями вооруженных сил и возможностями их своевременного и полного удовлетворения. Увеличение потребностей войск обуславливало возрастание объема задач по материальному, транспортному, медицинскому и другим видам тылового обеспечения.

Это было разрешено путем создания новой организации центрального аппарата — Тыла Вооруженных сил и совершенно новых тыловых структур: тыл Ракетных войск стратегического назначения, тыл Военно-воздушных сил, тыл Военно-морского флота, тыл Воздушно-десантных войск.

Материальные потребности вооруженных сил увеличивались не только в количественном, но и в номенклатурном отношении. В значительных размерах появились такие новые виды материальных средств, как ракеты, ядерные боеприпасы, ракетное топливо, различные электронные приборы, специальное оборудование, новые средства защиты. Каталог материальных средств военного назначения достиг миллионных наименований.

И все это под руководством маршала Баграмяна — тыл поставлял в войска и готов был обеспечивать всем необходимым в условиях боевых действий с применением ракетно-ядерного оружия.

Одним штрихом напомним специфику этих боевых действий.

Появилась новая характерная черта операций — сочетание ядерных ударов, наносимых на большую глубину, и стремительные действия войск по направлениям в условиях отсутствия сплошного фронта. Изменились показатели размаха операций, боевого и численного состава оперативных объединений, а следовательно, и объема работы тыла по обеспечению боевых действий войск и сил фронта в новых условиях.

При ведении таких операций резко сокращались или полностью исключались оперативные паузы на подготовку последующих операций, значительно усложнялось решение задач не только по заблаговременному накоплению сил и средств тылового обеспечения, но и по созданию условий для бесперебойного обеспечения войск.

На первый взгляд эти неразрешимые проблемы были успешно преодолены, проверены на практике на учениях и особенно в стратегической операции «Анадыр». Огромные достижения в революционном преобразовании работы тыла в условиях ракетно-ядерной войны

являются основополагающими по сей день в работе современного Тыла Вооруженных сил России. И, как видим, личные заслуги маршала Баграмяна в этих революционных преобразованиях очень высоки — не только в годы его службы, но и сегодня, и в будущем.

* * *

Обратите внимание на фотографию (см. вкладку), сделанную в день похорон, где руководители государства стоят на трибуне Мавзолея. Среди них нет ни одного командующего фронтом. В послевоенные годы на этой трибуне бывали многие маршалы, в их числе и Баграмян. Теперь, как видите, ни одного командующего фронтом: все они ушли из жизни раньше Ивана Христофоровича: Генералиссимус Сталин Иосиф Виссарионович — в 1953 году; маршал Толбухин Федор Иванович — в 1949 году; маршал Говоров Леонид Александрович — в 1955 году; маршал Малиновский Родион Яковлевич — в 1967 году; маршал Рокоссовский Константин Константинович — в 1968 году; маршал Мерецков Кирилл Афанасьевич — в 1968 году; маршал Ворошилов Климент Евремович — в 1969 году; маршал Тимошенко Семен Константинович — в 1970 году; маршал Еременко Андрей Иванович — в 1970 году; маршал Буденный Семен Михайлович — в 1973 году; маршал Конев Иван Степанович — в 1973 году; маршал Жуков Георгий Константинович — в 1974 году; маршал Василевский Александр Михайлович — в 1977 году; маршал Голиков Филипп Иванович — в 1980 году.

В 1982 году ушел Баграмян Иван Христофорович — последний из славной когорты, командовавшей фронтами. Наверное, сказалось известное кавказское долголетие. Долгожители счастливы тем, что дольше других оставались на нашей теплой, солнечной Земле. Но есть в их долгожительстве и весьма горькие дни. Им

приходится хоронить близких, прощаться с боевыми друзьями, которые раньше отходили в мир иной.

Маршал Баграмян пережил всех перечисленных выше соратников по командованию фронтами. Но разве меньше ему довелось скорбеть, прощаясь с тоже ушедшими из жизни маршалами Шапошниковым, Чуйковым, Москаленко, Крыловым, Бабаджаняном, Исаковым, многими другими боевыми друзьями — однополчанами по фронту. Правильно говорят: на веселье приходят по приглашению, а на бедствие — без зова. Баграмян приходил без зова — прощаться с фронтовиками разных званий.

И вот пришел и его последний день. Случилось это в больнице. Перед кончиной долго и тяжело болел. Лечили от воспаления легких, а умер, как сказано в истории болезни, от сердечно-сосудистой недостаточности, абсцесса миокарда, иначе — разрыв сердца.

Печальная весть прозвучала на всю страну и за ее пределы. В газетах, по радио и телевидению были опубликованы правительственное сообщение, некролог, подписанный руководителями партии, государства, приказ министра обороны о порядке прощания, траурном митинге на Красной площади и артиллерийском салюте. Сообщение о смерти Баграмяна, статьи о его жизни и деятельности были опубликованы в газетах и журналах многих стран мира.

Прощались с маршалом Баграмяном в Центральном доме Советской Армии. В Большом зале окна и люстры завешаны траурными мантиями. Гроб в середине зала, обложен венками и цветами. На красных подушечках — многочисленные награды покойного. Глядя на ордена и медали, я подумал о больших победах, которые стоят за каждым из этих значков отличия.

Отвлекаясь от похорон, скажу: не раз у меня возникали грустные размышления при встречах с ветерана-

ми на улице, в метро, в троллейбусе, на груди которых планочки с орденскими ленточками. Проходят мимо ветеранов люди (особенно молодежь) и не видят, не обращают внимания на эти орденские ленточки. Никто не задумывается, за какие смертельно опасные дела удостоен этот человек орденом или медалью, обозначенной цветной ленточкой. За каждой из них — подвиг (большой или малый), о нем командование писало специальное представление правительству, излагая суть смелого поступка, достойного награждения. Этот документ шел выше, и старшие начальники последовательно подтверждали — «достоин высокой награды» — и ходатайствовали о ней. В высоких инстанциях обсуждали, принимали решение, издавали указ, отмечающий заслугу награждаемого, давали ей оценку и определяли, каким орденом или медалью правительство (или от его имени командование) награждает отличившегося. И после этого еще торжественное вручение (и обмывание), прославление награжденного в печати и устно. Вот такой высокий, почетный, приятный процесс происходит, прежде чем появится на груди этот маленький квадратик цветной ленточки. Обидно, что мало кто знает об этом и равнодушно скользит взглядом по орденским планкам на груди заслуженных ветеранов.

Глядя на награды маршала Баграмяна, выложенные в день прощания с ним, я подумал: если собрать все представления, которые писались, оценивая каждую его победу, смелый поступок или многолетний труд, наверное, из этих документов сложится довольно объемистый фолиант. Может быть, уместно собрать эти представления и включить в эту книгу? Но тогда мое произведение превратится в архивную справку, что не входит в мои намерения. Ограничусь лишь перечислением наград, которых был удостоен маршал (до этого

высокого звания) за свою добросовестную и преданную службу Отчеству:

- две медали «Золотая Звезда» Героя Советского Союза (1944, 1977);
- семь орденов Ленина;
- орден Октябрьской Революции;
- три ордена Красного Знамени;
- два ордена Суворова I степени;
- орден Кутузова I степени;
- орден «За службу Родине в ВС СССР» III степени;
- пятнадцать медалей;

Награды других государств:

- орден Сухэ-Батора, МНР;
 - орден Боевого Красного Знамени, МНР;
 - орден Командорский крест со звездой, ПНР;
 - орден Возрождения Польши 2-го класса, ПНР;
 - орден «Командорский крест ордена Возрождения Польши» 1-го класса, ПНР;
 - орден «Народная Республика Болгария» I степени, НРБ;
 - орден Карла Маркса, ГДР.
- И еще десять медалей различных государств.

Посмотрите на фотографию на обложке этой книги, вы увидите весь этот замечательный «иконостас» на груди маршала и постарайтесь по моему совету, не торопясь, спокойно представить все, что символизируют эти высокие награды.

...Тысячи москвичей и присезжих длинной вереницей медленно продвигались ко входу в Центральный

дом Советской Армии, чтобы попрощаться с полководцем.

В почетный караул у гроба вставали Генеральный секретарь ЦК КПСС Брежнев Леонид Ильич, Председатель Совета Министров СССР Тихонов Николай Александрович, министр обороны СССР маршал Устинов Дмитрий Федорович, начальник Главпура генерал армии Епишев Алексей Алексеевич. Их сменяют другие военачальники. Все они подходят, высказывают соболезнование родственникам покойного, которые сидят на стульях у гроба — дочь маршала Маргарита с мужем Сергеем, внуки Карина, Володя, другие близкие и друзья.

После кремации состоялся траурный митинг на Красной площади. Урну, обрамленную цветами, по традиции сначала всзут на орудийном лафете, затем несут — министр обороны маршал Устинов и офицеры, рядом идут члены и кандидаты Политбюро — Гришин, Тихонов, Соломенцев, Горбачев, Долгих и другие руководители партии и государства. Они направляются к Кремлевской стене, где подготовлено место для урны с прахом Баграмяна. Урна замуровывается в Кремлевскую стену. Гремит прощальный артиллерийский салют. Укрепляется плита из черного мрамора, на ней написано золотым шрифтом:

**«Иван Христофорович
Баграмян
18^{2/12} 97—19^{21/9} 82»**

На траурном митинге прощальную речь произносит маршал Устинов. Войска Московского гарнизона торжественным маршем отдают последнюю почесть

прославленному воину, маршалу Баграмяну Ивану Христофоровичу.

Память о нем хранят в своих сердцах родные, близкие, друзья и многие офицеры и генералы, служившие под его командованием на фронте и в мирные дни.

На его родине село Чардахлы отныне носит имя Баграмяна. Оно славится тружениками и героическими воинами.

Каждое село, каждый хуторок имеет свою историю, свои традиции, своих героев. Армянское село Чардахлы очень славится своими героями.

Из Чардахлы в Красную Армию в дни Великой Отечественной войны ушли более тысячи молодых людей. Из них 136 стали лейтенантами, старшими лейтенантами и капитанами, 30 — майорами, трое — полковниками и двое — Иван Христофорович Баграмян и Амазасп Хачатурович Бабаджанян — маршалами.

Кажется, сама природа создала этот район для подвигов, для обороны от вражеских набегов: скалы, водопады, овраги затрудняли здесь каждый шаг. Только местный житель, знавший любой камень округи и любую горную речонку, мог легко ориентироваться. Жизнь в горах воспитала у местных жителей высокие воинские качества — бесстрашие, решительность. Все чардахлинцы — великоленные джигиты. О них говорят, что в седло они понадают прямо с пеленок.

Чардахлинцы, братья Азарян, Мартиросян, гвардии полковник Даниэлян, подполковники Погосов, Таиров, чардахлинцы-маршалы прославились на фронтах войны. Почти в каждом доме, каждом красном уголке, в сельском клубе висит портрет Маршала Советского Союза Ивана Христофоровича Баграмяна.

В мае 1983 года Указом Президиума Верховного Совета Армянской ССР в республике был образован новый административный район, которому присвоено

имя Баграмяна. Этот указ высечен на каменной стеле у въезда в новый район; поодаль, на другой стеле из красного туфа большими армянскими и русскими буквами высечено: **Баграмян**.

Новый район был образован из земель, отошедших от Талинского и Октемберянского районов. Это были необработанные или, как принято говорить, целинные земли, составляющие более 20 тыс. гектаров. Сегодня здесь на когда-то безжизненных, каменистых землях колыхается пшеница на полях, цветут абрикосовые, персиковые, яблоневые сады, раскинулись виноградные плантации. Пришли сюда люди из близких и далеких районов республики, и этот участок Араратской долины под лучами южного солнца волею человека превратился в цветущий сад! Пробиты новые дороги. Построены ясли и детские сады, школы, поликлиники, кинотеатр, столовые, торговые точки. Здесь теперь зеленая зона, сады и искусственные озера, жилые массивы.

В столице Армении Ереване память об Иване Христофоровиче сохраняют аллея его имени в Парке Победы и станция метро. А по морям и океанам нашей планеты плавают танкер «Маршал Баграмян», напоминающая людям всей Земли о славных его победах ради их счастья.

Будто прощаясь с нами, Баграмян произнес однажды пророческие слова, в которых он оценил подвиги нашего поколения в прошлом и предвидел горькие и тяжелые дни Отечества в настоящем:

«Время, казалось бы, могло многое изгладить в памяти. Но нет!

Память народная хранит все великое и благородное, что свершили предыдущие поколения. Нетлена в этой памяти и героическая эпопея Великой Отечественной войны. Именно обогащенные народной памятью, сегод-

няшие мальчишки и девочки и их отцы и матери — совсем еще молодые люди — помнят и участвуют в великом противоборстве советского народа с мрачными силами империалистической реакции сегодня».

P.S. Я очень жалею, что не написал эту книгу при жизни Ивана Христофоровича. Думаю, она ему понравилась бы, как и другие, которые дарил ему в дни наших теплых встреч и бесед. Эта уверенность опирается на его слова, сказанные обо мне тридцать лет назад:

«Низко, низко преклоняю мою голову перед прославленным разведчиком Великой Отечественной войны и талантливым писателем современности.

*С уважением
И. Баграмян
9.5.76».*

Сегодня для меня эти душевные слова наполняются особым смыслом и значительностью — Иван Христофорович прожил 84 года, а я в дни работы над этой книгой сравнялся с ним по возрасту и благодарю Бога за то, что продлил мою жизнь до этих лет и дал силы написать добрые слова об Иване Христофоровиче в ответ и в знак благодарности за его высокую оценку моих скромных трудов на фронте и в литературе.

**БЕСЕДА В.В. КАРПОВА С
НАЧАЛЬНИКОМ ТЫЛА ВООРУЖЕННЫХ
СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ,
ЗАМЕСТИТЕЛЕМ МИНИСТРА ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ГЕНЕРАЛОМ
АРМИИ ИСАКОВЫМ ВЛАДИМИРОМ
ИЛЬЧОМ**

— Владимир Ильич, простому читателю Маршал Советского Союза Баграмян известен в первую очередь как командир-военачальник. Хотелось бы услышать Ваше мнение об Иване Христофоровиче как руководителе Тыла Вооруженных сил.

— Деятельность Ивана Христофоровича Баграмяна как талантливого организатора и руководителя одной из сложнейших составляющих военной организации государства — Тыла Вооруженных сил — еще не в полной мере исследована военными историками и раскрыта в художественной и историко-мемуарной литературе. Являясь заместителем министра обороны, начальником Тыла ВС СССР, за десять лет Маршал Советского Союза Баграмян сумел добиться централизации системы тылового обеспечения. Под его руководством Тыл Вооруженных сил продолжал развиваться одновременно с совершенствованием форм, способов и средств вооруженной борьбы, экономии государства. Оснаще-

ние Вооруженных сил ядерным оружием, ракетами, радиолокационными средствами, дальнейшее развитие традиционных видов оружия обусловили дальнейшие качественные изменения в способах их обеспечения, а организационная структура Тыла наиболее полно и органично «вписалась» в структуру Вооруженных сил. Сформированы Тыл ПВО, РВСН, переработаны уставные документы по подготовке и применению сил и средств войскового и оперативного тыла.

Уверен, Ваш творческий труд, Владимир Васильевич, позволит читателям узнать много нового о заслугах этого крупного военного деятеля в укреплении обороноспособности страны и боеготовности Вооруженных сил.

— Что дала эта воссозданная централизация Тыла Вооруженных сил в последующие годы?

— Серьезные проверки возможностей Тыла действовать в любых условиях, в том числе и крайне экстремальных, не раз приходилось выдерживать специалистам Тыла Вооруженных сил в послевоенные годы. Именно выстроенная под руководством И.Х. Баграмяна эффективная структура Тыла обеспечила тот запас прочности, который позволял и позволяет совершенствоваться, чтобы постоянно соответствовать предъявляемым временем требованиям как в ходе повседневной учебно-боевой деятельности, так и в боевых и экстремальных условиях, как это имело место быть, например, в ходе устранения последствий аварии на Чернобыльской АЭС (1986).

При ликвидации катастрофических последствий землетрясения в Армении (1988) Тыл сформировал и направил в зону бедствия медицинские, дорожные, железнодорожные, трубопроводные, автомобильные части, а также подразделения (учреждения) продовольственной и вещевого служб, службы горючего, а также

другие органы тыла. По целям и задачам это была крупная операция, направленная на тыловое обеспечение не только задействованных в ликвидации последствий землетрясения войск, но и пострадавшего населения.

Крупнейшей в послевоснный период по масштабу стала задача тылового обеспечения ограниченного контингента Вооруженных сил в Республике Афганистан (1979—1989). При создании группировки войск было развернуто около 100 соединений, воинских частей и учреждений. Тылом Вооруженных сил в этот период ежегодно перевозилось в Афганистан и обратно более 100 тыс. человек и до 300 тыс. тонн различных грузов. Более 90 % потребности контингента войск в дизельном топливе и керосине и 35 % — в автомобильном бензине обеспечивалось по развернутым на территории общей площадью более 1200 км полевым магистральным трубопроводам.

Накопленный в Афганистане опыт применялся специалистами тыла при организации тылового обеспечения во время крупномасштабных учений и в ходе миротворческих операций на территории СНГ, в Боснии и Герцеговине.

Анализ действий органов тыла по обеспечению военной операции федеральных войск в Северо-Кавказском регионе в 1994—1996 годах выявил ряд проблем, решение которых (с учетом афганского опыта) позволило уже в ходе контртеррористической операции оптимизировать систему тылового обеспечения. Это сыграло свою положительную роль. На сегодняшний день мероприятия по тыловому обеспечению группировки войск на Северном Кавказе, миротворческих контингентов и гуманитарных акций ВС РФ за рубежом осуществляются на требуемом уровне.

Оценивая все эти события в разрезе истории, можно сказать, что именно при Баграмяне создавался фунда-

мент надежной системы тылового обеспечения, действующей по настоящее время.

— **Владимир Ильич, что такое Тыл Вооруженных сил России сегодня и какие задачи он решает?**

— В целом в настоящее время Тыл как составная часть Вооруженных сил представляет собой совокупность сил и средств, предназначенных для тылового обеспечения и по службам тыла технического обеспечения войск в мирное и военное время. Одновременно он является стройной, функционально сложившейся структурной системой от батальона (войсковое звено) до Центра, которая соответствует облику Вооруженных сил как по масштабам и характеру выполняемых задач, так и по принадлежности.

Его материальную основу составляют специальные войска тылового обеспечения (автомобильные, дорожные, железнодорожные, трубопроводные), соединения, воинские части и подразделения материального обеспечения, медицинской службы, органы военных сообщений, части и подразделения авиационного тыла, вспомогательного флота, а также управления служб тыла (базы и склады, заводы, комбинаты, мастерские, отряды, спецпосзда, лаборатории и др.).

С 1 января 2005 года в состав Минобороны России вновь вошли Железнодорожные войска. Организационно они подчиняются начальнику Тыла Вооруженных сил Российской Федерации — заместителю министра обороны Российской Федерации.

Для руководства Тылом создана и функционирует система управления, включающая органы, пункты и средства управления. В каждом воинском организме, от батальона (дивизиона) до военного округа (флота), вида и рода вооруженных сил имеются ее элементы. Общее руководство силами и средствами тыла в Центре осуществляет Управление начальника Тыла Вооружен-

ных сил. На него возложены функции руководства и координации деятельности довольствующих главных и центральных управлений.

В XXI веке Вооруженные силы Российской Федерации вступили в новый этап своего строительства. Полным ходом реализуются актуальные задачи развития армии и флота, формируется их перспективный облик.

Исходя из задач вооруженных сил и их основных приоритетов строительства, модернизация системы тылового обеспечения осуществляется с учетом соответствия состава, группировок тыла потребностям создаваемых в военное время группировок войск (сил) и прогнозируемому характеру вооруженной борьбы, постоянной готовности к обеспечению действий сил стратегического сдерживания, соответствия боевой и мобилизационной готовности органов тыла степеням и срокам готовности обеспечиваемых войск (сил), объединения всех обеспечивающих систем военной организации государства посредством созданной межведомственной (сопряженной) унифицированной системы тылового обеспечения Вооруженных сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, а также эффективного использования возможностей и потенциала субъектов национальной экономики.

При определении направлений развития Тыла Вооруженных сил были приняты во внимание новые аспекты в содержании тылового обеспечения.

Их суть заключается в том, что на смену практике создания значительных объемов запасов материальных и технических средств должны прийти более гибкие и предметные схемы обеспечения. Уменьшение объемов запасов, с одной стороны, снизит степень их уязвимости от ударов противника, с другой — позволит адаптиро-

ваться к прогнозируемому росту маневренных возможностей группировок обеспечиваемых войск.

Таковы в общем виде направления деятельности по совершенствованию тылового обеспечения войск и сил флота на перспективу. Их реализация позволит на более высоком уровне выполнять основные задачи Тыла Вооруженных сил, связанные с обеспечением войск в боевой обстановке и повседневной деятельности, доведением до личного состава положенных норм довольствия, сохранностью и бережным использованием материальных средств.

В заключение хотел бы подчеркнуть, что главной заботой и целью Тыла Вооруженных сил всегда был и остается конкретный человек — военнослужащий, которого мы обеспечиваем всем необходимым для решения боевых задач как в индивидуальном порядке, так и в составе воинского формирования.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕГДА В СТРОЮ.....	3
ВВЕДЕНИЕ.....	10
НЕОБХОДИМАЯ РЕТРОСПЕКЦИЯ.....	14
КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ ПРИБАЛТИЙСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА.....	39
ГЛАВНЫЙ ИНСПЕКТОР И ЗАМЕСТИТЕЛЬ МИНИСТРА.....	94
НАЧАЛЬНИК ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА.....	115
ЗАМЕСТИТЕЛЬ МИНИСТРА ОБОРОНЫ СССР, НАЧАЛЬНИК ТЫЛА МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ.....	150
ТЫЛ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ.....	200
ТЫЛ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА.....	203
ТЫЛ ВОЙСК ПРОТИВОВОЗДУШНОЙ ОБОРОНЫ.....	207
ОПЕРАЦИЯ «АНАДЫРЬ».....	210
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ИНСПЕКТОР.....	241
ПЕЧАЛИ И РАДОСТИ.....	276
Беседа В.В. Карпова с начальником Тыла Вооруженных сил Российской Федерации, заместителем Министра обороны Российской Федерации генералом армии Исаковым Владимиром Ильичом.....	312

Научно-популярное издание

Путь русского офицера

Карпов Владимир Васильевич

МАРШАЛ БАГРАМЯН

Выпускающий редактор *К.К. Семенов*

Корректор *С.В. Цыганова*

Верстка *И.В. Левченко*

Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Всчс»

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строние 5.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: vcche@vcche.ru

<http://www.vcche.ru>

Подписано в печать 01.11.2013. Формат 84×108 1/32.

Гарнитура «PT Petersburg Cyrillic». Печать офсетная. Бумага газетная.

Печ. л. 10. Тираж 3000 экз. Заказ № 1960.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

e-mail: printing@r-d-p.ru www.r-d-p.ru

Мы храним тебя, Россия!

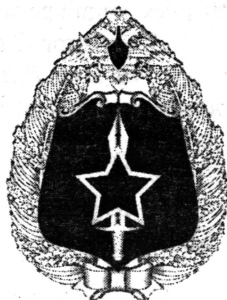
Газета выходит
с 1 января 1924 года

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

Центральный орган Министерства обороны Российской Федерации

90 лет в строю

**Обществу – об армии,
армии – об обществе**

WWW.REDSTAR.RU

123007, город Москва, Хорошевское шоссе, д. 38

телефон: +7 (495) 941-21-58 факс: +7 (495) 941-40-57

e-mail: mail@redstar.ru

www.redstar.ru

красная звезда.рф

Путь русского офицера

В.В. Карпов

Книга известного военного писателя В.В. Карпова посвящена одному из выдающихся полководцев Великой Отечественной войны Ивану Христофоровичу Баграмяну (1897—1982, с 1943 г. — генерал армии, с 1955 г. — Маршал Советского Союза). Однако тема данного произведения особенная: в нем речь идет о непростой послевоенной эпохе. Запад объявил крестовый поход против СССР, обозначилась угроза новой мировой войны, на этот раз атомной. На первый план выходило материальное обеспечение армии, способной вести сражения в условиях применения атомного оружия. В 1958 году руководство страны решило, что Тыл Вооруженных Сил СССР должен возглавить не только хороший интендант, но и полководец, компетентный в вопросах стратегии и обеспечения боевых действий в новых условиях. На эту ответственную должность и был назначен маршал И.Х. Баграмян; он прослужил на данном посту целое десятилетие.

ISBN 978-5-4444-1669-3

9 785444 416693

